

Общее оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА.....	4
ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ.....	5
ОТ АВТОРА.....	8
ВВЕДЕНИЕ К ДУХОВНОМУ ПУТЕУКАЗАТЕЛЮ, или Перечневое содержание этой книги.....	11
I. Уведомление.....	11
II. Уведомление.....	13
III. Уведомление.....	15
IV. Уведомление.....	17
ЧАСТЬ I. О духовной теме, сухости и искушениях, которыми Бог очищает душу, и о возвращении сил души в её лоно.....	18
ЧАСТЬ II. Как должна душа искать внутренний мир; о духовном отце, о должном ему послушании, о нескромной или безрассудной ревности и о внутреннем и внешнем покаянии.....	56
ЧАСТЬ III. О духовном мученичестве или страдании, через которое Бог очищает души, о влиянном или сообщённом через страдания созерцании [без содействия или действия человеческого]; о совершенном отречении от себя и о предании в Божию Волю; о сердечном Смирении, о Божественной Премудрости, об истинном уничтожении и о внутреннем мире.....	92
ПРИЛОЖЕНИЕ. Письмо автора о его внутреннем состоянии, писанное в 1676 году к епископу Иескому, Петру Матфею Петруцци, как оно находится в его сочинениях (ч. II, кн. I, письмо I) на итальянском языке.....	140

Предисловие редактора

«Духовный Путьуказатель» — главная работа известного испанского богослова, христианского (католического) мистика и учёного Мигеля де Молиноса, впервые изданная на испанском языке в 1675 году. В последующие годы была переведена на различные языки и выдержала несколько переизданий. С резкой критикой данной работы выступил орден Иезуитов (как позднее установили историки, под влиянием французского двора), и 18 июля 1685 года Мигель де Молинос был арестован, а 18 августа 1687 его взгляды были осуждены как еретические. В ноябре 1687 года сам Молинос был признан еретиком и приговорён к пожизненному заключению. В 1784 году «Духовный Путьуказатель» был издан в России известным масоном И. Лопухиным. Однако бо́льшая часть тиража была изъята. Более эта книга не переиздавалась.

Основная идея «Духовного Путьуказателя» — необходимость тотального религиозно-мистического опыта созерцания Бога. Такое пассивное созерцание может быть достигнуто путём отказа от собственной воли, воспринимающейся как греховная, полного самоотречения. Это основная идея квиетизма, манифестом которого и стал «Духовный Путьуказатель». Несмотря на то, что сама работа пронизана духом христианства и предполагает соответствующую позицию мистика, вставшего на путь познания (созерцания) Бога, она имеет большое количество пересечений с мистическими практиками других направлений и до сих пор используется некоторыми магическими организациями и объединениями. Знакомство с «Духовным Путьуказателем» позволит интересующемуся оценить и сравнить собственный мистический опыт, критически оценить его, что немаловажно, особенно в самом начале такого рода практики.

Приведённый ниже текст печатается по изданию 1784 года (типография И. Лопухина)¹. Перевод текста на современный русский язык выполнен Орденом Хранителей Смерти (ordenxs.org) совместно с Калининградской рабочей группой 93 in 39 (apokrif93.a-z-o-t.com), отв. редакторы Alister Garfield (ОХС) и Fr. Nyarlathotep Otis (93 in 39).

¹ Скан этого текста, выложенный в Интернете (<http://b-oto.org/content/molinos.pdf>), предваряется следующим предисловием: «Книга основателя квиетизма Мигеля де Молиноса впервые была издана в Италии в 1685 году. В 1784 г. эта работа увидела свет на русском языке в Москве, где была единожды напечатана и не переиздавалась до настоящего времени. Судьба этой книги в России оказалась достаточно трагичной — тираж был конфискован как ересь. Ещё до того, как “Духовный путьуказатель” Молиноса был издан в России, эта книга была признана еретической в Европе. Основные идеи Молиноса выражают необходимость тотального религиозно-мистического опыта — созерцания Бога, чем пересекаются с центральной мистерией западной магической традиции, которая известна как собеседование со Святым Ангелом-Хранителем. Вряд ли бы сейчас кто-то вспомнил об этой работе (ведь её русский перевод находился в забвении более двух веков), если бы Алистер Кроули, называвший себя Зверем 666, не включил её в список литературы студента Ордена Серебряной Звезды (Argentum Astrum). При всех преимуществах книги, студенту важно предельно критично воспринимать содержание этой работы, потому что в контексте Серебряной Звезды — это лишь пример мистического руководства, но не оно само. Чтобы помочь студентам Argentum Astrum, мы отыскали микроафиши с этой книгой и сделали её электронную версию, фактически заново открыв эту работу для изучения русскоязычным читателям».

Предуведомление

Искреннему читателю впервые издавший на свет эту книгу желает мира, которого беспокойный мир дать не может.

Сии слова верны и истинны.

Отк. 22:6

Это верные и неоспоримые истины, которые богоблаженный и просвещённый автор, описывая в этом сочинении, рассеял с лучами Того, Кто есть Сияние славы вечного Отца. Сии слова верны и истинны, — сии слова Света и Жизни, которые будут неугасимую лампадой и горящую свечью тем, кто хочет ходить по прямому и безопасному пути Правды и Истины.

Ни честолюбие, ни суетная слава, ни любовь похвалы, — короче говоря, никакое человеческое побуждение или земное намерение не принимали участие ни в сочинении, ни в обнародовании этой книги. Только любовь чести Божьей и желание содействовать христианскому совершенству побудили сочинителя предпринять это дело, которое теперь и меня обязует воплотить сей труд в печати.

Когда автор только тем и занимался, что утешал и направлял несчётное множеством душ, которые привёл к нему Бог, без собственного его искания (ибо пребывал он в уединении и отлучении как главнейшей цели его устремлений), — тогда написал он этот Трактат с необыкновенной скоростью, и не по чьему другому науцению, как только [по наставлению] молитвы, не по иному чтению и способности к наукам, а только по внутреннему мученичеству, которое есть училище внутренней Премудрости; не по иной науке, как по зову сердца; не по другому какому-либо намерению, как следовать вечному совету, вдохновению и, так сказать, насильному побуждению и принуждению Божию.

Потому я усердно желал, чтобы эта книга предстала в свете дня для общей пользы и для руководства тех помилованных душ, которые прямой дорогой самоотречения стремятся к блаженной и тихой вершине совершенства тайного: о том настойчиво просил я автора, чтобы он дал мне её; не получив же, для этой цели я применил его духовного начальника, которому бы он не мог отказать и с тем, дабы потом, прочтя её, ко мне потом доставил.

Итак, я отдал её в печать и преодолел некоторые трудности в этом деле, полагавшиеся мне на этом пути, ибо считал, что такое начинание может оказаться угодно Великому Отцу дома, Который не для того зажигает свои особые свечи, чтобы они оставались сокрыты от глаз, но лишь чтобы они светили на подсвечнике духовности; и потому ещё, что мне было известно и то, что истинно духовные огромную пользу из неё почерпнут. Часто весьма высокопарно пишут, подражая божественным писаниям, и божественным языком, ежели что сделают, или просто

лишь о страданиях, как это делали многие. Но это ничто, если не благоговеют аскезою, и не живут смиренно, шествуя по пути, и не отвращают трудностей и препятствий, которые душа внутренне находит и которые жизнь её задерживают. Это единственная цель, которую поставил себе автор, и кажется, что он в том весьма преуспел, ибо учение его основывается на одном исполнении, свет его чист, а стиль им написанного прост, и одновременно высок и ясен, и в то же время глубокомыслен.

Ради этой цели читай, дорогой мой читатель, с полной доверенностью, со святою радостью и богоблаженным благоговением это сочинение, как деятельное упражнение духовной жизни; в котором обращаешь манну божественной сладости и нового имени, имени внутреннего мира, которого никто не знает, кроме того, кто его принимает. Здесь ты увидишь разницу между рассматриванием и созерцанием, и между достигаемым через прилежность и вливаемым от самого Бога созерцанием; здесь познаешь многообразное бедствие души, вражьи искушения, лесть его, тайные коварства и козни; здесь, наконец, научишься тайным путям, ведущим к сокровищу добродетели и к высокой горе созерцания, уничтожения, превращения и внутреннего мира.

Ежели ты овца заблудшая и верно следуешь любезному гласу Божественного Пастыря своего, то под руководством этого Духовного Путеуказателя взойдёшь на благодатную ниву внутренней и тихой сладости, питаемую неисчерпаемыми реками живой воды и озаряемую Божественным Светом, который из этой книги воссияет в разуме твоём, а с ним и волю твою разожжёт так, что как только вкусишь ты этой духовной пищи, в тот же час объят будешь горящим вожделением стать обновлённым и сообразным блистающему образу Вечной Истины.

Таков плод, который обычно несут в себе книги богоблаженных и освещённых людей, пишущих не по ложным побуждениям человеческого размышления, но побуждаемых к тому избытком чистого и наполненного светом сердца, и учения которых сопровождаются внутренней благодатью, торжеством победы духа и сильным убеждением, что необходимо искать представленную в них истину, принимая её сердцем.

Хоть книга и мала с виду, но содержащиеся в ней мысли велики и высоки. И писана она не для тех, чья жизнь, по слову пророка, есть не что иное, как тьма; не для тех, кто предаётся движениям своих естественных инстинктов и своей чувственности, но только для простых душ, которые призывает Господь сладким и благоговейным гласом к духовному и внутреннему пути.

Ради этого взойди, возлюбленный мой читатель, взойди на этот счастливый путь, которому этот просвещённый и верный Путеуказатель тебя учит. Это путь благословения, освещения и истины, путь правды, суда и оправдания, путь Премудрости, мира и крепости, который только у входа тесен, а в середине весьма широк и в конце весьма просторен.

Это путь, на котором сердце находится в истинном благодушии и на котором дети Божьи в совершенстве используют право своего освобождения, вне которого всякое пространство есть не что иное, как теснота, всякая свобода есть не что иное, как рабство, всякое спокойствие есть не что иное, как труды, всякий мир — не что иное, как брань, всякая тишина — беспокойство, всякое веселье — ложная радость, всякое благополучие и всякое увеселение — только мука и печаль. Этот путь святой и чистый, он прямо и безопасно ведёт к вечной жизни, безо всякой опасности, без препятствий и страха, чтобы не споткнуться, ведёт к вершине горы христианского совершенства. И гора эта исполнена счастья и мира, исполнена тихого покоя и света; где облака слепоты, и человеческих страстей, и возмущений ума — не появляются, которую никогда не покрывают густые туманы плотских, воюющих друг против друга беспокойных желаний, и где ветры и бури мирского непостоянства и перемены времён веять не могут. Вот вожденное место, к которому ведёт этот духовный Путьуказатель.

Подумай о великой пользе, которую ты бы хотел получить от этой малой книги. Счастлив читатель, который не довольствуется тем, чтобы только читать содержащиеся в ней спасительные учения, но и от всего сердца старается производить их в дело.

*Брат твой и слуга
во Иисусе Христе распятом.
Ф. Иог. де С. М.*

От автора

Нет ничего труднее, чем возможность угодить всем людям, и нет ничего легче и проще, чем судить дела других. Все издаваемые книги подвержены этим двум порокам, и сколь бы сильны ни были покровители их, они не способны освободить их от этих качеств. Как же будет с этим малым сочинением, у которого нет никаких защитников и духовная пища которого, столь мало соответствующая моде, покажется невкусной и, возможно, вызовет насмешки у многих людей!

Но, любезный мой читатель, не ругайся понапрасну, если чего-то не понимаешь. *Естественный [душевный] человек не принимает того, что от Духа Божия*, говорит Св. Павел (1 Кор. 2:14). Плотский человек хоть и может говорить, слушать и читать о духовном, но ничего этого не понимает. Если ты осуждаешь сию книжицу, то причисляешь себя к мудрым этого мира, о которых Дионисий говорит, что Бог не сообщает им этой премудрости, но дарит её простым и смиренным, тем, которых обычно считают невеждами.

Тайное Богословие — это наука, состоящая не в воображении, а в ощущении, её не изобретают [прилежанием и размышлением], но ощущают; она не выучивается, но даётся с небес, и потому она столь верна, столь сильна, столь великую оказывает помощь и столь богата плодами. Она входит в душу не через уши, не через постоянное чтение книг, но через влияние Духа Божия, который изливает благодать свою на простых и малых и который его (то есть богословие) сопровождает непостижимой сладостью.

Есть учёные, которые никогда ничего об этом не читали, и есть люди духовные, которые ещё не ощутили действия этой благодати. И потому как первые, так и вторые никоим образом не хотят в это верить, одни по неведению, а другие по недостатку понимания.

Известно, что те, кто не вкусил этой сладости, не могут судить об этой тайне, и что они соблазняются, когда слышат беседующих об удивительных действиях, которые Божественная Любовь производит в душе, потому что в самих себе они ничего такого не усматривают. Но кто может ограничивать благодать Божью? Как если бы, например, Его рука стала короче, и Он теперь уже не мог бы делать того, что делал прежде. Бог не взирает ни на чьё достоинство и заслугу, когда призывает людей. Он не избирал ни из самых крепких, ни из самых богатых, но избрал слабые и бедные души, и от этого ещё больше воссияет Его бесконечное милосердие.

Наука эта — не одного лишь рассматривания, но деятельного упражнения, в котором пониманием достигается большее, чем тончайшим и острейшим размышлением. От этого предостерегала своего духовника Св. Тереза, чтобы он о духовных делах ни с кем ни разговаривал, кроме духовных¹. Ещё говорила она, что если им известен всего лишь один путь или окажутся они посреди течения, то остановятся и не смогут преуспеть в этой святой науке.

Те, кто будет осуждать учение этой книги, тем самым докажут, что они не имеют никакого понятия о тайной богоучёности и что они никогда не читали Св. Дионисия, Августина, Григория, Бернарда, Фомы, Бонавентуры и многих других святых церковных учителей, которые это описали, одобрили, похвалили и преподавали, при этом ощущая в себе плоды и действия, которые оно творит.

Необходимо ещё напомнить, что эта книга предназначена не для равнодушных людей, а лишь для тех, кто умерщвляет свои чувства и пристрастия, и кто в деле молитвы уже приобрёл должный успех и навык², и кто имеет божественное предназначение для внутренней жизни, чтобы далее усиливать и овладевать ею, ибо она устраняет препятствия, которые мешали в продвижении к совершенному созерцанию.

Стиль написания этой книги я старался подобрать так, чтобы при своём благоговении он был прост и полезен, и потому не употреблял ни кажущихся изысканными выражений, ни красот ложной витиеватости или тонкостей теологии, ибо намерение моё состоит лишь в том, чтобы учить Истине чистым и ясным образом и со смиренным и искренним сердцем.

Не следует удивляться тому, что всегда издаются новые духовные книги, потому что Бог всегда сообщает новый Свет, и души всегда испытывают необходимость в таком наставлении. Ещё не всё сказано, но многое написано и будет писаться до скончания мира. Славен тот Свет, который от Бога на Церковь Его воссиял через служение так называемого Ангельского Учителя Фомы. И, однако, сказал сей священный муж в час своей смерти, что Божественное Величие в то самое мгновение ока изливало на него свои лучи столь чистые и живые, что те, прежние, что освещали его, когда он писал, есть ничто в сравнении с ними, с теми, которые теперь проникали в него. И так Бог будет всегда сообщать людям новый Свет, новое познание, и бесконечная Премудрость Его никогда не может быть исчерпана.

Затруднения, находящиеся на внутреннем пути, сколь бы велики и многочисленны они ни были, не должны никого ввергать в малодушие, потому что и достойно, и праведно, когда поиск вещи столь высокой цены чего-то стоит. Не унывай. Благодать Божья и внутренняя сила, которую она подаёт, сделают тебя

¹ Таковыми все истинные христиане должны быть, как говорит нам апостол Павел: Вы же не плотские, но духовные, если Дух Божий живёт в вас. А кто не имеет Духа Христова, тот не Его.

² Или, по другим переводам: «кто обнаружил готовность к молитве».

способным к преодолению всех препятствий, которые придут тебе на ум, и ещё множества других.

Я не намеривался говорить о созерцании рассматривательным образом или защищать его испрошением чьего-либо покровительства, как это делали многие учёные люди, которые составляли целые книги, исполненные неоспоримых доказательств и свидетельств Писания и Отцов для опровержения тех, которые они безрассудно и необоснованно отвергают.

Так как с давних лет великое число душ вверило себя моему вниманию, чтобы я руководил ими на внутреннем пути, к которому они были призваны, то опытным путём я понял и увидел, сколько необходимо препятствий, какие естественные склонности надо отринуть и какие необходимо разорвать узы, препятствующие и мешающие душе продолжать течение своё и непрестанно стремиться к совершенному созерцанию.

Итак, к этому наибольшим образом направлены учения этой книги. Ведь чтобы призванные от Бога души могли верными шагами ходить по внутреннему пути, в первую очередь необходимо устранить препятствия, которые их задерживают и препятствуют их духовному течению. И для достижения этого намерения я употребил больше того, чему бесконечная благодать Божья смогла меня самого научить и в меня [так сказать] вдохнуть, чем тех мыслей, которые могло привести мне на ум чтение книг. Однако иногда, хоть и редко, я приводил авторов, ставших мудрыми и разумными при помощи деятельных упражнений и дознаний, чтобы стало понятно, что предлагаемое здесь учение не совсем новое и не такое уж особенное.

Намерение моё состояло, в первую очередь, не в том, чтобы утвердить внутренний путь или сделать его известным, но в том, чтобы сделать его гладким и ровным; и, во вторую — наставить вождей совести, дабы они не задерживали душ, которые призывает Бог тайными путями по внутреннему миру и к высочайшему благополучию. Да дарует Бог по бесконечному своему милосердию, чтобы они обрели намерение, которое себе представляют и которого столь усердно желают достичь.

Я надеюсь, милостью Божьей, что некоторые из тех душ, что состоят в развитии, которые призывает Он к этой высокой науке, получают плоды от моей работы; и тогда я буду считать, что мои старания употреблены на добро. Это единственная цель, к которой направлено всё моё желание, и если оно угодно Богу, в чём я и не могу сомневаться, то я вполне доволен и спокоен.

Введение к Духовному Путеуказателю,

или

Перечневое содержание этой книги

I. Уведомление

*Что к Богу можно идти двумя путями,
первый из которых — рассматривание и употребление ума,
заклячая одно из другого; а второй — одна лишь вера и созерцание*

1. Есть два способа идти к Богу и иметь с Ним общение; первый — размышлением и употреблением ума, а второй — одною лишь верою и всеобщим познанием. Первый называется рассматриванием [рассуждением], а второй — внутренним благоговейным вовлечением, и примечанием сил души, и приобретённым созерцанием. Первый годится для начинающих, а второй — для возрастающих. Первый есть чувственный и действующий в известной материи, а второй — чистейший и духовнейший.

2. Когда душа посредством активного и пассивного воображения и известных материальных вещей (имея при этом способность представлять и духовное), таким образом, переходя от одного предмета к другому и от одного познания к другому, уже приобретает готовность к построению суждений о тайнах, отчасти достигнув того, чего она желает, и даже возвышается к Творцу, — тогда берёт её Бог, будто за руку¹ [если только хочет её более этих [слабых] начал возвысить и без помощи разума вести по пути одной лишь веры], и делает так, что теряет смысл всякое рассматривание заключения и разума. Душа позволяет отдалять себя от него далее, и из состояния чувственности и слепоты, в котором она была прежде, извлекает так, что она, сумрачное познание одной чистой веры, взлетает к своему Жениху только крылами любви, не требуя от ума наставлений и советов, чтобы Его любить, потому что так её любовь была бы несовершенна, потому что приклеивалась бы она к тварному и текла бы, подобно каплям, которые падают медленно, время от времени.

3. Чем больше любовь отлучилась от тварного, и чем больше она посредством единой веры утверждается на едином Боге и его тайном вдохновении, тем твёрже она, постоянное и крепче. Хотя душа искала разные познания, которые могут дать рассуждения и вовлечённые чувствами образы, — но если Бог извлекает её из этого состояния, лишая разумевающего размышления и оставляя в божественной тьме, чтобы она прямым путём шла и одною верою ходила, чтобы она позволила себя вести и не хотела уже любить столь слабо и несовершенно, как её научили чувства, — то видит она, что всё то, что целый мир и остроумнейшие головы могли сказать ей о том — ничто; что благость и красота Возлюбленного её превосходит все её помыслы, и что твари гораздо грубее и немощнее и не способны служить ей учителями в познании Бога.

¹ Или же в самом начале Он призвал её с тем, чтобы вести без помощи.

4. Итак, любовь должна предшествовать, а ум оставляться. Душа должна любить Бога таким, каков Он есть, а не таким, каким Его представляет ей сила воображения. А если она не способна познать Его таким, каков Он есть, то она должна любить Его под мрачным покровом веры, хотя и не познав Его, подобно ребёнку, никогда не видевшему своего отца, но абсолютно доверяющему тем, кто рассказывает ему об отце, и любящему отца так, будто видел его.

5. Душа, у которой Бог отнял способность к размышлению, не должна ни жаловаться на это, ни прилагать усилий для более точного и ясного¹ знания [о божественных вещах и тайнах]. И даже если ей кажется, что она лишена чувственного познания и осязаемого утешения, а дух её уныл и лишён всякой помощи, какой требует слабость её природы, до той степени, что она чувствует себя одинокой, сухой и исполненной тьмы, — несмотря на это, не должна она беспокоиться, но должна постоянно пребывать в тихой твёрдости и помогать Господу действовать в ней. Потому что, хотя состояние это и кажется праздным бездействием, оно такое лишь в рассуждении её образной и чувственной деятельности, но не относится к деятельности Бога, который впоследствии производит в ней истинное ведение и познание.

6. Наконец, чем больше дух поднимается на высоту, тем более отдаляется он от всего чувственного. Многие души даже подходят к вратам [созерцания], но лишь немногие входят в них; а всё потому, что не хватает им доброго и искусного поводыря, или потому, что не покоряются они с совершенным доверием тому, который у них есть.

7. Быть может, кто-то скажет, что воля не есть выражение любви и что она лишь пребывает в праздной неподвижности, коли ум не может самостоятельно и явственно узнать то, что должен любить, ибо есть верное и главное правило: чего кто не познает, того и любить не может. На это можно ответить, что, хотя ум не познаёт Бога через воображение, размышление и осмысленное рассматривание, он, однако, может познать Его тёмной и всеобщей верой. Хотя такое познание и не показывает каких-либо отдельных качеств Бога, но, будучи сверхъестественным, оно яснее и совершеннее, чем все чувственные и особенные рассуждения, какие можно иметь о Нём в этой жизни; ибо всё, что душа может представить и придумать себе чувственным и мысленным взором, бесконечно отличается от Всевышнего Существа Божия.

8. *Отрицательные суждения о БОГЕ², говорит Св. Дионисий, предпочтительнее положительных³, и тот, кто познаёт, что Он непостижим и превыше всех наших чувств и мыслей, имеет более живое и возвышенное ощущение о Нём, нежели тот, кто понимает Его по нашему грубому уму под образом созданной красоты, блаженства и любви. Следовательно, это всеобщее тёмное и отрицательное познание может произвести в нас гораздо бо́льшую любовь и высокопочитание к Богу, чем если бы мы рассуждали о Нём то или другое через чувственные представления; ибо познание тем ближе приводит нас к Богу, чем больше отвлекает*

¹ Или, лучше: «для знания полного и частного».

² Когда душа отрицает всё то, что особенного, приятного и красивого находит в тварном, и говорит, что всё это не есть мой Бог, он бесконечно красивее, особеннее и приятнее, чем всё это.

³ Дионисий Ареопагит. Мистическое богословие, гл. 2 (<http://sedmitza.ru/lib/text/570195/>).

от тварного, и, напротив, чем больше кто прилепляется к тварному, тем больше отдаляется от Бога.

II. Уведомление

Что является рассматриванием, а что созерцанием,
и чем они отличаются друг от друга

9. Святой церковный учитель Иоанн Дамаскин¹ и другие Святые говорили, что молитва есть восхождение ума к Богу. Поскольку Он пребывает над всем сотворённым, то не может душа ни видеть Его, ни беседовать с Ним, если только не возвысится над всем. Такое же дружеское собеседование души с Богом, то есть молитва, делится на рассматривание и созерцание.

10. Когда ум внимательно рассматривает тайны веры, чтобы познать их истину, взирая на неё по отдельным её частям и размышляя над её особенностями, чтобы таким образом воля от этого взаимодействия пришла в движение и пленилась, то это называется *рассматриванием*.

11. Когда же душа (или через полученную многообразным размышлением готовность ума, или через особенное божественное просвещение) познаёт истину, обращая на неё свой взгляд, и взирает на неё в тишине чистым и спокойным умом, так что не имеет нужды в известных рассматриваниях и доказательствах для того, чтобы удостовериться; а воля любит её, удивляется и радуется²; то это называют *молитвой веры, молитвой покоя, внутренним возвращением [вхождением] и вниманием сил души и созерцанием*.

12. Св. Фома³ со всеми учителями Тайного Богословия говорит, что молитва есть чистое, приятное и тихое воззрение вечной истины, без рассуждения, без осмысления и без размышления. Ежели кто тщетно стремится познать Бога в тварном⁴, если кто рассматривает дела Его и особенно человеческую суть Христову как совершеннейшее среди всех; то, по словам Св. Фомы⁵, это есть несовершенное созерцание, как бы состоящее в том, что познают Бога, как Он есть в Себе Самом. Потому что, хоть человеческая суть Христова и есть всесвятнейшее и совершеннейшее средство, через которое можно идти к Богу, высочайшее орудие нашего блаженства и труба всех милостей и даров, нами получаемых, — оно не является высочайшим добром, которое обретается только в Божьем созерцании. Поэтому же *Господь Иисус* более или значительнее по Своей божественной сути, чем по человеческой, однако понятия эти соединяются; тот, кто о Боге помышляет и на Него взирает, тот, вместе с тем, помышляет и об *Иисусе* и взирает на *Иисуса*; что, в первую очередь, утверждается за теми, кто ведёт созерцательную жизнь, так как вера их проще, чище и деятельнее, чем у других.

¹ Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. Книга 3. Глава XXIV. О молитве Господней (http://orthlib.ru/John_of_Damascus/vera3_24.html).

² Или, по другим экземплярам: «радуясь, наслаждается».

³ 2.2. Вопросы. 180. Атик. 3 и 4.

⁴ Или: «радуется Божьи деяния в тварях познавать».

⁵ Там же.

13. Тот, кто достиг цели, может уже не напрягаться, и плавание корабля подошло к концу, если кто-то добирается до пристани. Так, когда душа по завершении труда, который ей необходим был для рассматривания, пришла к покою без труда и тишине созерцания, то она должна отбросить всё логическое размышление, пребывая в покое и тишине, взор свой в покое и тишине устремлять на Бога, все мысли, что возникают, кротко отклонять, ум свой, если что-то его тревожить начинает, в присутствии Божьем успокаивать, все силы свои концентрировать и видеть в Боге, довольствоваться всеобщим познанием, которое создаёт вера в Него, и обращать всю свою волю к любви Его, так как в том и состоит вся польза созерцания.

14. *И если ты, мой возлюбленный Тимофей, — сказал Св. Дионисий¹, — ревностно стремишься приобщиться к созерцанию мистических видений, то устранись от деятельности и чувств своих, и разума, и от всего чувственновоспринимаемого, и от всего умопостигаемого, и от всего сущего, и от всего не-сущего, дабы в меру своих сил устремиться к сверхъестественному единению с Тем, Кто превосходит любую сущность и любое ведение.*

15. Ради этого ты должен отбросить всё, что есть созданного, всё, на что чувства, мысли и мечты простираются; одним словом, все вещи, есть ли они или нет их, и свергнуть себя в блаженное Лоно Бога, Который воздаст тебе бесконечно больше, чем ты оставил, чтобы умножить горячность и ревность, с которой ты любишь Его, и силою любви Своей спасёт тебя в этом святом и блаженном молчании, которое много лучше, чем все дела и действия, вместе взятые².

16. По словам Св. Фомы³, очень мало значит то, что ум в этой жизни может познать о Боге; но то, что воля может любить Его — значит многое.

17. Чтобы достичь такого состояния, душа должна погрузиться сама в себя и сосредоточиться в себе, где обретает Образ Божий, любезное благоговение, молчание, забвение всех вещей, старательная работа воли, чтобы покориться Божественной Воле с совершенным отречением; где можно слышать Бога и с Ним одним беседовать, как будто никого больше в мире нет, как будто только Он и мы.

18. Не без причины говорят Святые, что плоды рассматривания приобретаются трудом; созерцание же действует без труда и с большою пользой, в тихом, спокойном, мирном и блаженном состоянии, в котором есть веселье и отрада. Рассматривание сеет, а созерцание пожинает, рассматривание ищет, а созерцание находит, рассматривание жуёт духовную пищу, а созерцание наслаждается ею и тем питает себя.

19. Таково учение Св. Бернарда, который на слова Спасителя «Ищите и обряцете» изъясняется так: *Чтение предлагает устам целую пищу, рассматривание дробит её, молитва даёт ей вкус, а созерцание есть сама сладость, которая оживляет и укрепляет.* Из этого можно понять, что есть рассматривание, а что созерцание, и чем они друг от друга отличаются.

¹ Дионисий Ареопагит. Мистическое богословие, гл. 1, §1.

² Или: «если все их собрать в кучу».

³ Т. 2. Вопросы. 27. Артик. 2 до следующего.

III. Уведомление

Какое наблюдается различие между приобретённым деятельностью или действующим и между влиянным или страждущим созерцанием; также о знаках, по которым можно понять, когда Бог хочет, чтобы душа от рассматривания перешла к созерцанию

20. Существуют ещё два вида созерцания: одно несовершенное, приобретённое и действующее; а другое влиянное и страждущее. Действующее, о котором мы теперь хотим говорить, есть то, которое может быть приобретено внутренним старанием, но с помощью Божественной Благодати, когда мы собираем вместе наши силы, души и чувства и находимся в готовности ко всему тому, что хочет сотворить с нами Бог, как пишут Рогас и Арнага.

21. Действующее созерцание хвалит и одобряет Св. Бернард, когда о словах пророка¹ «Послушаю, что скажет ГОСПОДЬ БОГ во мне» говорит так: *Мария наилучшую участь избрала, хотя смиренное поведение Марии, может быть, БОГУ не менее приятно было; но выбор Марии похвален, потому мы всегда, подобно ей, выбирать должны, но так, чтобы мы с терпением сносили и труд Марии, если БОГ возлагает его на нас.*

22. Св. Фома² говорит об этом ещё яснее, утверждая в следующих словах: *Чем больше кто приближается к БОГУ или другим в этом помогает, чтобы они к нему приблизились, тем больше и приятнее эта жертва перед БОГОМ. Из этого и следует, — заключает сей Святой, — что БОГУ угоднее, когда кто занят созерцанием или других этому учит, а не тот, кто привязывается или и других побуждает только лишь к действию, которое принадлежит к рассматриванию. Эти слова — ясное и понятное возражение против тех, кто отвергает приобретённое созерцание. Ибо нельзя сказать, что упомянутый Учитель говорит о влиянном созерцании, потому как не в человеческих силах предаваться ему и быть участником его.*

23. Хотя и говорится, что мы можем с Божьей помощью входить в приобретённое или действующее созерцание, это не следует понимать так, будто бы можно по собственному побуждению и изволению оставлять состояние рассматривания и входить в него без совета мудрого водителя, который бы мог ясно видеть и познавать, призвана ли душа от Бога к этому внутреннему пути. В отсутствие же водителя можно самому узнать из книги, говорящей о том, и из той, которой Божий промысел позволяет приходить к нам в руки, чтобы она открыла нам то, что мы хоть ощущали в глубинах сердца, но доселе не познавали. Хотя же душа может получить заверения светом, полученным из книги, что Бог зовёт её от созерцания, только всегда остаётся сильное желание получить об этом яснейшие и полнейшие наставления.

24. Чтобы такая душа могла получить в этом достаточную степень обучения, я хочу дать ей верные знаки, по которым она может познать своё призвание к созерцанию. Первый и главнейший знак — когда она не может уже размышлять или рассматривать, а если и случается такое, то с великим беспокойством ума и с

¹ Пс. 84:9.

² Разд. вопр. 282. Артик. 53.

великим трудом. Это же может происходить и от природной неспособности, натуги, сухости или недостаточной подготовки. Но то, что ни один из этих пороков не является причиной такой неспособности к рассматриванию, можно заключить из того, что не только день-два, но и многие месяцы никакого рассматривания в молитве не получается. *Когда ГОСПОДЬ ведёт душу к созерцанию, говорит Св. Тереза¹, то бывает, что ум не способен рассматривать страдание ХРИСТОВО. Потому рассматривание есть не что иное, как упражнение для поиска БОГА. Если же душа хоть один раз обрела его, то она уже привыкает не искать ЕГО иначе, как преклонением воли, и не желает уже трудиться умом.*

25. Второй знак — это когда душа лишается чувственного благоговения, но ищет уединения, избегает общества. Третий — когда чтение духовных книг ей скучно и противно, ибо они не говорят о внутренней сладости, которую обнаруживает она в своём сердце, хотя и не знает, чем именно она является. Четвёртый — когда, невзирая на то, что она не находит уже в себе ни сил, ни свободы размышлять умом своим о той или иной тайне, она, тем не менее, имеет твёрдое намерение пребывать в молитве. Пятый — когда она имеет весьма живое познание и вместе с тем великий стыд познания себя самой, как и наивеличайшее отвращение от греха и, напротив, глубокое почтение к Богу.

26. Другое созерцание есть влиянное и совершенное, в котором, как говорила Св. Тереза, БОГ обращается к человеку, *содержа ум его в напряжении и укрощая мысли, и язык его так скован, что при всём старании он не смог бы произнести ни слова. Тогда учит нас Учитель небесный, не позволяя нам слышать звук голоса своего, и остановкой действий сил души нашей, так как действие их в такое время было бы скорее вредно, чем полезно. Душа наслаждается этой благодатью, которой удостаивает её БОГ, но не понимает, как и каким образом происходит это наслаждение. Она горит в любви и не знает, как. Однако она наслаждается по-настоящему БОГОМ Возлюбленным, но вид и образ наслаждений ей непонятен и не имеет названия, из чего она заключает, что это такое наслаждение, которое не надо понимать разумом, не надо желать похотью, но необходимо, очистившись и не любопытствуя, встретить и принять её освещённую волей, и что все добрые дела и все страдания во всём мире, какие только можно причинить и вынести, недостаточны для того, чтобы заслужить это великое благо. Это есть дар Божий ГОСПОДА неба и земли, Он по своей беспредельной мощи и милости воли сообщает, кому хочет, и как, и когда Он хочет. В этом есть истинно действующее Божественное Величие, есть дело Божье, и это выше нашего разума.*

Из этого можно заключить, что это есть влиянное созерцание и единая благодать Божья.

¹ Разд. 6, гл. 7.

VI. Уведомление

Цель и содержание этой книги — истребить сопротивление нашей собственной воли, чтобы мы могли обрести внутренний мир

27. Путь к внутреннему миру есть путь согласия с волею Божьей, что бы Он с нами ни творил¹. Мы должны во всём подчинять свою волю Божественной Воле; ибо в том состоит мир нашей воли, чтобы она во всём была равнозначна с Божьей. Те, кто хочет, чтобы с ними всё происходило и чтобы всё направлялось по их собственному желанию и требованию, не знают ещё пути мира. И для того они ведут горькую и скучную жизнь, всегда в беспокойстве и брани, и никогда не могут они взойти на путь мира, который есть никакой иной, как тот, на котором мы проявляем и представляем себя равнозначными Божьей Воле.

28. Это разнообразие является кротким игом, вводящим нас в царство мира, внутренней тишины и ясности. Через неё познаём мы, что непреклонность воли нашей есть важнейшая причина всего нашего беспокойства, и что лишь тогда мы претерпеваем скорбь и печаль, когда не желаем подчинить свою волю божественной. Ах, если бы мы всё наше желание, всё наше вожделение подчинили Божьему совету и воле! Какой великий покой, какой благословенный мир, какая внутренняя ясная тишина, какое славное благополучие, какое сладкое предвкушение будущего блаженства мы бы в себе осознали и обнаружили! К этому стремится и всё намерение этой книги. Да благоизволит Господь осветить меня Божественным Светом Своим, да обрету и открою тайные тропы этого внутреннего пути, совершенного мира и высочайшего благополучия.

¹ Гуг. Кард. в пс. 13.

**ЧАСТЬ I. О духовной теме, сухости и искушениях,
которыми Бог очищает душу,
и о возвращении сил души в её лоно**

Оглавление

ГЛАВА I. Чтобы покоился Бог в душе, она должна утешать и успокаивать своё сердце во всяком беспокойстве, искушении и угнетении.....	20
ГЛАВА II. Хотя душа находится в таком состоянии, что не может рассматривать, она должна пребывать в молитве и не скорбеть о том, не печалиться; потому что это состояние ей очень полезно и сподручно.....	22
ГЛАВА III. Равного содержания.....	24
ГЛАВА IV. Также душа не должна ни печалиться и жаловаться, ни прекращать молитвы, когда находит себя в сухости и без помазания.....	26
ГЛАВА V. Продолжение прежнего содержания о том, что есть двоякое благоговение, из которых чувственное должно быть вторичным, и о том, что душа не пуста, даже если не упражняется в размышлении.....	28
ГЛАВА VI. Душа не должна беспокоиться, когда видит себя окружённую тьмой, поскольку она есть средство к её наибольшему успеху.....	30
ГЛАВА VII. Чтобы душа могла прийти к внутреннему миру, нужно, чтобы Сам Бог очистил её; ибо к этому не приводят собственные упражнения и умерщвления, употребляемые ею.....	31
ГЛАВА VIII. Прежнего содержания.....	33
ГЛАВА IX. Душа не должна ни скорбеть и сетовать, ни отвращаться от духовного пути, ибо угнетается духовными искушениями.....	34
ГЛАВА X. Такого же содержания.....	36
ГЛАВА XI. О внутреннем возвращении и о том, как душа должна содержать себя в нём, а также в духовной битве, которой потом дьявол силится тебя обеспокоить.....	37
ГЛАВА XII. Дальнейшее изложение прежнего.....	40
ГЛАВА XIII. Как должна душа содержать себя во внутреннем возвращении.....	42
ГЛАВА XIV. Как душа, которая совершенным преданием себя через простое дело веры поставила себя в присутствие Божье, ходит всегда в созерцании, хотя не действительно, однако сравнивающимся с ним в основе и приобретении.....	46
ГЛАВА XV. Равного с прежней содержания.....	48
ГЛАВА XVI. Как можно войти во внутреннее возвращение, или вовлечение сил души в её внутреннюю основу, через всесвятейшую человеческую суть ИИСУСА ХРИСТА.....	51
ГЛАВА XVII. О внутреннем и тайном молчании.....	54

ГЛАВА I

Чтобы покоился Бог в душе, она должна утешать и успокаивать своё сердце во всяком беспокойстве, искушении и угнетении

1. Ты должен знать, что душа твоя есть сосредоточение, жилище и царство Божие¹. Потому, если хочешь, чтобы твой Всевышний Царь восседал на престоле души твоей, то должен ты соблюдать её чистою, тихою, праздною и мирною: чистою от грехов и пороков, тихою и свободною от страха, праздною от вожделений и помыслов и мирною в искушениях и бедах.

2. Потому должен ты смотреть, чтобы соблюсти этот храм Божий во всегдашней тишине и чистоте, и чтобы ты непременно был в искреннем и чистом расположении духа. Охотно делать, просить, исполнять и без роптания страдать, как Господь в благодати благоизволит на тебя возложить; ибо общеизвестно, что Он ради пользы души твоей и ради твоего духовного роста позволяет происходить тому, чтобы враг блаженства твоего на тебя нападал и беспокоил это царство мира всякими искушениями, злыми внушениями и угнетениями, как и через всё тварное — возбуждением горькой скуки, досады и тяжких гонений.

3. Потому будь всегда постоянен, и да будет сердце твоё тихо и беспечально во всём беспокойстве, какое тебе могут причинить всяческие беды. Вникни в основу души своей [как в вольный город], там обитает Божественная Сила, которая будет тебя защищать, прикрывать и за тебя сражаться. Кто безопасную крепость имеет, тот не боится неприятностей, хотя они его, бывает, и преследуют. Ибо достаточно ему только вступить в крепость, чтобы всю их силу и все гонения презирать и обращать в ничто. Такая крепость, в которой ты можешь быть безопасен от всех твоих видимых и невидимых врагов и от всех их коварств и гонений, есть твоя душа. Там ты можешь справедливо ожидать божественной помощи и милости и сильной подмоги от неё. Прими это своё убежище и пребудь там в покое, мире и безопасности.

4. Первейшее твоё старание и постоянное упражнение да будет в том, чтобы тебе привести в мир престол своего сердца, дабы Всевышний Царь на нём мог свой покой принять. А чтобы это сделать, тебе надо войти в него внутренней собранностью и привлечением своих душевных сил. У тебя нет иного оружия и иной Защиты, кроме молитвы, и благоговейного взрачивания, и тихого благоговения в присутствии Божьем. И если находят на тебя гнев и искушения, то иди в этот вольный город мира, где ты отыщешь крепость для своей защиты. Если чувствуешь себя слабым и малодушным, восприми молитву как способ, который снабдит тебя таким

¹ Или более того: что в центре души твоей есть жилище и царство Божие. Причём некто замечает следующее. В Евангелии сказано: *Царствие Божие внутри вас есть* (Лк. 17:21). Этот центр, или всеглубочайшее и всевнутреннейшее основание души, Таулер называет *χαί εἰσοῦν*, существом души, всеверхнейшею силой души, непосредственно наслаждающейся Богом. Силой, которую потому Св. Иероним уподобил орлу, летящему прямо к Солнцу (см. книгу Таулера о подражании убогой жизни Христа, особенно ч. 2, §59 и §60). Мистики не сойдутся в названии этой силы. Некоторые называют её *συνείδησις*, совестью, Божьим присутствием в человеке, образом, характером, престолом, судилищем и пр., некоторые называют её верхом мысли. Франциск Сальский, писав о том, как она должна быть названа, советует называть её любовью. Одновременно с ним начинали и другие, но пространнее и почти взволнованно, будто были пьяными, или целиком объатыми страстью, или совсем утонувшими в этом чистом основании.

оружием, что ты можешь победить неприятеля и отразить все покушения. Ты не должен уклоняться во время дрящей бури, пока, словно новый Ной, в душе свой ты не почувствуешь долгожданную тишину, ясность и безопасность, и пока пребывает воля твоя в кротости, благоговении, мире и бодрости.

5. Наконец, не жалуйся и не отчаивайся, если увидишь себя малодушным и низложенным; приводи себя в мир так часто, как бываешь обеспокоен. Потому что Господь придёт жить в твою душу и установит в ней престол мира, когда обретёт её одну, уединённую и тихую. А для этого он хочет, чтобы ты в своём сердце внутренним возвращением и с помощью благодати Его искал в смятении тишины, в беседе — уединения, во тьме — света, в страдании — забвения, в слабости — сил и крепости, в страхе — бодрости, в искушении — скорости к сопротивлению, в войне — мира, в скорби — покоя.

ГЛАВА II

Хотя душа находится в таком состоянии, что не может рассматривать, она должна пребывать в молитве и не скорбеть о том, не печалиться; потому что это состояние ей очень полезно и спордучно

6. Ты будешь (как и все другие души, которые Господь призывает к внутреннему пути) чувствовать себя исполненным печали, сомнения и подозрения, ибо лишён свободы и могущества рассматривать в молитве. Тебе будет казаться, что Бог тебе не помогает в молитве, как помогал раньше; что упражнение молитвы тебе не подходит; что ты только теряешь время, особенно когда со всем старанием своего сознания не можешь произвести ни единой мысли, как прежде.

7. О, как встревожен и смятен ты будешь в этом недостатке рассматривания! И если ты в этом случае отыщешь себе такого духовника, который не имеет опыта в духовном пути, то он может решить, что душа твоя находится в нехорошем состоянии, и что тебе для успокоения совести твоей нужна всеобщая исповедь грехов и новое покаяние. От этого всего, однако, ты не будешь иметь никакой иной пользы, как только этим умножишь своё смятение и беспокойство. О, сколь много призвано к внутреннему пути душ, которых духовники даже не знают и, вместо того, чтобы взять их за руку и вести дальше, останавливают в их развитии или вовсе отвергают в погибель.

8. Для того чтобы тебе не идти вспять и не возвращаться к пройденному, ты должен твёрдо верить, что если больше не способен рассматривать в молитве, это наибольший твой успех, ибо это ясный знак того, что Бог хочет вести тебя к Себе тишиной и верой как кратчайшим и легчайшим путём. Ибо в таком случае душа представляет себя с простым воззрением и благоговейным вниманием на Бога, почти так же, как и обиженный подданный, который прибегает к своему государю, или как младенец, который ложится на кроткое и безопасное лоно любимой матери. Я сорок лет учился чтению и молитве, — говорит Жерсон, — но не нашёл более краткого и безопасного пути к обретению Тайного Богословия, чем тот, в котором мы представляем душу нашу Богу, словно дитя, или как бедняк, который не ожидает больше ни от кого уже помощи.

9. Этот вид молитвы не только легче, но и безопаснее, ибо не требует того, чтобы ему помогало творчество или сила воображения, которая подвержена коварству сатаны, ловко пробирающегося меланхоличным движением; он не применяет также и размышления, потому что в нём, скорее всего, душа рассеется, запутается и углубится в напрасное умозерцание и приклеится сама к себе суетным удовольствием.

10. Когда Бог хотел наставлять Моисея и дать ему скрижали закона, то повелел ему прийти к горе, и пока Бог приближался к нему, окутывалась гора мраком и тьмою и густыми облаками, и тогда потерял Моисей способность владеть языком и разумом. В день седьмой Бог велел ему взойти на вершину горы, где показал ему славу Свою и наполнил его обильнейшим утешением.

11. Так, когда Бог хочет вести душу в Своё Училище особым путём и к блаженному познанию внутреннего закона, то позволяет ей поначалу ходить во тьме и сухости, но постепенно приводит её к Себе, поскольку Сей Небесный Учитель знает в совершенстве, что если кто хочет прийти к Нему и с пользой внимать Его Божественному учению, то надо делать это не нашей собственной мудростью и разумом, но лишь покорностью, открытостью и молчанием.

12. В патриархе Ное мы видим славный пример тому: когда все принимали его за глупца, он видел себя без руля и ветрил среди обуреваемого моря, которое покрывало весь мир, заключённым в ковчег и окружённым дикими зверьми, и не знал, что Бог хочет ещё сделать с ним в дальнейшем, но жил одной лишь своею верой.

13. В этом состоянии тебе, о избавленная душа, не нужно ничего иного, кроме терпения, да ещё чтобы ты не переставала представлять себя в молитве Богу, хотя уже и не можешь упражняться в рассматривании. Ходи с твёрдой верой в святом молчании и старайся умертвить себя и, в первую очередь, свои вожделения и силы; потому что Бог есть Тот, Который есть, и не изменится; Тот, Который не может ни грешить, ни обманывать, и Который ничего иного не хочет и не ищет, кроме того, что нужно для твоей пользы. Весьма известно и явно, что тот, кто должен умереть, не может умереть иначе, как только испытав на себе жало смерти. Но сколь блаженно было бы употреблено время, если бы душа твоя была умерщвлена, нема и кротка пред Богом, дабы беспрепятственно воспринять божественное Его вхождение!

14. Чувства не способны наслаждаться небесными благами. Потому, если хочешь быть благополучным, молчи и веруй, страдай и имей терпение, и ходи, будучи утешен. Для тебя лучше молчать и позволить водить себя руке Божьей, чем когда бы ты мог иметь блага всего мира. И хотя тебе кажется, что ты похож на лентяя и ничего не делаешь, когда содержишь себя таким немым и кротким, — ты получишь от этого огромную пользу.

15. Посмотри на зверей, которые с завязанными глазами крутят мельничное колесо. Они не знают, что делают, не видят, успешно ли идёт их работа, а меж тем хлеб мелется, дневная работа их подходит к концу, и господин их даст им хороший корм. Кто бы не решил, что семя сгниёт и испортится, когда слишком долго лежит в земле? Но, однако, потом видят его прорастающим, всходящим и приносящим много плодов. Так происходит и с душою, когда Бог лишает её рассматривания. Ей кажется, что она бездельница, что она совсем не движется, будто погибла. Но со временем она поймёт, сколь далеко она продвинулась от себя самой и от мира — свободно и отвлечённо и в таком состоянии совершенства, о котором не могла и подумать.

16. Итак, не мучь себя и не тревожь, и не отступай назад, когда находишь себя в такой праздности, что не можешь ничего произвести в молитве своим разумом. Страдай, молчи, поставь себя в присутствие Божье, пребывай в нём постоянно, оставь себя Его Божеской благодати, которая сообщит тебе неколебимую веру, истинное освещение и небесную благодать. Ходи, будто с завязанными глазами, без мыслей и размышлений, предай себя в отеческие и благословенные руки Его и не желай ничего делать, кроме того, что потребует от тебя Его Святая Воля.

ГЛАВА III

Равного содержания

17. Все Святые и Учителя тайной сокровенной Премудрости соглашаются в том, что душа не может соединиться с Богом совершенно, разве только посредством рассматривания, которое существует только для тех, кто начинает вступать на духовный путь, дабы могли они через это приобрести основательное, скорое и в них пребывающее познание как красоты добродетели, так мерзости греха и недобродетели: по словам Св. Терезы, такое познание может быть приобретено в шесть месяцев, а по словам Бонавентуры¹ — в два месяца.

18. О! сколь многие и несчётные души достойны сожаления, ибо от начала до конца жизни задерживают себя рассматриванием, совершая над собой насилие, дабы произвести некоторые мысли, когда Бог отнимает у них свободу к этому, если хочет возвести их в лучшее состояние и возвысить к совершеннейшей молитве². И потому они, достигнув солидного возраста, столь же несовершенны, как и в начале, не успевают и ни одного шага не делают по пути духа. Между тем, они ломают себе голову, какое бы избрать время, какое место, какой образ³ и вынужденные мысли к своему рассматриванию, всегда ища Бога вовне, вместо того, чтобы войти в себя самих, где они бы и обрели Его.

19. На то же самое жаловался Св. Августин, когда Бог вёл его на внутренний путь, обращаясь к Нему⁴: *Как овца погибшая, заблуждался я, ища Тебя вне, тогда как Ты внутри. Много трудился, ища Тебя вне себя, а Ты обитаешь во мне, только бы мне возжелать Тебя. Обошёл я веси и градские стогны в мире сём, ища Тебя, и не нашёл, потому что я худо искал того вне, что было внутри.*

20. Ангельский Учитель Фома, который, впрочем, в своих писаниях столь смиренномудр, что будто посмеивается над теми, кто ищет Бога извне, заключениями разума, когда Он внутри, в них, говорит: Велика слепота и глупость у тех, кто всегда ищет Бога, кто по Нему воздыхает, призывают Его ежедневно в молитвах своих [словно бы Он очень далеко от них был], когда они, однако, сами, как говорил апостол, есть храм живого Бога, седалище Его и жилище, в котором Он престол Свой имеет. Кто столь несмышлён, чтобы искать вне своего дома то, о чём он знает, что оно в доме положено? Или кто может использовать для себя вещь, которую он только ищет? Или кто получает силу от пищи, которую он желает, а не вкушает? В таком состоянии находится жизнь мнимых праведных, которые всегда ищут Бога и никогда не находят, но наслаждаются тем, что все дела тех мнимых праведников становятся несовершенными.

¹ Во введении к Мистическому богословию, стр. 655.

² То есть, к созерцанию.

³ Над выбором правил; т. е. они делают для себя памятную записку, хотят всегда учиться, многое примечать и так учреждать и пр.

⁴ Блаженный Августин. Беседы души с Богом, гл. 30
(http://azbyka.ru/otechnik/?Avrelij_Avgustin/besedy-dushi-s-bogom).

21. Воистину, Господь наш Иисус Христос хочет, чтобы все Его ученики и последователи, особенно простые и не учёные, были совершенны. Подобно тому, как он плохих людей и невежд избрал Себе в апостолы, но и к Своему небесному Отцу обращался так (Мф. 11:25): *Слаблю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам, простодушным и незнатным*. И то известно, что такие люди могут достигать совершенства не рассматриваниями и тонкими размышлениями, к достижению которого они так же способны, как и всеучёнейшие, поскольку оно состоит преимущественно в движениях воли.

22. Св. Бонавентура учит, что ни о чём — ни о самом Боге — мыслить не полагается, ибо это несовершенство — рассматривать Его известными нам категориями, образами и видами, сколь бы тонки они ни были [как то воля, благодать, Троица или даже само Божественное Существо], так как все эти образы и представления, какие кто себе о Боге воображает, хотя бы и могли быть Ему приятны, не есть, однако, сам Бог, не допускающий никакого образа и вида, под которым бы Он мог быть понимаем. Не следует здесь, говорит этот Святой¹, ни о том, ни о другом, ни из тварей, ни из Ангелов, ни о Троиединстве мыслить, поскольку Премудрость этого [т. е. божественного созерцания] приобретает не остроумным рассматриванием, но любовью, вожделением и движением воли.

23. Мог ли этот святой муж сказать яснее? И захочется ли в рассматривании этого печалиться или жаловаться и прекращать упражнение молитвы лишь потому, что ты в ней уже не можешь придерживаться своих мыслей, когда ты, однако, невзирая на это, можешь иметь добрую волю, доброе желание и чистое суждение? Если Бог в юных воронятах (когда они своими родителями бывают брошены за то, что те видят их без чёрных перьев и, может быть, считают, что они не от их рода) действует небесной росой, чтобы они не погибли, но жили, — то разве не сделает Он того же с этими столь дорого искуплёнными душами, хоть они не могут ни говорить, ни в глубокое размышление вдаваться, если они только веруют, возлагают на Него своё упование, отверзают к Нему свои уста, дабы изъяснить ему свою нужду? Не будет ли верным, что божественная Его благодать заботится о них и снабжает их нужной пищей!

24. Истинно, что это великое страдание, но и особая благодать, когда душа находит себя лишённой чувственной сладости и одной лишь верой ходит тёмными и пустыми путями совершенства, к которому она может приблизиться не иначе как этим, хотя и трудным и вовсе не безопасным путём. Итак, да будет она постоянна, и да не позволит прогнать себя вспять, на прежние свои пути, если рассматривание уже становится безуспешно. Но да верует она твёрдо, да содержит себя тихо, да молчит и да пребывает в покое, да утвердится в терпении, ежели хочет быть благополучна и прийти к божественному соединению, к высочайшему покою, к истинному внутреннему миру.

¹ Мистическое богословие, ч. 2, стр. 685.

ГЛАВА IV

Также душа не должна ни печалиться и жаловаться, ни прекращать молитвы, когда находит себя в сухости и без помазания

25. Ты должен знать, что есть два вида молитвы: один нежный, приятный, исполненный сладких ощущений; а другой мрачный, сухой, безутешный и исполненный искушениями и тьмою. Первый вид для начинающих, а второй — для растущих. Первый даёт Бог душе, чтобы привлечь её к Себе; а второй посылает Он ей, чтобы очистить её. В первом поступает Он с нею, как с младенцем, а во втором — как со взрослым человеком.

26. Первый вид может называться жизнью зверей, и он принадлежит тем, кто следует чувственному или ощущаемому благоговению, которые посылает Бог душам, начинающим любить Его, чтобы эта малая сладость привлекла их к восприятию духовной жизни, так же, как зверей к чему-либо побуждают демонстрацией видимой вещи, приятной чувствам. А другой вид по справедливости можно назвать жизнью людей, поскольку в нём отражаются противоположности страстей, хотя нет к этому побуждений чувственной охоты и сладости, а только лишь стремление к достижению совершенства. Что и приличествует разумным людям.

27. Будь уверен, что сухость служит тебе на пользу, ибо она есть не что иное, как недостаток чувственности, которая является большим препятствием, задерживающим многих духовных людей в их развитии и делающим так, что все они деградируют и прекращают молиться, как это можно наблюдать на многих душах, которые в своём благоговении пребывают не дольше, чем продолжается чувственное утешение.

28. Ты должен знать, что Бог применяет покров сухого и безутешного состояния в том случае, когда хочет скрыть от нас то, что Он внутри нас творит и действует внутри нас, и мы бы потому вели себя смиреннее. Потому что если бы мы это знали и ощущали, то нас наполнило бы пустое и причинило бы суетное удовольствие нам самим; мы бы вообразили себе, что сделали что-то доброе и весьма близки к Богу; а это ещё больше удалило бы Его от нас и послужило бы нашей гибели.

29. Почитай за несомненную истину, что если кто захочет ходить внутренним путём, то прежде должна прекратиться всякая чувственность, и что средство, которое Бог употребит для этого, есть сухость¹. Бог творит через то, что душа уже не наблюдает, не смотрит на то, что она делает, что является единственным препятствием, делающим так, что она не успевает, и что Бог Себя ей не сообщает, хотя и действует в ней.

30. Итак, не печалься и не мучь себя тем, и не думай, будто вовсе не имеешь от этого никакой пользы, когда без сладкого ощущения отходишь от причащения Святых Тайн или от молитвы. Ибо это явное заблуждение. Земледелец сеет в одно время, а пожинает в другое. Так и у Бога есть Своё известное время. Он поможет тебе, когда Ему будет угодно, чтобы ты мог противостоять искушениям, и, когда ты

¹ Или такое состояние, когда Бог отнимает от души чувствуемую благодать, которую она доселе в своих духовных упражнениях и особенно в молитве ощущала, так что она не может совершать их охотно и с усердием, или так, что не хочет уже их продолжать, или, по крайней мере, прекращается прежнее приятное утешение и сладкий вкус.

меньше всего думаешь об этом, дарует тебе святое намерение и сильное вожделение служить Ему ревностнее. А чтобы ты не позволил обольстить себя внушениям врага твоего блаженства (когда он захочет уговаривать тебя, будто бы ты ничего не достиг и только теряешь время, чтобы отвратить тебя, таким образом, от молитвы), то намерен я тебе показать и здесь представить только некоторые из тех несчётных плодов, которые приобретает душа и в величайших своих сухостях.

31. Первый есть утверждение в молитве, из плода которой потом произрастают другие. Второй — что получаешь омерзение от всего мирского, которое мало-помалу подавляет злые страсти прежней жизни и, напротив, производит в тебе новое вожделение — служить Богу. Третий — что ты познаёшь и замечаешь много пороков, которых не замечал прежде. Четвёртая польза есть тайное предостережение и обличение при каком-либо злом начинании, чтобы не совершать его, а также чтобы иногда молчать, не жаловаться или не мстить, а в иное время — чтобы удержаться от того или иного мирского удовольствия, избегать и устраняться той или иной ситуации, того или иного общества, к которым прежде спокойно, безо всякого волнения совести или подозрения зла, но весьма безопасно стремился. Пятая польза — что когда ты иногда из слабости впадаешь в маловажный грех, то будешь внутренне винить себя и чувствовать себя болезненно. Шестая — что ты будешь чувствовать сердечное вожделение в себе, терпеть и делать всё, что угодно Богу. Седьмой плод есть особенная склонность к добродетели и великая способность побеждать себя самого, утешать волнения ума твоего, укрощать духовных врагов, задерживающих тебя в развитии. Восьмое: служит такое сухое и безутешное состояние к тому, что душа научится осознанно познавать себя и для того устыдится себя самой и почитает Бога более всего, а тварное ни во что не ставит, и имеет твёрдое намерение не отступать от молитвы, хотя знает, что она должна много страдать в этом упражнении. В-девярых, со временем твоя душа почувствует большой мир, и у тебя появится больше склонности к любви, к смирению, к умерщвлению плоти. Упование твоё на Бога будет крепче, покорение твоё и кротость — искреннее, отвлечение сердца твоего от тварного — совершеннее. Наконец, сколько грехов ты отбросил с того времени, как предался тому святому упражнению, сколько знаков имеешь, что Бог действует в твоей душе, хотя ты о том не знаешь, пока такое сухое и трудное состояние продолжается; но в своё время ты его узнаешь и испытаешь.

32. Все эти и многие другие плоды — будто молодые растения, рождающиеся из молитвы, а ты хочешь остановиться, поскольку она тебе кажется бесплодной и безутешной, и не видишь своего роста в ней? Будь неизменно постоянен и терпеливо сноси, не оставляй, продолжай свой рост, ибо ты будешь становиться совершеннее, хотя не будешь этого замечать.

ГЛАВА V

*Продолжение прежнего содержания о том,
что есть двоякое благоговение, из которых чувственное
должно быть вторичным, и о том, что душа не праздна,
даже если не упражняется в размышлении*

33. Благоговение двояко: одно — существенное и истинное, а другое — случайное и чувственное. Существенное — это готовность духа или ума делать добро, исполнять заповеди Божьи и творить всё, что принадлежит Его службе, даже если это, по причине человеческой слабости, могло быть произведено не столь совершенно, как хотелось бы. Это и есть истинное благоговение, и хотя ему порой сопутствует и веселье, и сладость, и слёзы, но чаще искушение, сухость и тьма.

34. Случайное и чувственное благоговение — это¹ когда при добрых желаниях и в духовных упражнениях находится нежное сердце, слёзы усердия и другие приятные чувствам действия. Не следует стремиться к этому и фиксировать на этом внимание. Безопаснее всего будет отвращать от этого волю, испытывая к нему мало почтения; ибо оно не только опасно, но и препятствует нашему внутреннему развитию. Поэтому мы должны стремиться лишь к истинному и существенному благоговению, которое с помощью благодати Божьей всегда можно приобрести, если только мы будем делать то, что в силах. И его можно иметь с Богом, с Христом, с тайнами, с Девой и Святыми.

35. Некоторые, познавая чувственное благоговение и сладость, думают, что пребывают в особой милости у Бога, имеют Его в себе и следуют Ему. Они всю свою жизнь проводят с воздыханиями о таком мнимом блаженном состоянии. Однако они обольщают себя, поскольку это не что иное, как утешение от природы², которое бывает оттого, что душа внимает и смотрит на то, что делает. Из-за этого они испытывают помехи в принятии истинного света и в успехах на пути совершенства. Поскольку душа вся является духом, а значит, не ощущается и не чувствуется, то и внутренние действия воли, происходящие от неё, духовны и неосязаемы; потому душа не всегда понимает, любит ли она, и очень редко ощущает своё действие.

36. Из этого следует, что такое чувственное благоговение и сладость есть не Бог, не дух или душа, но движение и прелесть природы, которое ты должен презирать и, между тем, пребывать в молитве и вверять себя в руки Божьи, под его руководство, которое и будет твоим Светом во тьме и твоим ободрением в сухости.

¹ Бернг. Бесед. I. О Рожд. Госп.

² Мистики редко произносят слова «плоть» и «кровь», удерживаясь от них как от не очень честных, но по гнусности отвратительных слов, и вместо них употребляют «наша человеческая натура», или «естество», или «естественность». Он хочет сказать так: наш ветхий Адам лицемерствует и ласкает себя тем, будто дело приведено в хорошее и безопасное состояние.

37. Не воображай себе, когда ты сух и тѣмен пред Богом и, вместе с тем, в вере и в тишине пред Ним бываешь, что ты ничего не делаешь, теряешь время и находишься в праздности. Хотя такое состояние в известной мере и является праздным, как то, что Бернгард¹ называет высочайшим покоем, *когда кто на Богу не вземлет* [то есть собственным постижением ума²], но, напротив того, и эта тишина, и покой души, как говорит этот же церковный Учитель³, есть великое и величайшее дело и упражнение.

38. Итак, нельзя сказать, что душа праздна, и хотя она не действует деятельным образом, однако в ней действует Дух Святой. Более того, она и не совсем бездействует, поскольку впоследствии исправляется духовным, простым и очень усердным образом. Приближаться к Богу, к Нему прилепляться, следовать Его внушениям, молиться Ему во внутренней основе сердца, почитать его богоблаженными движениями воли, подавлять только суетные мысли и помышления, которые стремятся обеспокоить нас во время молитвы, и всякие иные искушения кротко и с презрением отражать и преодолевать, — таковы все истинные действия, хотя они по особой тишине, с которой их производит душа, весьма просты, духовны и почти нечувствительны.

¹ Том. 5. Тракт. о житии уедин., гл. 8, стр. 20.

² Otiosum est non vacare Deo, immo negotium negotiorum omnium hoc est.

³ Hoc otium magnum est negotium.

ГЛАВА VI

Душа не должна беспокоиться, когда видит себя окружённую тьмой, поскольку она есть средство к её наибольшему успеху

39. Тьма тоже бывает двух видов: одна не блаженная, а другая блаженная. Первый вид происходит от греха и ведёт человека в вечную погибель; а второй есть тот, который от Бога в душе позволителен и определяется, чтобы она росла в добродетели, усилилась, укрепилась и поэтому ещё больше просветилась. Об этом не беспокойся и не печалься, когда ты найдёшь себя, будто среди мрачной ночи. Не воображай себе, будто тебя уже оставил и Бог, и свет, который освещал тебя прежде, но более, чем прежде, пребывай в молитве, поскольку эта мрачность есть знак, что Божественное Милосердие хочет наставить тебя на внутренний путь и в блаженные райские тропы. О, как благополучен ты будешь, когда воспримешь это тихо и с великой кротостью, будто средство к достижению совершенного покоя, истинного света и всех духовных благ!

40. Итак, знай, что путь тьмы есть тот, по которому ходят совершенствующиеся, что он прямой, совершенный и безопасный, поскольку на нём Господь устанавливает свой престол, как сказал Давид (Пс. 17:12): *Мрак сделал покровом Своим*. Через это умножается сверхъестественный свет, который Бог вливает в душу. Посреди тьмы рождается истинная Премудрость и крепкая любовь; и от них душа уничтожается в себе самой, а воспринятые мысли и сотворённые образы, препятствующие простому созерцанию Божественной Истины, рассыпаются и прогоняются. Там обретается внутренний путь, по которому Бог вводит душу в молитву покоя и в совершенное созерцание, к которому приходят очень немногие. Наконец, через это Бог очищает сердце от чувственности, или от беспорядочных движений и вожделений чувств, которые отвращают его от духовного пути.

41. И если это так, то как должен ты по справедливости почитать эту тьму? Как же должна она быть тобой любима? Но ты в ней не должен делать ничего иного, как только верить, что ты стоишь пред Богом и с благоговейным и тихим вниманием пребываешь в Его присутствии. Ничего не хотеть знать или познавать, не искать ни сладости, ни нежных и усердных движений, ни чувственного благоговения, и ничего иного не желать, как только чтобы была Божья Воля. Без этого вся твоя жизнь будет не что иное, как вечный круг, из которого ты не выйдешь и ни на шаг не продвинешься к совершенству¹.

¹ То есть, в конце ты будешь так далёк от средоточия, как и был в самом начале, не найдёшь основ своей души, в коей Божий царский престол был готов, поскольку ты всегда бродил вокруг, бегал вокруг средоточия, искал Бога вне себя, не обращал внимания на исходящие из средоточия вокруг (стремящиеся) лучи, чтобы на один из них поставить ногу твою, приблизиться к центру твоей души и обрести Бога в себе.

ГЛАВА VII

*Чтобы душа могла прийти к внутреннему миру,
нужно, чтобы Сам Бог очистил её;
ибо к этому не приводят собственные упражнения
и умерщвления, употребляемые ею*

42. Когда сможешь ты воспринять твёрдо намерение умерщвлять твои чувства и стремиться к высокому верху совершенства, чтобы соединиться с Богом, протянет Он невидимую руку свою над тобою, чтобы очистить тебя от дурных твоих склонностей, беспутных вожделений, твоей собственной благоугодности, самовлюблённости и многих других сокровенных пороков, которых ты не познаешь, покуда они господствуют в основе твоей души и препятствуют твоему соединению с Богом.

43. Ты не придёшь к этому блаженному состоянию, пока будешь работать только наружными упражнениями умерщвления и отвержения себя самого. Пока Господь не очистит тебя внутренне и не научит тебя Своим образом, как Он посчитает нужным, поскольку Он один знает, как необходимо очищать душу от тайных её пороков. Если ты будешь только беспрестанно молиться, то Он не только избавит тебя от грубых склонностей и вожделений, какими ты к естественным и временным благам прилепляешься, но и очистит от тонких, к каким ты склонен, духовных и сверхъестественных, будто это есть внутреннее божественное сообщение, восхищение, сильное движение и иные влияющие благодати, которые именуются крепостью и пребыванием души.

44. Всё это делает Бог посредством креста и сухости в душе твоей, если только ты свободно передашь волю твою и с целостным отвержением и кротостью будешь ходить в этом пустом и тёмном пути. Более же всего ты должен здесь наблюдать, чтобы тебе ничего не делать по собственному выбору и побуждению¹, и чтобы подвергать свободу твою всем внешним и внутренним средствам умерщвления, которые на тебя Бог соизволит наложить. Таково единственное средство подготовить себя к божественным втечениям: терпеливо, в великой тишине и со смирением сносить все беды — как внутренние, так и внешние. Но всё же все самоизбранные покаяния, все деятельные упражнения и умерщвления, которые ты будешь налагать сам на себя, ничем не могут в этом помочь.

45. Садовник больше уважает те растения, которые сам посадил, нежели иные, которые растут сами собой, поскольку они не могут в величии и силе сравниться с пересаженными. Так и Бог гораздо больше любит ту добродетель, которую Сам посадил и словно влил в душу; [если только находит Он её неподвижной в себе самой, спокойной, тихой, погружённой в себя и без себялюбия], то, говорю я, намного больше любит Он, нежели все иные добродетели, которые старается она производить по собственному побуждению и своими собственными силами.

¹ Или, по латинскому тексту: «И так ты получишь свой мир в наилучшем виде, когда будешь делать то, что тебе надлежит, и со спокойным умом отвергаться, сколь часто угодно Господу внутренне и внешне тебя умерщвлять».

46. Самое главное, чтобы ты приготовил сердце своё, как чистую бумагу, на которой бы могла писать Божественная Премудрость, что Ей угодно. Какое же большое дело для души, когда она должна проводить в молитве целые часы, словно немая, кротко и смиренно, без действия, без познания и даже без вождления, познавая и малое, что бы то ни было!

ГЛАВА VIII

Прежнего содержания

47. Ты найдёшь здесь новый труд и работу, но не тем образом, который мы доселе описывали, когда тебя тянет только на божественные и сокровенные действия, которыми Господь будет очищать тебя и исцелять от твоего неведения и нечестия. Но подумай, что словно море горести и болезней, внутренних и внешних бед покроеет тебя и приведёт в такое мучение и страдание, что пронзит до основания души.

48. Ты увидишь себя отошедшим от всех тварей, даже от тех, от которых ты ждал больше всего помощи и подмоги и которые, по твоему мнению, должны были сожалеть о твоих бедах. Источники, которые словно насыщают и делают плодотворными силы твоей души, иссохнут, как дождевая вода летом, так что ты не сможешь упражняться в рассматривании и не сможешь иметь ни одной доброй мысли. Небо покажется тебе медяным и не даст уже тебе света своего. Но утешит тебя в этой тьме твоей воспоминание о небесных лучах, которые прежде освещали твою душу.

49. Невидимые твои враги будут нагло принуждать тебя и гнать всяким сомнением, нечистыми помыслами, движениями нетерпения, гордости и гнева, роптанием и хулою на Бога, на Его тайны и таинства. Ты будешь ощущать в себе великую холодность, великую досаду и омерзение ко всему тому, что божественно и небесно; мрак и тьму в твоём сознании, беспорядок и малодушие, и крайнюю скорбь сердца, и такое хладномыслие и неповоротливость твоей воли, что во всех трудностях, которые у тебя произойдут, она будет делать из мухи слона. И отрешение твоё будет столь велико, что, не иначе, тебе покажется, будто нет Бога, который бы заботился о тебе, и ты не сможешь уже иметь добрых намерений, и будешь ты, словно заключённый между двумя стенами, находясь всегда в скорби и в постоянном страдании, не видя надежды на избавление.

50. Не бойся, потому что Бог творит с тобой такое не для чего иного, как только чтобы очистить твою душу, научить её познавать такие беды и, словно руками, осязать ничтожество всех возмущений ума и беспорядочных вожделений, какими она прежде наслаждалась и увеселялась. Наконец, нужно, чтобы Господь Сам очистил тебя таким внутренним страданием, ибо все внешние упражнения и умерщвления, которые бы ты мог предпринять самостоятельно, не доведут до того, чтобы ты Иону чувств своих вверг в море, но чтобы ты насладился истинным светом или шёл к совершенству. И потому ты всегда бы оставался в начале и никогда бы не достиг возлюбленного покоя и внутреннего и высочайшего мира.

ГЛАВА IX

Душа не должна ни скорбеть и сетовать, ни отвращаться от духовного пути, ибо угнетается духовными искушениями

51. Сколь мал и презрен естественный человек, сколь, однако, высокоумен, честолюбив и исполнен себя самого [то есть своей самовлюбленности, своей собственной воли, собственного определения и благомыслия], что если бы искушения не давали ему почувствовать его малость и ничтожество, неизменно бы он погубил себя. Потому-то Господь, подвигнутый милосердием и сожалением, когда видит наши беды и хочет изменить наши греховные и превратные склонности, позволяет, чтобы нападали на нас и беспокоили худые мысли против веры, ужасные искушения, сильные побуждения к нетерпимости, гордости, невоздержанности, любострастию, гневу, роптанию, богохульству, отчаянию и пр.; чтобы мы таким образом научились познавать свои беды и немощь. И такими искушениями бесконечная его благодать поражает наше высокоумие и так подаёт нам действующее в нас смирение, во здравие души нашей, хоть и горькое, но спасительное врачевание.

52. Все наши дела, говорит Исаия, словно скверная одежда, осквернённая пятнами высокоумия, самовлюбленности, своемыслия и ложной благоугодности. Потому надо, чтобы очистились они огнём печалей и искушений, чтобы были чисты, светлы и непорочны и божественным очам Его угодны.

53. Так Бог очищает душу, которую призывает к Себе, посредством искушений, какие употребляет Он, как пилу, при помощи которой мало-помалу сойдёт ржавчина гордости, сребролюбия, суеты, честолюбия, невоздержанности и самовлюбленности. Через это делает Он её тихую, смиренную, искусную и чувствующую собственные её беды. Через это очищает Он её сердце, и словно выметает, и делает его свободным от беспорядочных склонностей и вожделений, чтобы все дела её могли быть чисты и драгоценны пред Ним.

54. Многие души, находясь в этом тяжком страдании, только печалются и скорбят, так что воображают себе, будто бы чувствуют начало вечной муки; и если иногда, к несчастью, достаются в руки такому духовнику, который не имеет навыка, то, вместо того чтобы утешать их, приведёт он их в большее беспокойство и смятение.

55. Дабы тебе не лишиться внутреннего мира, ты должен почитать совершенно, что это Премудрость и изящное действие милосердия Божьего, которое тебя так смиряет, угнетает и упражняет, — чтобы тебе открылись основы твоей души и из этого ты мог бы познать и вменять, что она наихудшая, нечестивейшая и сквернейшая во всём мире; а это возбудит в ней живое ощущение собственного ничтожества и великое омерзение от себя самой, и вместе с тем она станет смиренною и покорною Ему. О, сколь бы благополучны были души, если бы они пребывали тихо и веровали, что все такие искушения хоть и происходят от дьявола, но принимаются от Премудрого правления Божьего и употребляются к нашему духовному преображению!

56. Если же ты скажешь, что дьявол не имеет отношения к тем бедам, которые причиняются тебе от тварей, но что должен ты приписывать их только злобе и бесчестию тех, кто тебя обижает, то знай, что есть не что иное, как тонкое и скрытое искушение; ибо хотя Бог не желает и не одобряет грехов и пороков человеческих, но Ему надобно то, что последует за этими грехами. Иначе говоря, боль и страдания, которые они тебе причиняют, нужны для того, чтобы через них терпение твоё укрепилось, утвердилось и чем дольше, тем было бы совершеннее.

57. Во всяком причинённом тебе оскорблении есть две стороны: грех того, кто тебя оскорбляет, и тяжесть, которую ты от этого терпишь. Грех есть то, что против воли Божьей, хотя Он не попускает ему, но желает страдания, которое причиняет тебе грех и которое ты должен принимать, словно от Его руки. Так, смерть Господа нашего Иисуса Христа произошла от злобы иудеев и от неправосудия Пилатова. Но, однако, Бог желал её, и да послужит она нам для спасения и для жизни.

58. Смотри, как Господь Бог употребляет грех другого на пользу и спасение твоей души. О великая Премудрость! Кто может исследовать бездну Тайн твоих, особые пути и неведомые тропы, какими ты ведёшь и направляешь души, которые хочешь очистить, изменить и [так сказать] преобожить.

ГЛАВА X

Такого же содержания

59. Чтобы в душе появилось жилище Царя небесного, она должна быть чиста и без пороков; и для этого ввергает её Бог в горящую печь искушений. Поистине, душа никогда не любит горячее и никогда не верует крепче, как ежели она таким образом притесняема и искушаема на духовном пути ходит, и сомнения, и страх, какими она окружается, охотно желая знать, состоит ли она в вере или нет, согласна ли она с искушениями в основании или не согласна, есть не что иное, как скрытые действия её нежной любви.

60. Такую любовь ясно показывают и те свойства, которые обычно впечатываются в душу искушениями, такие как неуважение и отвержения себя самой, живое чувство Величия и Всемогущества Божьего, великое на Него упование, — для того чтобы Он избавил душу от опасности, в которой она была, гораздо крепче и твёрже та вера, что заставляет её верить и прославлять то, что Бог есть сущий, который даровал ей силу постоянно терпеть язву искушений, и что ей, в рассуждении великой наглости, с которой она была искушаема, по натуре невозможно было противостоять и четверти часа.

61. Из этого можешь понять, что искушение есть величайшее твоё счастье, и что чем больше донимает оно тебя, тем пуще должен ты радоваться, пребывая в мире, и никак себя не мучить, но больше благодарить Бога за это, как за особое благодеяние. Единственное средство против искушений и против злых и нечестивых помыслов — презирать их и делать всё возможное, чтобы не замечать их. Ибо нет ничего, что бы досаждало гордому дьяволу более, как если он увидит, что нимало не уважают ни его, ни того, что он внушает и представляет фантазии, или силе воображения. Потому ты должен держать себя пред ним так, как не уважающий его, всегда прибывать в мире, не скорбеть и не сетовать, но много думать о том и не стремиться отвечать ему. Ибо ничего нет опаснее, как требовать речи и ответа от столь коварного и льстивого врага, который ловит нас в сети прежде, чем мы замечаем это.

62. Все те, кто пришёл к святой жизни, должны были идти этим трудным путём. И чем святее становились они, тем бо́льшим искушениям подвергались. Господь позволяет также, что и те, кто уже достиг святости и совершенства, должны бороться с постоянными искушениями, дабы таким образом сделать их венец славнее и подавить то, что ещё остаётся в них от гордости, или загородить этому вход и впоследствии всё больше и больше утвердить их, когда они сохраняются смиренно и осторожно [ибо они всегда боятся, как бы случайно не пасть].

63. Наконец, знай, что всевеличайшим искушением является отсутствие искушения [напасти]. Потому радуйся, когда бываешь искушаем, и противоборствуй так, чтобы при этом тебе пребывать в мире, постоянстве и смирении. Ибо, если ты хочешь служить Богу и достичь высокого верха внутреннего мира, то тебе необходимо взойти по этой тягостной тропе, надеть этот тяжкий шлем, сражаться в этой жестокой войне, и в этой горящей печи необходимо себя очистить.

ГЛАВА XI

О внутреннем возвращении и о том, как душа должна содержать себя в нём, а также в духовной битве, которой потом дьявол силится тебя обеспокоить

64. Внутреннее возвращение есть вера или молчание в присутствии Божьем. Для этого ты должен привыкать возвращать себя в своё основание пред Ним, с благоговейным вниманием, как тот, кто предаёт себя Богу и соединяет себя с Ним в почтении, смирении и покорности; так, чтобы ты созерцал Его в основе души своей без формы, без образа, без образования или вида, но лишь видением или всеобщим познанием возлюбленной и мрачной веры, без некоего различия божественных его совершенств или свойств.

65. В этом состоянии пребывай с простым, светлым и исполненным любви зрением, устремлённым на Бога. Оставь и вручи себя во всё в Его руки, да творит Он с тобой всё, что Ему благоугодно, и не наблюдай ни за собою самим, ни, тем более, за божественными свойствами. Держи чувства свои пленными и, передав Богу заботу о всё том, что тебе принадлежит, пребывай в уединении и всецелом забвении всех вещей этой жизни. Короче говоря, вера должна быть чиста, без образа и формы, проста, без заключений разума, и всеобща, без замечания особенностей.

66. Молитва и возвращение внутреннего мира преобразуются борьбою, которую имел Иаков всю ночь с Богом, пока свет дневной [заря утренняя] не воссиял и Бог не благословил мужа. Так и душа должна крепиться и бороться с тяготами, которые чувствует она в продолжение тихой ночи возвращения, и не отставать, пока Солнце внутреннего Света не взойдёт над нею и Господь не даст ей Своё благословение.

67. Едва ты вступишь на внутренний путь, чтобы идти по нему к Богу, как весь Ад сразу восстанет против тебя. Единственная душа, которая внутренне вошла и скрылась в присутствие Господне, сильнее поражает духовных врагов, нежели тысяча других, которые только ходят извне, поскольку приобретение и приумножение такой внутренней души значит чрезвычайно много.

68. Мир и кротость души твоей во время возвращения среди множества разных наглых, противных и нечистых помышлений гораздо приятнее Богу, чем если бы ты имел многие весьма добрые начинания и того бо́льшие чувствования без подобных напастей. Собственное старание, которое ты употреблял бы для сопротивления таким помыслам, только воспрепятствовало бы тебе и ещё больше обеспокоило бы тебе душу. Потому лучше всего тебе кротко презирать их, познать свою бедность и с тихим умом представить свою нужду Богу.

69. Хотя ты и не можешь ни прогнать эти тягостные мысли, ни чувствовать некоторого света, утешения или духовного ощущения, однако не печалься о том и не прекращай возвращения ради такого коварства, которое даёт тебе враг твоего блаженства. Оставь и предай себя Богу тем крепче, страдая терпеливо, и будь всегда там, где Он есть, ибо если ты станешь так делать, то душа твоя будет внутренне преумножаться и преуспевать.

70. Может быть, ты думаешь, что когда заканчиваешь молитву, ты столь же сух и тощ, как и был, начиная её, то это происходит от недостатка приготовления, и это

причина того, что ты не чувствуешь никакой пользы. Но ты заблуждаешься; ибо плод истиной молитвы состоит не в наслаждении светом и не в особом познании духовных вещей как могущих находиться и в одном лишь уме, не сопровождаемых истинной добродетелью и совершенством, но он состоит только в том, чтобы тебе терпеливо страдать и твёрдо пребывать в вере и молчании, справедливо почитая, что ты находишься в присутствии Господа, обращая к Нему своё сердце с тихим и чистым умом. Пребывать так постоянно — вот единственное предуготовление, и это единственное необходимое качество, которое требуется от тебя при этом; тогда можешь ожидать от этого неизречённой пользы.

71. Находится же в этом внутреннем возвращении весьма общая и многообразная брань. Потому что когда с одной стороны Бог лишит тебя чувственной сладости, дабы испытать тебя, сделать смиренным, очистить, то с другой невидимые враги нападут на тебя и очень будут стараться привести тебя в беспокойство и смятение. В той же степени будет тебя мучить и сама натура (как бы всегда противящаяся духу), которая, имея принуждение лишаться чувственного вкуса, часто оказывается слаба, печальна и исполнена досады; так что все духовные упражнения, и особенно упражнения в молитве, будут для тебя подобно Аду. Тогда почувствуешь, сколь много досадных помыслов, какое изнеможение тела, наглость сна, возмущение чувств, стремящихся охотно следовать своему естественному побуждению, будут причинять тебе жестокую язву, так что время молитвы будет тебе казаться очень долгим и всегда побуждать тебя желать его скорейшего окончания. О, сколь счастлив ты будешь, если будешь всегда твёрд в этом духовном мучении!

72. С этим согласна Св. Тереза, [которая имела столь великое понимание о внутреннем и духовном пути и столь верно о нём учила] в письме¹, которое писала она к Епископу Огмскому, в наставление ему, как он должен содержать себя в молитве, и между многими наглыми помышлениями, тогда нападшими на него. *Вы должны, — говорит она, — терпеливо страдать наглость разных помыслов и досадных нападений, а также бурю естественных движений души (происходящих от сухости или безутешности и от смятения, в коем она находится) и тела (возникающих от недостатка покорности, которым оно обязано духу).*

73. Это и называется сухим или безутешным состоянием благоговейных душ, которое им весьма полезно, если они принимают его с любовью и терпеливо страдают. Эта работа неизменно приносит преимущество и выгоду, если только производится кротко и безропотно. Воистину, к происходящему возвращению иногда приходит дьявол, окружённый целым войском летающих помыслов, чтобы разрушить покой души, возбудить в ней отвращение и омерзение пред внутренним хождением, которое, однако, лишь весьма приятно и безопасно. И стремится он сделать так, чтобы она оставила это упражнение; например, иногда он приводит её в такое состояние, что у неё возникает ощущение, будто она идёт на жестокое мучение.

¹ Письмо 8.

74. Св. Тереза прекрасно знала всё это и потому в говорит вышеупомянутом письме: *Чучела фантазий, наглых помыслов, беспокойных движений, сатаню возглавляемых, мучают и уязвляют душу, и представляют уму тысячные вещи, дабы сердце успокоилось ими. Сносить с терпением эти тягости и наглости — один из немаловажных плодов, приносимых молитвою. Это не что иное, как представлять себя в жертву и во всеожжение, то есть позволить себе вовсе быть поглощённым огнём напасти так, чтобы там не осталось более ни единой части нас самих. Смотри, сколь возбуждает нас и ободряет эта небесная учительница к терпению неприличных помышлений и напастей, и если кто только не согласится с ними, тот получает от них особую пользу.*

75. Когда возникнут у тебя побуждения кротко отвергать эти суетные помыслы и от них отвращаться, то станут они венцами, которые Господь возлагает на твою славу. Хотя ты воображаешь себе, что ничего не делаешь, но оставь заблуждение, ибо доброе намерение или мысли в молитве, о твёрдом и постоянном решении продолжать и не уклоняться Богу очень приятны.

76. *И так пребывать [заключает эта Святая] и никакой от этого пользы не чувствовать не является потерей времени, но это великое приобретение, поскольку трудимся, не ища собственной пользы, а лишь во славу Божью. Тебе может показаться, что старания твои напрасны и обратились во зло; но подумай, что с тобой происходит то же самое, что и с теми детьми, что возделывают землю родителей своих. Хотя они и не получают награды в конце каждого дня, но их отец всё же ведёт счёт, а по окончании года даёт им достойную плату. Смотри, как эта Святая Душа своим учением укрепляет и охраняет наши души.*

ГЛАВА XII

Дальнейшее изложение прежнего

77. Бог сильнее всего любит не того, кто более всего молится или чувствует, не того, кто думает, что он сильнее и глубже всех чувствует и колеблется, но того, кто больше страдает, когда он лишь в вере и с почтением молится и справедливо почитает, что он в Его святом присутствии. Истинно, что душа должна терпеть тяжкие страдания, когда отнимется у неё молитва чувств и природы. Но Господу в радость, когда Он видит её в таком состоянии тихой, довольной и кроткой. Итак, не употребляй устной молитвы: хотя она сама по себе и свята, однако в то же время бывает вражье искушение, которое хочет препятствовать беседе с Богом в сердце твоём под тем предлогом, что ты Его не чувствуешь, и желая ещё убедить тебя в том, что ты напрасно тратишь своё время.

78. Бог обращает внимание не на множество слов, а лишь на чистоту мысли и суждения. Ничто Ему не угодно более, и ничто иное не служит к Его чести, как то, когда он видит душу в молчании возвращения, голодную, укреплённую в надежде, смиренную, спокойную и кроткую. Живи, будучи постоянен, молись и молчи; ибо в аду ты не находишь чувственной сладости, там найдёшь открытую дверь ко входу в твоё Ничто, в котором ты познаешь, что ты ничто, ничего не можешь и даже не можешь иметь ни единого доброго помышления.

79. Сколь многие, кто начал это блаженное упражнение молитвы и внутреннего возвращения, а потом снова прекратил под тем предлогом, что вовсе не чувствует в нём никакого вкуса, теряют время и смущаются разными помышлениями, и потому сей вид молитвы вовсе не для них, ибо они не ощущают в тех упражнениях чувство никакого вания от Бога и не могут размышлять своим умом. Но, однако, поскольку они могут веровать, молчать и терпеть, то будет ленью и неблагодарностью, если они не хотят затратить малого труда и безутешности, позволяя своей самовлюблённости только усиливаться, ища вместо Бога себя самих, будучи столь жадны к чувственной сладости, не помышляя, однако, о неизмеримом вреде, который они себе наносят, поскольку Бог награждает беспредельным возмездием и малейшее дело почитания, которое оказывается Ему в таком сухом и лишённом чувственной благодати состоянии.

80. В житии досточтимой матери Франциски Лопес из третьего Ордена Св. Франциска можно прочесть, что Бог открыл ей три вещи великой важности, касающиеся внутреннего возвращения¹. Первое — что четверть часа молитвы, совершаемой в возвращении своих чувств и душевных сил, с преданием себя самого и со смирением, лучше, нежели пять дней мучительных упражнений власяницами, строгим воздержанием, постом и возлеганием на жёстких досках, ибо таким путём лишь обуздывается тело, а душа очищается возвращением.

81. Второе — что душа, жертвующая Богу один час тихой и благоговейной молитвы, гораздо Ему приятнее, нежели проводящая время своё в далёких путешествиях или странствиях, ибо молитва полезна и тому, кто её творит, и тем, за кого она творится, весьма благогодна Богу и награждается от него высокой

¹ Tom 2 Chron. S. Jon. Bapt. Religiof. Francisc. excalc. fol. 687.

степенью прославления. В странствиях же душа обычно рассеивается, а чувства путаются, от этого слабеют душевные силы и она подвергается многим опасностям.

82. Третье — что при постоянной молитве сердце всегда направлено к Богу, и что внутренняя душа должна всегда стремиться возвыситься к Богу скорее направлением воли, чем постижением ума.

83. Чем больше чувственной любви имеет душа, тем меньше она угодна Богу. И чем меньше она ею объята, тем больше радуется о ней Бог. Волю свою погрузить в Бога и при этом возникающие помыслы и напасти отражать и прогонять с величайшею тишиной — важнейшая из всех молитва.

84. Я намерен закончив эту главу, стараясь при этом вывести тебя из общего заблуждения, поскольку бытует мнение, что в этом внутреннем возвращении или в молитвах покоя душа совсем не действует, но будто неподвижна и пребывает безо всякой деятельности. Однако это происходит не от чего-либо иного, как от недостатка понимания, что таким образом возникают заблуждения; ибо хотя душа не действует в то время памятью и рассуждением, будто вторым действием ума, или даже третьим, какое одно из другого вытекает, — но она действует первым и важнейшим, а значит простым пониманием¹, или единственным разумением², освещаемая верой и укрепляемая благодатью Святого Духа. К этому относится ещё и то, что для продолжения единого действия воля требует больше внимания, чем для произведения многих; хотя те действия ума и воли столь просты, столь непонятны и столь духовны, что душа едва усматривает их и никак не познаёт их через особое рассматривание и примечание.

¹ Per simplicem apprehensionem.

² Это различие сил души находится в таком состоянии:

Anima (Душа)

1. Voluntas

(Воля)2. Intellectus (Ум)3. Memoria (Память)

1. Simplex

apprehentio: сущее, простое познание или понятие. Например, что Бог благ.2. Iudicium: [рассуждение] обстоятельное познание. Например, что Божья благодать должна быть, подобно ему, из вечности в вечность.3. Diskursus: [беседа] заключение, делающее познание. Например: поскольку благодать Божья от вечности и в вечности пребывает, то она не может оскудеть во времени.

ГЛАВА XIII

Как должна душа содержать себя во внутреннем возвращении

85. Когда ты идёшь на молитву, то с совершенною кротостью передай себя целиком в руки Божьи через деятельное упражнение веры и будь уверен, что ты находишься в Его присутствии. Пребуди в таком святом бездействии исполненным тихого покоя и покойного молчания. Старайся верой и любовью весь день, весь год и всю твою жизнь продолжать это первейшее дело [действие, или деятельное упражнение] созерцания.

86. Тебе не нужно усиливать эти дела [действия] особыми чувственными движениями, которые препятствуют чистоте духовного и совершенного дела воли; ибо такие сладкие чувствования несовершенны, словно возбуждаемые размышлением и сопряжённые с самовлюблённостью и внешним утешением, которого душа ищет вне себя самой. Есть и другие причины, доказывающие, что не нужно возобновлять такие дела и действия, как даёт знать искусный в Тайном Богословии Фалкони в следующем сравнении.

87. Если кто хочет почтить друга драгоценным бисером и единожды дал ему его, то не нужно каждый день приходить и говорить ему: Государь мой, я дарю Вам этот бисер; или, ещё хуже: Государь мой, вспомните, что однажды я подарил Вам такой бисер. Достаточно просто оставить ему бисер в подарок и не требовать обратно; ибо оставленный на его волю бисер и значит, что он подарен ему навсегда.

88. Точно так же, если ты вручил свою волю исполненным любви преданием и пожертвовал Воле Божьей, то нужно только, чтобы ты твёрдо пребывал в этом состоянии и старался преуспевать в нём; а не чтобы ты это предание каждый раз повторял новым чувственным действием, пока, между прочим, тяжко согрешая порой против Его Святой Воли, не отнимешь у Него этого бисера, однажды пожертвованного Господу. Итак, ты можешь весьма хорошо утвердиться в отречении от себя, хотя внешне должен свершать дела, соразмерные своему образу жизни. Ибо и в такой внешней работе исполняешь ты Божью Волю и можешь ходить в беспрестанной и угодной молитве, как говорит Феофилакт: *Тот молится всегда, кто делает что-либо доброе, и не перестаёт молиться до тех пор, пока не перестанет быть праведным.*

89. Ради этого ты должен отбросить и считать маловажной всю такую чувственность, чтобы душа твоя утвердилась и приобрела внутреннюю привычку возвращения, которая будет такой великой силы, что единственное намерение вступить в молитву возбуждает живой святой страх, почитание и чувство присутствия Божьего¹, ибо это сильнейшее приготовление или, более того, продолжение всегдашней молитвы, в которой должна утвердиться стремящаяся к созерцанию душа.

¹ То есть такое, что иной с Моисеем снимает сапоги со своих ног, с Петром бросается в воду, с серафимами покрывает лицо и ноги, с Илиею окутывает голову милостью, с патриархом ужасается, сколь свято место сие, с сотником говорит: Господи, не достоин, и пр.

90. Сколь часто наблюдала и практиковала эту часть досточтимая мать Шанталь, духовная дочь Св. Франциска Сальского и учредительница Ордена Визитанток во Франции! В житии её есть такие слова, которые писала она к своему Учителю¹: *Я не чувствую больше прежнего всецелого предания и сладкой доверенности и не могу произвести ни одного её дела или действия. Однако кажется мне, что я стою в таком состоянии твёрдо и не превратно. Дух мой в наивысшей части находится в весьма простом единстве, однако он не соединяется, ибо если бы хотел соединения, как часто бывает с ним, то встретил бы трудности; и он не сомневается в том, что не требует быть соединённым, а пребывает соединённым. Этот вид соединения всегда охотно употребляет моя душа, словно во время литургии, при приготовлении к причастию, при праздничных службах и при всяких происшествиях моя душа охотно пребывает в этом всепростейшем единстве или единении духа [то есть моего с Богом], невзирая ни на что иное. На это сей Святой Учитель отвечает, что одобряет это, и вместе с тем говорит себе, чтобы она и дальше продолжала так делать, поскольку, как он дополняет, покой Божий обретается в мире.*

91. В другое время эта благочестивая жена писала тому же святому мужу так: *Когда однажды я вздумала иметь собственную молитву о своём простом созерцании и о всецелом предании моего духа, погружении в Бога, тогда наказала меня за это Его Божеская благость и дала мне знать, что это происходит, как от моей самовлюблённости, и что я тем самым причиняю вред своей душе.*

92. Всё это может отнять у тебя твоё заблуждение и не только вразумить тебя, какой это совершенный и духовный образ — молиться, но и сообщить тебе, что ты должен делать во внутреннем возвращении. Чтобы любовь была чиста и совершенна, нужно отрезать многообразие горячих и чувственных дел или действий и оставить душу тихо и покойно пребывать во внутреннем молчании; ибо горячность, сладость и приятные чувствования, которые постигает она в своей воле, не являются духовными, но, смешанные с чувственностью природы дела, не реальная совершенная любовь, а лишь чувственный вкус, который вреден душе, по этой причине рассеивает её. Так говорил Господь досточтимой матери Шанталь.

93. О, сколь благополучна будет и сколь доброю работой будет заниматься душа твоя, когда она, совсем одна, возвращает себя саму в высшую часть свою и там заключает себя в своём Ничто, словно в своём центре или средоточии, невзирая на собственное дело, возвратилась ли она или нет, в добре ли ходит или во зле, действует она или праздна. И когда она не внемлет и не помышляет или не замечает ничего, то чувства способны привести к пониманию. Тогда верует ум ясным делом, и воля любит совершенной и совсем не препятствующей развитию души любовью, и так последуют оба тому чистому и всегда продолжающемуся делу созерцания и любви, которая свойственна Святым на небесах, не имея другого различия, как только то, что блаженные видят Бога лицом к лицу, а душа здесь, в этой жизни, созерцает Его только сквозь мрачную завесу веры.

¹ В житии её, стр. 95, кн. 3, гл. 3.

94. Ах, сколь немногие души достигают этого совершенного образа молитвы, ибо они не проникают в высочайшую необходимость и полезность внутреннего возвращения и тайного молчания, но всё же могут воздерживаться от несовершенного мышления и пристрастия к чувственным сладостям. О, дал бы Бог, чтобы твоя душа, безо всякого размышления и не занимаясь самолюбованием, предалась этому святому и духовному недействию или праздному бытию и со Св. Августином сказала¹: *Sileat anima mea, et transeat se, non se cogitando!* Да молчит душа моя, и да превзойдёт себя [да не желает ни делать что-либо, ни помышлять о чём бы то ни было], не мысля о себе; да забудет себя саму, и да погрузится в эту мрачную веру! О, сколь доброю, удостоверенною и обретённою пребывает такая душа, хотя саму себя она, ни в чём ни находя, считает потерянною.

95. Это учение утверждает письмо, которое просвещённая мать Шанталь писала к особенной Служительнице Божьей: *Божеская благодать*, — говорит она, — даровала мне такой род молитвы, когда я простым созерцанием Бога находила себя как бы собственностью, совершенно преданную Ему и словно покоящуюся в Нём и поглощённую Им. И эту благодать она мне всегда соблюдала, хотя и сопротивлялась моей неверности, давая место страху и думая, что я вовсе бесполезна в этом состоянии. И когда я хотела что-либо делать с моей стороны, то этим всё портила. И даже доныне находит на меня этот страх, хотя не во время молитвы, но в других моих упражнениях, и побуждает меня, чтобы я была при этом действующей, в действительном образе. Но когда я делаю так, то вскоре замечаю, что отпадаю от моего основания, и ясно вижу, что вышеупомянутое моё простое созерцание Бога — единственное врачевание и средство помощи во всех работах, искушениях и разных приключениях моей жизни.

96. И, верно, я хотела по моему внутреннему познанию никогда не употреблять никакого другого образа во всех и каждых моих действиях, ни одного из них не исключая. Ибо то, что касается моего благоговения, когда я возомню давать себе наставления сообразованными словами и пожертвованием себя самой, чтобы укрепиться в моём уме, то этим навлекаю на себя новое искушение. Умалчивая о том, что я не могу сделать это лишь с огромным трудом, отчего сила моя иссыхает и становится такою, как бывает сухо по лету. Когда же сила моя оставила меня так, то я вынуждена была вступить будто бы в моё простое состояние предания и ясно узнала, что Бог через это хочет научить меня, какова Его Воля, дабы остановить всякое действие моей души, дабы Его Божеская действительность сама действовала во мне. И от меня не требует Он ничего иного, кроме единственно простейшего — созерцания Его во всех моих духовных упражнениях, во всех страданиях и вообще во всём. Истинно и то, что чем более удерживаю я дух мой в покое, тем лучше мне всё удаётся, тем скорее уклоняются и исчезают напасти, как часто говорил мне покойный наш отец Св. Франциск Сальский.

¹ Исповед.: К. 9. 2. 10.

97. Наша блаженно усопшая Мать Начальница часто увещевала меня, чтобы я твёрдо и постоянно пребывала на этом пути, и в этом простом воззрении на Бога ничего бы не боялась, ибо, — говорила она, — этого довольно. И чем большая нагота и покой в Боге, тем большую сладость и силу получает душа, которая должна стараться быть столь светла, чиста и проста, чтобы ей ни на чём не основываться, ни на чём не утверждаться, ни на что не надеяться, кроме как на Бога.

98. При этом приходит ко мне свет, вновь сообщённый мне от Господа столь ясно, словно бы Он стоял перед моими очами. Он дал мне возможность познать, что я больше не должна чрезмерно заботиться о себе, но ходить с закрытыми глазами; ибо я истинно уповала на моего Возлюбленного и не только не желала ни видеть, ни знать пути, по которому Он вёл меня, но и не хотела о чём бы то ни было помышлять, даже просить от Него этой или другой особой благодати или дара, но должна только быть верна и пребывать так до конца, ходить пред ним свято, будто бы уже умершая и покоящаяся в Нём.

ГЛАВА XIV

*Как душа, которая совершенным преданием себя
через простое дело веры поставила себя в присутствие Божье,
ходит всегда в созерцании, хотя не действительно,
однако сравнивающимся с ним в основе и приобретении*

99. Может быть, ты скажешь мне, как это уже сделали другие души, что целостным преданием себя через это вышеупомянутое чистое дело веры, поставив себя в присутствие Божье, ты теряешь своё время, ничего не получая и не успевая, ибо мысли твои расточаются, и ты не можешь твёрдо направлять их на Бога.

100. Но будь утешен и не прекращай молитвы, ибо ты ни времени, ни трудов не употребляешь без пользы и, тем не менее, не прекращаешь молитвы; потому что никому не надо, чтобы ты всегда, во всё время возвращения, действительно помышлял о Боге, если ты только в начале своей молитвы направил к Нему своё благоговение и не переменяешь этого, и не возвращаешь действительного намерения и суждения, которое ты имел, чтобы предстать пред Богом.

101. То же самое утверждает Ангельский Учитель Св. Фома в следующих словах: *Это первое намерение и благоговение, направленное к Богу, столь великой силы и важности, что оно делает так, что вся молитва истинна и может получить от Бога всякие благодати благие и дары, хотя потом, во всё время, проводимое в молитве, действительно и с размышлением о Боге не помышляется. Мог ли этот Святой Учитель яснее изъясниться и выразиться об этом!*

102. Таким образом, как полагает этот Святой, молитва не разрушается, хотя фантазия молящегося множеством образов лишь ходит вокруг, если он не согласует свою волю и не отходит с того места, которое избрал себе для молитвы. И если он не прерывает её этим, не изменяет изначально принятого намерения явиться пред Господом [или Бога ожидать, или Господу Богу служить], и нет сомнения, что он не изменит такого намерения, сколь долго бы от того места ни отошёл, то, определённо, он столь долго и пребывает в молитве, хотя фантазия его со многими мыслями и образами, неприятными его воле, бродит около. *Тот молится в духе и истине, — говорит там же вышеупомянутый Учитель, — кто идёт на молитву [предает себя молитве] в том духе и намерении, чтобы молиться, хотя бы потом слабости и бедности его расточались ради его мысли, так как рассеяние ума, происходящее без намерения, не препятствует и не истребляет силы и плода молитвы.*

103. При этом ты можешь спросить: «Не должен ли я по истечении какого-то времени повторить, что я служу Господу Богу, говоря при этом: Господи, ты не далее от меня, но внутри меня, я охотно хотел бы предать себя Тебе в собственность, — или подобные слова»? Ответ: это не нужно, ибо у тебя есть намерение молиться, и для этого ты пошёл на молитвенное место. Для этого довольно веры и намерения; они же пребывают всегда, и чем они проще, чем меньше это помышление о Боге или обращение к Нему сопряжено словами и помыслами, тем они чище, духовнее, глубже и достойнее Бога.

104. Не глупость ли и не знак ли плохого почитания, если бы ты стоял пред царём и иногда говорил: «Государь, я верую, что Ваше Величество здесь»! То же самое, когда душа, видящая оком веры Бога и стоящая в Его присутствии, захотела бы проводить время тем, что твердила бы: «Боже мой, ты здесь»! Достаточно ей и того, что она верует, как верует; и когда приходит время молитвы, тогда этой своей верой и молитвой ведётся она и приводится к тому, что созерцает Бога в чистоте веры, в совершенстве целостной кротости и в предании себя самой.

105. Таким образом, известно, что пока ты не прерываешь этой веры и намерения пребывать в кротости пред Богом, ты всегда находишься в вере и в кротости, а следовательно, и в молитве, и в способном к созерцанию состоянии или в подготовке к нему, хотя ты можешь не чувствовать этого, и о Боге не помышляешь в действительности, и не держишь в уме факт Его присутствия. Так же как христианин, невеста или монах не нуждаются в том, чтобы постоянно вспоминать и говорить о своём состоянии (один: я монах; другая о своём брачном обручении, и говорить: я невеста; а третий — о своём крещении, и говорить: я христианин). Однако они не перестают быть теми, кто они есть, то есть один крещёным, другая обручённой, третий просвятившимся монастырской жизнью. Главное, чтобы христианин творил добрые дела в доказательство своей веры, и чтобы он веровал более делом, а не словами; и чтобы и невеста и монах подавали о себе известные знаки: она — верности, которую обещала своему жениху, а он — послушания, обещанного своим начальникам.

106. Так же должна и внутренняя (или внутреннему житию предавшаяся) душа, однажды решившаяся веровать по благодати, что в ней пребывает Бог, и все свои дела творить в Боге, без собственной воли. Она должна [говоря я] эту веру и это намерение сохранять и соблюдать во всех своих делах и упражнениях, и тогда не будет ей нужды начинать новыми словами всякое новое свидетельство такой веры и начатого однажды предания и жертвования.

ГЛАВА XV

Равного с прежней содержания

107. Это учение служит не только во время молитвы, но и везде, во всякие времена, во всех упражнениях и направлениях твоего состояния и звания. Если ты скажешь, что в течение всего дня не мыслишь о возобновлении этого предания, то отвечу, что ты заблуждаешься, если думаешь о том, будто бы твоя ежедневная работа (как то учение, проповедь, еда, питьё, рукоделие и т. п.) отвращает тебя от этого; поскольку ты, повинувся Божьей Воле, через свой труд, по словам Св. Фомы, ходишь в постоянной молитве¹.

108. Ибо известно, что такие труды не противны ни Воле Божьей, ни твоему пожертвованию и кротости в них, поскольку Бог хочет, чтобы ты питался, учился и работал. И поэтому совершаешь ты те упражнения и действия, которые Он велел и которые Ему угодны, однако не оставляешь ради них приличного тебе в Его присутствии страха и совершённого однажды своего предания Ему.

109. Но если бы ты во время молитвы или вне её порою со знанием и волей позволял беспорядочному возбуждению ума победить тебя и оторвать от дела, тогда самым насущным и важным было бы время для наблюдения своего благополучия, чтобы приблизиться через действенное повторение исповедания веры твоей и жертвования себя Богу и снова искать лица Его. Но это нужно, когда ты находишься в сухости, ибо она добра и свята и, сколь бы велика ни была, не в состоянии отвлечь утверждённой в вере души от божественного присутствия². Не следует называть сухость рассеяньем, ибо на ранних стадиях она есть не что иное, как недостаток чувственной благодати и сладости, которой они ещё не имеют, а на более поздних — отвлечение и отвыкание³ от неё, когда они уже вкусили её и познали, — которая, если ты только постоянно терпишь её и пребываешь в своём Ничто⁴, тихо и спокойно очистит твою душу, лучше и лучше приготовит к внутренней жизни и доведёт до того, чтобы Бог творил в ней удивительные вещи.

110. Для этого смотри, чтобы по окончании молитвы, меж тем, пока ты словно бы к ней обратился, не позволял ни рассеять себя или приводить в беспорядок, ни отвращать от звания, в которое промыслу Божию было угодно возвести тебя; но чтобы ты всецело подвергал себя всему тому, что Бог захотел с тобой и твоим добром сделать, чтобы очистить тебя по Своему благоизволению; и все свои надежды возложил на Него, как на Возлюбленного Отца. Этого намерения не оставляй никогда, и когда ты подойдёшь к тому, что присуще твоему социальному положению, то всегда будешь в молитве пред взором Божьим и в постоянном самопожертвовании. Ибо, как говорил Св. Иоанн Златоуст⁵, праведный не перестанет молиться, пока не перестанет быть праведным; тот всегда молится, кто делает

¹ На вышеуказанном месте.

² Quae consistit in fide stabilita. S. consistenti in side stabilita. То есть, если я твёрд в вере, то мой страх пред Богом не может быть исторгнут у меня из сердца никакими природными силами моего тела, никаким вражьем коварством, кроме как если Бог сотворит со мною это.

³ Или плавление и очищение, будто золота от копоти (Мал. 3:3).

⁴ То есть в уничтожении и презрении себя самого, в познании своего ничтожества, немощи [бессилия].

⁵ Толкование на 2-е Послание апостола Павла к Фессалоникийцам (Солунянам), гл. 5
(http://paraklit.ru/sv.otcy/Zlatoust/Zlatoust.K_Fessalonikijtcam-1,2.htm).

добро; так же и добрые желания — это молитва⁶, и если они всегда продолжают, то и молитва продолжается всегда.

111. Из следующего сравнения можно ясно понять моё мнение. Если кто отправился в путь, чтобы ехать в Рим, то все шаги, которые он делает, ведут его туда, и он делает их с волей, и не надо того, чтобы при каждом шаге он вновь вспоминал о своём начинании или говорил «я хочу идти в Рим» или «я иду в Рим». Ибо достаточно первого намерения, принятого им при вступлении на путь, если только он постоянно на нём пребывает; и так продолжает он путь свой и идёт, хотя ничего при этом ни говорит, однако он идёт не так, как если бы этого не хотел. При этом тебе надо обращать внимание и на всё то, что этот путешественник говорит, чувствует, видит, думает, ест и делает всякого иного, но всё это не меняет его первой воли и не создаёт сколь-нибудь значимых препятствий на пути в Рим.

112. Так же происходит и с созерцающей душой: если она однажды решилась творить Волю Божью и пребывать в Его присутствии, то она действительно пребудет в нём, пока не предпримет ничего противного своему намерению, хотя она, меж прочим, занимается слушанием, разговором, едой или другими честными, присущими званию и пристойными делами; ибо, как сказал Св. Фома, тот, кто вступил на путь ради Воли Божьей или из повиновения Богу, не имеют нужды вспоминать о том при каждом шаге.

113. Если ты скажешь, что все христиане на этом пути, поскольку имеют веру и могут поэтому обращать на пользу это учение, хоть они и не состоят в созерцании (особенно те, кто находится на внешнем пути рассматривания и разумного размышления), — то хоть и праведно, что все христиане имеют веру (особенно привыкшие размышлять), но вера тех, кто идёт внутренним путём, всегда немного отлична от их веры; ибо она полна жизни, всеобъемлюща и никакого особого различия не знает. Потому она сильнейшая, деятельная и более освящённая, ибо Дух Святой тем больше освещает душу, чем больше находит её расположенной и подготовленной; и та душа, которая возвратилась и держит соединённые силы в своём основании, готова лучше других, поскольку по мере возвращения Дух Святой обыкновенно сообщает Свой Свет. И хотя нельзя отрицать, что через рассматривание Бог сообщает душе некий свет, однако он, в сравнении с тем, который вливается в возвращённый тихий ум посредством простой всеобщей веры, мал, как три капли воды в сравнении с великим морем. Дело в том, что в рассматривании Бог сообщает душе только две или три особые истины; а во внутреннем возвращении и во исполнение чистой и всеобщей веры находится она посредством мрачного, всеобщего, простого и превосходного понимания словно в разлившемся и полном море Премудрости Божьей.

⁶ Bonum desiderium. Доброе желание. Тебе возжелал; от сердца возжелал Тебя ночью. Пред Тобою, Господи, всё желание моё, и пр.

114. Точно так же и самопожертвование, и кротость в них¹ совершеннее, поскольку происходит от внутренней и влияющей силы, чем больше растёт и прибывает которая, тем больше продолжается это внутреннее упражнение обнажённой и чистой веры в тишине и покорении; так как и дары Святого Духа в созерцающей душе всегда умножаются ещё больше²; и хотя они бывают и во всех тех, кто находится в состоянии благодати, но, словно мертвецы, бессильны и почти бесконечно отличаются от тех даров, которые находятся в созерцающих, в которых дары эти большей ясности, живости и силы.

115. Из этого, я надеюсь, ты узнаешь многое и удостоверишься совершенным образом, что душа, ходящая внутренним путём, которая приучила себя ежедневно в известное время с поминутною верой и самопожертвованием творить молитву, непрестанно ходит пред очами Божиими и в Его святом присутствии³, как единодушно учат этому важному и истинному учению все Святые и все искусные в этой тайной премудрости богоучёные, ибо у них у всех один Учитель — Святой Дух.

¹ То есть, в таких душах, которые возвращены в себя самих и привыкли быть собранными.

² Или, по другим экземплярам: «становятся велики».

³ Или: «она шествует божественным шествием и всегда имеет Господа пред очами».

ГЛАВА XVI

Как можно войти во внутреннее возвращение, или вовлечение сил души в её внутреннюю основу, через всесвятейшую человеческую суть Иисуса Христа

116. Есть два разных и друг другу противоположных образа тех, кто пишет и учит о внутреннем пути к Богу. Некоторые считают, что необходимо всегда пребывать в рассматривании тайны страдания Христова; а другие, напротив, полагают, что такое рассматривание тайны жития, страдания и смерти Спасителя не является ни молитвой¹, ни поминовением Его, но молитвой следует называть не что иное, как только высокое возвышение души к самому Богу, когда она созерцает Божество в тишине и покое.

117. Справедливо считать, что Господь наш Иисус Христос есть предтеча, дверь и путь, жизнь и истина, и что для достижения свободы душа должна поставить себя в присутствии Божества и соединиться с ним, а прежде омыться драгоценной кровью своего Избавителя и украситься драгоценным украшением страдания Его из богатых Его сокровищ.

118. Своим учением и Своим примером Христос есть свет, зеркало и вождь души. Он есть путь и единственная дверь, чрез которую мы можем взойти в блаженное жилище вечной жизни и в неизмерное море Божества. Потому, кто бы ни находился в сколь высоком расположении духа, не надо вовсе выпускать из ума и отбрасывать память ни о страдании и смерти Спасителя мира, ни о Его всесвятейшей человеческой сути. Но из этого никак не следует, что у души, которая приучила себя к внутреннему возвращению и не может более размышлять, всегда есть и необходимость упражняться в рассматривании таких тайн. Это рассматривание и добро и свято, и благоизволил бы Бог! — чтобы все люди мира заботились о нём! Поэтому и душа, которой удобно и легко даётся размышление, ни в коем случае не должна оставлять такого состояния и пытаться перейти к высшему, поскольку пока находит свою пищу и своё духовное стремление в рассматривании.

119. Только Богу, а не духовному наставлению надлежит возвышать душу от рассматривания к созерцанию; и если Господь не призовет её к этому состоянию молитвы особой благодатью, то духовный вождь не сможет ничем помочь, несмотря на все свои учения и знания.

120. Чтобы у нас была возможность держать чёткую середину между этими двумя частями учения, одна из которых — вовсе выкинуть из ума воспоминания о человеческой сути Христовой, тогда как другая — всегда иметь их перед взором, — необходимо знать, что образ этот двояк, если вспоминать о святой человеческой сути, чтобы пройти божественной дверью, которая есть Христос. Первый — когда кто размышляет о тайнах Спасителя и рассматривает Его дела, житие и смерть. А другой — когда кто вспоминает о Нём посредством одного только ума, обнажённой веры или памяти, без упомянутого размышления.

¹ Под словом «молитва» понимается здесь [как и везде в этой книге] не прошение, но вообще представление души пред Богом и рассматривание или созерцание Его, что она или сама себе решила рассматривать, или что ей показывает Бог без предварительного размышления.

121. Итак, если душа идёт к совершенству, растёт и преумножается через внутреннее возвращение во внутренней жизни, то случается, что когда рассматривает тайны, в которых уже имела основательные наставления, она получает в себе такую веру и любовь к Слову, облечённому плотью, каковая делает её способной и готовой совершать всё, что Оно [Слово] ей внушает, и повиноваться всем Его заповедям, хотя она Его и не всегда имеет пред взором. Точно так же сын, которому скажут, что он никогда не должен оставлять своего отца, не обязан в связи с этим всегда смотреть на него, не спуская очей, но лишь должен хранить помнит о том, чем ему обязан, и, когда представляется случай, исполнять всё то, что ему положено делать как сыну¹.

122. Итак, душа, достигшая по наставлению искусного вождя внутреннего возвращения, не имеет нужды входить в него первой дверью, которая является рассматриванием тайн, так чтобы беспрестанно о них размышлять; ибо она не только не могла бы сделать это без большого труда и отягощения ума, но и, исходя из всего этого исследования и размышления, ничего этого ей не нужно, поскольку это есть лишь средство помощи к недопущению её до того, чтобы душа веровала тому, что душа, о которой мы говорим, отчасти уже получила и верует, отчасти готова уже получать.

123. Другой образ, через человеческую суть Господа нашего Иисуса Христа входящий во внутреннее возвращение, есть именитейший, духовнейший и свойственнейший душам, искусившимся и преуспевшим в собрании себя самих. Он состоит в том, что они созерцают Его человеческую суть и Его страдание через простое чистое дело веры, любя Его и искренне приводя себе на ум, так как Он и есть храм Божества, начало и конец блаженства нашего, и как Он родился ради нас и столь же славную смертью умер.

124. По этому образу могут приумножаться внутренние души, следовательно, воспоминание человеческой сути Христовой не может препятствовать им во внутреннем возвращении (ибо оно свято, богоблаженно, скоро и мгновенно), кроме как если они творили бы молитву и находились возвращёнными в себе самих. Тогда же лучше, чтобы они продолжали возвращение и возвышение ума, когда они бывают поставлены словно бы вне себя самих. Иначе же, кроме как отвлечением, такое простое и банальное воспоминание человеческой сути Слова Божия не может быть

¹ Первое (нужное и предавшимся рассматриванию душам) воспоминание человеческой сути Христовой есть только дело ума, который здесь, вместе с тремя присвоенными им силами души, делает всё, что делается, то есть:

- 1) проходит историю вдоль, читая её, слушая или же думая о ней;
- 2) рассуждает об этом про себя, наилучшим для себя образом;
- 3) извлекает оттуда учение, весть, предостережение и утешение.

Другой способ созерцать человеческую суть Христову [свойственный созерцающим] противоположен по содержанию; в прежнем ум делает всё, здесь же вовсе ничего не делает, тогда как остальные две силы души, то есть память и воля, работают. Это происходит так: от не преодолимой смертью любви, которую воля любит Богочеловека [Θεανθρωπου] Христа, память через долгое время и многие упражнения столь ясно и явственно запомнила собственный образ человеческой сути Христовой, что уже на всякое мгновение ока, когда только того потребует воля, ясно и явственно представляет целое житие и смерть Христову в одно мгновение ока. Потом на этот образ нападает воля, ласкает и лобызает чистым делом веры. Это и называется воспоминанием доброй человеческой сути Христовой.

вредно даже возвышеннейшей, отвлечённейшей и наиболее просвещённой [прославленной] по образу Божьему¹ душе.

125. Таков [то есть — входящий во внутреннее возвращение] и тот образ, который Св. Тереза восхваляет и рекомендует созерцающим душам, отмечая вместе с тем смятенные суждения школьных учителей. Это прямой и безопасный путь, на котором не следует опасаться никакой беды и которому Господь обучил многие души, чтобы ввести их во внутренний покой и в святую, тихую Субботу созерцания.

126. Итак, если душа хочет войти в свою основу, чтобы там соединить свои силы к тихому вниманию, да поставит она себя пред дверью милосердия Божьего, которая есть сладкое, любезное напоминание креста и страдания Слова, обратившегося человеком и за нас умершего. Да пребудет она там, и да предаст себя смиренно всему тому, что Бог хочет сотворить с нею; и если она отвращается от этого святого и сладкого воспоминания² и приводится в забвение, то не должна совершать над собой никакого насилия, чтобы снова повторить его, но должна иметь и содержать себя только в молчании своих внешних и внутренних сил и в покое пред Господом.

127. Это учение весьма славно утверждает Св. апостол Павел, когда в своём послании к Колоссянам пишет (Кол. 3:17): *И все, что вы делаете, словом или делом, все [делайте] во имя Господа Иисуса Христа, благодаря через Него Бога и Отца. Благоизволил бы Бог, чтобы мы всё через Иисуса Христа начали, в Нём только пребывали и через Него могли бы достичь совершенства.*

¹ Или: «соединённой с Богом».

² То есть человеческой сути Христовой (см. 2 Кор. 5:16).

ГЛАВА XVII

О внутреннем и тайном Молчании

128. Молчание состоит из трёх частей. Первое есть Молчание слов, второе — вожделений, а третье — помышлений. Первое совершенно, второе совершеннее, а третье — наисовершеннейшее. Молчание слов служит для накопления добродетели, второе — молчание вожделений — для снискания покоя, а последнее, когда заставляют молчать помыслы, приводит душу во внутреннее возвращение. Если кто не разговаривает, ничего не желает и ни о чём не помышляет, то приходит к прямому, истинному, тайному или духовному молчанию, в котором Бог говорит в душе, сообщая ей Себя, и во внутреннейшей её основе учит её высочайшей и совершеннейшей Премудрости.

129. К этому внутреннему уединению и духовному молчанию Бог призывает и приводит душу, говоря ей, что Он Один хочет беседовать с нею одной в сокровеннейшем и внутреннем основании её сердца. Ты должен вникнуть в это тайное молчание, если хочешь слышать внутренний сладкий и любезный голос Божества. Для накопления этого сокровища недостаточно того, чтобы ты убежал от мира, отрекался от своих вожделений и отвлёк свою любовь от всего тварного; но тебе необходимо всецело удержать себя от всех вожделений и помышлений и так в этом тайном молчании покоиться и открыть Богу двери своего сердца, дабы Он сообщил Себя тебе, соединил Себя с тобой и преобразил тебя в Себя или придал тебе Свой образ.

130. Совершенство души состоит не в том, чтобы она много говорила или мыслила о Боге, но в том, чтобы любила Его наивысшим образом. Эта любовь накапливается через совершенное отречение от себя и внутреннее молчание. Здесь ничто не важно, кроме дела и силы. Любовь немногословна. *Дети мои!* — говорит Св. апостол Иоанн (1 Ин. 3:18), — станем любить не словом или языком, но делом и истиною.

131. Из этого ясно видно, что совершенная и праведная любовь состоит не в нежных движениях¹, не в нежных и усердных воздыхательных молитвах, и ещё менее — во внутренних действиях ума, когда кто-то обращается к Богу о том, что любит Его более всего и более чем себя самого. Ибо может быть, что мы потом более любим самих себя, чем Бога, и что потом скрывается больше нашей самовлюблённости, чем истиной и Божьей любви; ибо не добрые слова или помышления есть доказательство любви, но дела².

132. Если ты хочешь дать знать людям о вожделениях и начинаниях, которые сокрыты в твоём сердце, то тебе нужны для этого слова; но Бог, проникая даже в самое основание твоего сердца, не требует, чтобы ты объявлял Ему о том, что в Нём происходит, и не позволяет платить Себе словами, но требует дела и истины, как выше свидетельствует Иоанн. Что пользы тебе утверждать с великой ревностью, что ты столь искренне и более всех вещей любишь Его, если ты, меж тем, при одном досадном слове или маловажном оскорблении не можешь отрешиться от себя и

¹ Amorosis contestationibus, исполненных любви свидетельствах.

² Или, по другим экземплярам: «нужно любить делом, а не только произносить добрые слова».

ради Господа снести его с терпением? Не есть ли это явный знак того, что ты любишь Его только языком, а не делом?

133. Постарайся пребывать везде в отречении от себя самого и в тишине; ибо таким образом, даже если ты не будешь говорить, что любишь Его, получишь истинную, совершенную, умиротворённую и сильную любовь. Пётр сказал с великой ревностью к Господу (Мф. 26:33-35), что ради Него готов пойти и на смерть, и потом отрёкся от Него по голосу рабыни, и вся его ревность погасла. Напротив того, Мария Магдалина (Лк. 7:36-50) не сказала ни слова, и, однако, любовь её столь сильно была угодна Господу, что Он Сам произнёс в честь её похвальную речь и сказал, что она много любила. В этом внутреннем молчании можно творить наисовершеннейшие добродетели, то есть веру, надежду и любовь, хотя не нужно говорить Богу о том, что мы Его любим, на Него надеемся и веруем в Него; ибо Он знает лучше, чем мы сами, что в нас есть и что происходит.

134. Изящный и одарённый глубоким познанием в Тайном Богословии Григорий Лопес (всё житие которого было не что иное, как постоянная молитва и непрерывное, столь чистое и столь духовное деяние созерцания и любви Божьей) насколько хорошо понял и исполнял это чистое дело любви, что никогда не давал места чувственному движению ума или чувственной склонности.

135. Когда он три года подряд творил эту молитву с воздыханием: *Да будет воля Твоя во времени и вечности*, — и повторял её в сердце своём столь часто, как дышал, — то Бог показал ему потом бесконечное сокровище чистого и всегда продолжающегося деяния веры и любви, которое творится в молчании и кротости. После этого Лопес говорил, что все тридцать шесть лет, которые он прожил, он продолжал внутри себя это чистое дело или деяние любви так, что никогда не произносил «ах»! — ни с воздыханием молитвы, ни с чем-либо ещё иным — чувственным и естественным. О облечённый плотью серафим! Преобожённый¹ человек, сколь хорошо стал ты вникать в это тайное молчание и отличать внутреннего человека от внешнего!

Конец I части

¹ Вовлечённый в Бога полностью, divinizarus — обожённый.

ЧАСТЬ II

**Как должна душа искать внутренний мир;
о духовном отце, о должном ему послушании,
о нескромной или безрассудной ревности
и о внутреннем и внешнем покаянии**

Оглавление

ГЛАВА I. Наилучшее средство к победе над вражьи́м коварством — покоряться духовному отцу.....	58
ГЛАВА II. Прежнего содержания.....	60
ГЛАВА III. Как безрассудная ревность и непорядочная любовь к ближнему разрушает внутренний мир.....	62
ГЛАВА IV. Прежнего содержания.....	64
ГЛАВА V. Кто хочет быть водителем душ, чтобы водить их на внутреннем пути, тот должен иметь к этому свет, понимание и божественное призвание.....	65
ГЛАВА VI. Наставление для духовников и духовных водителей.....	67
ГЛАВА VII. Продолжение этого наставления; почему некоторые духовники испытывают привязанности; и какие нужны дары к такому сану исповеди, также годные и к тому, чтобы он прямо водил души по внутреннему тайному пути.....	70
ГЛАВА VIII. Продолжение этой части.....	72
ГЛАВА IX. О том, что простодушное и скорое послушание — единственное средство безопасно ходить на духовном пути и соблюсти внутренний мир.....	74
ГЛАВА X. Прежнего содержания.....	75
ГЛАВА XI. Когда и в чём внутренняя душа более всего нуждается в послушании.....	77
ГЛАВА XII. Равного с прежней содержания.....	79
ГЛАВА XIII. Что часто повторяющееся причащение Святой Вечери является сильным средством для обретения всех добродетелей, и особенно — внутреннего мира.....	81
ГЛАВА XIV. О том же.....	83
ГЛАВА XV. В какое время нужно исполнять духовные и телесные упражнения покаяния, и насколько они вредны, если не знать меры, а предпринимать их только по нашему собственному рассуждению и мнению.....	84
ГЛАВА XVI. Какова разница между внешним и внутренним покаянием.....	86
ГЛАВА XVII. Как должна душа содержать себя, когда иногда согрешит в чём-нибудь, и то, и другое просмотрит, чтобы ей не беспокоиться о том, но обращать всё для своей пользы.....	88
ГЛАВА XVIII. Прежнего содержания.....	90

ГЛАВА I

Наилучшее средство к победе над вражьи́м коварством — покоряться духовному отцу

1. В первую очередь, необходимо рассмотреть, как выбрать себе правильного и искусного на внутреннем пути водителя, поскольку Богу не угодно поступать со всеми одинаково, как поступил Он со Св. Екатериной Сиенской, которую Он Сам взял за руку с начала её обращения и водил по духовному пути без посредничества. Если нужен путеводитель на плотских и естественных путях, чтобы двигаться от одного пункта к другому, то не больше ли благодати на путях Духа? Если нельзя обойтись без учителя во внешних и понятных чувствам науках, то как же можно во внутренних и тайных? Если нужен учитель, чтобы научиться общей теологии по разным её видам и целям, которые могут быть понятно изъяснены и представлены, как же возможно обходиться без учителя в особой и тайной теологии, которая мрачна и сокровенна? Если надо наставление для гражданского поведения и этикета, как же не требовать его для духовного обхождения с Богом?

2. Кстати говоря, водитель нужен и на тот случай, чтобы избежать коварства сатаны. Св. Августин называет разные причины, по которым Бог дал Своей Церкви таких учителей, которые являлись бы одной природы с нами. Самая известная из них — чтобы они хранили нас от вражьего коварства; ибо если бы Он оставил нас нашему собственному познанию и знаниям, по нашему естественному побуждению, мы бы падали при каждом шаге и ввергли себя в погибель, как это произошло с еретиками и своемыслящими головами, наполненными фантазиями. А если бы Он определил нам в учителя Ангелов, то дьяволы, которые умеют притворяться Ангелами Света, могли бы нас весьма легко обольстить. Потому было бы весьма пристойно, чтобы Он определил нам водителями-светодавцами людей, подобных нам самим. Если такой водитель искусен, то вскоре он познает лесть и коварство дьявола, которые пропадают и исчезают тотчас же, как бывают выявлены, ибо не несут в себе ничего дельного¹.

3. Духовного отца надо почитать как дар от Руки Божьей. А для этого надо много размышлять и прилежно молиться Богу о нём прежде, чем он избран; но уж если он избран, нельзя бросать его без весьма уважительной причины. Такой причиной может быть то, что он не понимает путей и состояния, по которым Бог хочет вести душу; ибо никто не может научить другого тому, чего не знает сам.

4. А если он не понимает, как говорит Св. апостол Павел (1 Кор. 2:14), что о том, что от Духа Божия, надобно судить духовно, и не имеет навыков для такого духовного суждения, то это знак его неведения; кто же духовен и искусен, тот видит всё ясно и судит обо всём так, как оно есть. Итак, искусство водителя — важнейшая причина, по которой можно оставить его и избрать другого, который имеет больше понимания, поскольку без него душа не сильно преуспеет и не преумножится.

¹ Ob teneum suam substantiam. По причине тонкой своей натуры.

5. Чтобы от плохого состояния перейти к лучшему, не нужен столь великий советник, как если кто захочет хорошее состояние переменить на лучшее. Главное, что нужно для этого — время, молитва и совет; ибо не всё то, что хорошо само по себе, будет хорошо для всех и каждого; не всё то, что добро для одного, служит добром для всех. Одни призваны к внешнему и общему пути, другие — к внутреннему и непростому, ибо не все находятся в одинаковом состоянии: даже особые ходы тайного пути столь разнообразны, что на этих внутренних и сокровенных путях и шагу нельзя сделать без искусного провожатого. Ибо вместо того, чтобы, как намеривались, просто идти вперёд, падали бы в разные стороны и низвергали бы себя в погибель.

6. Если душа ходит со страхом и в сомнении (даже когда идёт по прямому пути и праведно) и желает получить должные наставления и освободиться от этого страха, то безопаснее всего, чтобы она доверила себя духовному отцу. Ибо он при помощи горящего в нём внутреннего света ясно познает, что есть напасть, а что — доброе внушение; он легко различит движения: исходят ли они от природы, от злого духа или от самой души. Поэтому душа должна полностью покориться ему, как имеющему больше опыта, чем она, и вскоре может усмотреть, к чему она имеет склонность, на чём задерживается и какие имеет вредные привычки, препятствующие ей в развитии. Таким образом душа не только избегнет коварства сатаны, но и за год продвинется дальше, чем и за тысячу лет при неискусном водителе.

7. В житии просвещённого Отца Иоганна Таулера¹ говорится, что тот мирянин, который привёл его к состоянию совершенства, когда познал заблуждения и прелести мира и захотел взаправду принять святое житьё, только истощил себя большим количеством постов настолько, что здоровье его ослабло сверх всякой меры. Однажды, когда он возлежал на одре весьма обессиленный и погружённый в сон, услышал он глас, который обращался к нему: «О простой человек, если ты исполнением своей воли навлечёшь на себя преждевременную смерть, то понесёшь за то тяжкую муку». Он очень испугался, пошёл в пустыню к некоему святому отшельнику и открыл ему свой образ жизни и свой чрезмерно строгий пост, который по промыслу Всевышнего был назван прелестью сатаны. Хотя на это мирянин сказал, что он делает это, чтобы угодить Богу; но когда его спросили, кто ему посоветовал это, он ответил — никто. Тогда отшельник сказал ему в ответ, что, видимо, это искушение сатаны. И тогда открылись глаза его в том, что он познал опасность, в которой находился; и после этого он всегда употреблял совет духовного отца, отчего за семь лет больше преумножился, чем мог бы при помощи многих книг.

¹ Глава 3.

ГЛАВА II

Прежнего содержания

8. Без сомнения, лучше иметь на внутреннем тайном пути доброго учителя, чем читать духовные книги. Ибо учитель умеет дать совет так, чтобы во всякое время он соизмерялся с состоянием души, а в книгах, напротив, находим лишь такие вещи, которые мало подходят нашему состоянию, и потому часто вынуждены лишаться необходимого наставления. Прибавим к этому ещё и то, что книги, говорящие о внутреннем пути, порождают очень много ложных фантазий; так что душа позволяет себе думать, что уже умеет то, до чего на самом деле ей ещё далеко, и полагает, что далеко ушла на духовном пути. Потому бывает, что она совершает ложные и опасные шаги, приносящие беду.

9. Известно, что многое чтение духовных книг, основанных на одном лишь понимании разума, писанных без света, происходящего из понимания, и, следовательно, не дающих наставлений к действительному исполнению в жизни и поведении, гораздо более вредно, нежели полезно; поскольку вместо того, чтобы дать душе осветиться, оно скорее смущает и помрачает душу, наполняя разумным знанием, которое лишь мешает ей; ибо даже если это знание было бы и не ложно, но входит оно из мира в душу через чувства, делает её силы потемнёнными, слабыми и полными форм и образов, тогда как она должна быть свободна от них, чтобы Бог наполнил её Самим Собою. Многие из них всегда читают такие книги, которые наставляют к высокому рассматриванию¹, поскольку они не хотят покоряться никому, кто мог бы показать им, что такое чтение непристойно для них или несоразмерно с их состоянием. Тем не менее, позволь они учить себя, искусный водитель, без сомнения, не разрешил бы им читать их, и тогда бы они истинно успели и мало бы заботились о чтении подобных книг: столь же мало, как другие души, выказывающие покорность, имеющие свет и познание и приумножающиеся в духовном житии. Следовательно, от этого происходит великий покой, и наиболее безопаснейший путь, чтобы предохраниться от прельщения сатаны и от обмана нашего собственного разума и чувств — позволить управлять собой искусному водителю, который учит по действительному свету или из истинного, действительного познания. Между тем, мы не считаем, что следует отвергать чтение всех духовных книг, так как здесь говорится, в первую очередь, о таких душах, которые посвятили себя лишь внутренней и тайной жизни, и лишь только для них писана эта книга.

10. Все святые и тайные богословы соглашались в том, что для того, чтобы душа могла быть безопасна и вне беды, она должна предать себя духовному отцу и доносить ему обо всём, что происходит в её внутреннем мире. Потому тот, кто живёт лишь по собственному благоразумию и не желает употреблять духовного водителя [даже такого, который почитается истинно духовным и достоин называться таковым], противится учению святых и освящённых душ. Ибо чем выше душа освещена и соединена с Богом, тем смиреннее, покорнее и послушнее она своему духовному водителю. Чтобы доказать эту истину, я приведу здесь то, что Господь

¹ Speculationen.

сказал блаженной Марине де Эскобар. В её житии говорится¹, что она, будучи больна, спрашивала Господа, должна ли молчать и не объявлять своему духовному отцу о редких и необычных вещах, которые в ней происходили, чтобы не привести саму себя в изнеможение и не утруждать его чрезмерно. На это Господь отвечал, что она поступила бы плохо, если бы не захотела известить о том своего духовного отца, а плохо это по трём причинам. Во-первых, как золото очищается в горниле, а трением на опытном камне познаётся его годность, так и душа тем больше очищается и признаётся праведнейшей, когда отправляется в испытание слугою Божиим. Во-вторых, чтобы не впасть в заблуждение, приличествует человеку приноравливаться к порядку, который предписал нам Бог через свою Церковь, в Святом Писании и в учении Святых Отцов. И, в-третьих, поскольку хорошо открывать дары благодати, которые Бог сообщает своим слугам и чистым душам (дабы через это другие верные были в большей степени ободряемы), и служить Ему, чтобы Он в них прославился.

11. В том же месте употребляет она следующие слова, могущие служить для утверждения этой истины: *Когда заболел мой духовник и приказал мне, чтобы я говорила тому, кто пришёл на его место, не всё, что со мной происходит, а лишь малую часть, и то, что сочту нужным, — я пожаловалась Богу на то, что у меня нет никого, кому я смогла бы открыть сердце; на что Он отвечал: «У тебя есть тот, кто пришёл на место твоего духовника, скажи ему всё, что с тобою происходит!» — «Нет, Господи! — отвечала я. — Он не тот, кому я должна всё рассказывать». — «Почему же не тот?» — спросил Он меня. «Потому, — отвечала я, — что духовник мой повелел мне, чтобы я не обо всём уведомляла его, а я должна ему повиноваться». — «Такой ответ мне угоден! — ответило Божественное Величество. — И Я знал, что ты Мне так ответишь. Потому сказал тебе то, что ты слышала. Так и поступай! Однако можешь объявить ему и то, и другое о своём состоянии, как позволил тебе твой водитель».*

12. Особенно способствует этому то, что Св. Тереза вспоминает о себе самой². *Когда Господь, — говорит она, — приказывал мне что-то одно, а духовник — иное, то приходил ко мне Господь и говорил, что я должна повиноваться моему духовнику; а потом обращался Его Величество к духовнику и делал так, чтобы тот мне вновь должен был приказать³. Это спасительное и истинное учение, которым утверждается душа, находясь в безопасности, и прогоняются козни дьявола.*

¹ Кн. 1, гл. 20, §1.2.

² В житии своём. Кн. 2, гл. 26.

³ Это значит: «Бог утвердил моё мнение, что я должна во всём слушаться своего духовника, но вместе с тем Он настраивал моего духовника, чтобы он требовал от меня то, что Бог повелел мне вначале».

ГЛАВА III

Как безрассудная ревность и непорядочная любовь к ближнему разрушает внутренний мир

13. Нет приятнее жертвы Богу Всемогущему, — говорит Св. Григорий¹, — чем духовная горячность твёрдой ревности. Для её возбуждения² послал Бог Сына Своего Иисуса Христа в мир; и с тех пор была ревность между иными знатнейшими и высочайшими должностями в богослужении. Но если она, эта ревность, не рассудительна и не скромна, то бывает одним из наибольших препятствий, которые могут случиться с душой в духовном росте.

14. Едва ты обратишься и взор твой озарится светом, как разгорячишься ты этим светом настолько, что захочешь обратить весь мир. Но может быть (и, видимо, это самолюбие твоё), что ты воображаешь нести чистую любовь своему ближнему, чтобы отвратить гибель его души. Сорви покрывало с этой слепой ревности — и увидишь, что с кого-то ты нескромно взыскиваешь, а в угоду другому уступаешь; с каждым ты поступаешь, исходя из своей личной склонности, и у всех хочешь сам пользоваться уважением за что-то особое. А ведь эти пороки — присяжные враги душевного покоя.

15. Никогда не следует тебе любить ближнего своего с вредом и ущербом для твоего духовного благополучия. Единственной целью твоих дел, желаний и помыслов должно стать стремление всецело угождать одному только Богу, и ты должен стараться усмирять свою непорядочную ревность, дабы в твоей душе господствовали мир и тишина. Истинная ревность состоит в том, чтобы всё старание прилагать к тому, чтобы всегда быть в чистой любви Божьей. Это плодородная, сильная и праведная ревность, которая творит в душах чудеса, хотя она не возвеличивает себя за то, что многое приобретается и без слов.

16. Св. апостол Павел повелевает в первую очередь следить за собой, нежели за ближним своим. *Вникай в себя*, — говорит он, — *и в учение* (1 Тим. 4:16). Не пекись, исполняй, что тебе велено, и насильно не мешайся. Когда придёт надлежащее время, чтобы ты мог быть полезным своему ближнему, то Бог сумеет привлечь тебя к этому и поручить такое служение, к которому ты наиболее способен. Оставь Ему то попечение, которое принадлежит лишь Ему Одному, и пребывай в покое, отлучён, умерен, свободен, разрешён от всех вещей и совершенно предан Его святой благоугодности. Не воображай себе, будто бы ты являешься праздным в таком состоянии. Тот весьма тренирован, кто во всяком деле думает, как бы исполнить Волю Божью; и тот, кто всегда следит за собой, чтобы угодить Богу, способен на всё; ибо одно дело внутреннего предания себя и кротости значит для него больше, чем тысяча тысяч упражнений, которые он выберет по своему желанию.

¹ Св. Григорий Двоеслов. Беседы на Книгу пророка Иезекииля. Беседа 12, 29-30 (<http://eknigi.org/religija/180179-besedy-na-knigu-proroka-iezekiilya-v-2-h-knigah.html>).

² То есть: «чтобы приобрести её и руководить».

17. Хотя водная яма глубока, она не наполнится, если небо не прольётся дождём. Пребывай тиха и покойна, о христианская душа. Будь смиренна и кротка во всём, что Бог хочет творить с тобою. Поручи Ему заботиться о себе, будто возлюбленному Отцу, который лучше знает, что тебе надо. Приноравливайся к Его Святой Воле, ибо на ней основано совершенство, и кто волю Господню исполняет, тот есть брат, сестра и мать Сына Божьего.

18. Не думай, что Богом более уважаем тот, кто больше делает; но того любит Он больше, кто наисмиреннейший, наивернейший и наикротчайший и кто выказывает себя самым послушным внутреннему Его вдохновению Божеской благоугодности.

ГЛАВА IV

Прежнего содержания

19. Всё твоё вожделение и желание да будет направлять тебя по воле Господа, Который знает добро и производит из сухого камня реки живой воды и Которому вовсе не угодны те души, что позволяют находящейся в них неприличной ревности и суетной благоугодности побуждать себя к тому, что они прежде времени хотят помогать другим, оставляя и губя себя самих¹.

20. Они подобны слуге Елисееву (4 Цар. 4:31), который, получив от этого пророка повеление возложить его жезл на мёртвого отрока, чтобы тот сразу же ожил, не смог достичь этой цели из-за веселья и благоугодности, которые² он развил в себе. Так и Каинова жертва, невзирая на то, что была первой принесена Богу, была, без сомнения, отвержена из-за того, что тот ради первенства, которое имел перед своим отцом Адамом, вообразил о себе нечто и был доволен собой.

21. Также и ученики Господа Христа не были свободны от этой язвы, когда радовались, что изгоняли дьяволов, и потому были строго наказаны своим Учителем. апостол Павел (прежде чем стал проповедовать язычникам Евангелие о Царствии Божьем), хоть и был он сосуд избранный, гражданин неба, определённый к этой службе от Бога, должен был, — говорю я, — быть испытан, усмирён и заключён в тесную темницу. А ты хочешь выдавать себя за проповедника, прежде чем испытал и вытерпел человеческие и дьявольские нападения? И смеешь надеяться принести пользу в этом важном сане раньше, чем будешь искушён и пройдёшь сквозь огонь напасти, печали и постоянного в любом страдании понимания и очищения!

22. Гораздо лучше тебе пребывать тихо и кротко, будто в святой праздности, чем делать многие великие вещи из побуждения твоей собственной воли и благоизволения. Не думай, будто геройские дела, которые совершали и совершают великие слуги Божьи в Церкви, надлежит приписывать их собственной силе и способности. О нет! Ибо всё, что там есть или делается, духовное или временное, от вечности учреждено Божьим промыслом, так что и малый лист без Него двинуться не может. Кто творит Волю Божью, тот творит всё; и лишь о том должна помышлять душа твоя, и к тому стремиться, и потому постоянно пребывать тихо и в совершенном предании готовности ко всякому Божьему благоугождению. Считай себя недостойным столь высокого сана — вести души к небу, чтобы, стараясь его достичь, ты не разрушил покоя твоей души и внутреннего мира и не воспрепятствовал полёту к Богу.

¹ Те, кто хочет помогать своему ближнему прежде времени [то есть прежде, чем приходит определённый Богом час помощи], не сделают ему никакой истинной пользы, а себе определённо принесут вред. Как Мария сделала себя неспособной к дружескому общению с Христом, но не ускорила назначенной брачным помощью.

² *Voluptatem*, удовольствие в себе самом, как сказано об этом в тексте: *complacentia fui*. Об этом, однако, предостерегал его пророк, господин его (ст. 29), словами Христа: *Если встретишь кого, не приветствуй его* [не целуй, не кланяйся] (Лк. 10:4). Ибо честь [кланяющихся] не есть честь уважаемого и уважающего. Лыстец, желающий быть угоден, не раб Христов. *Я не ищу чести моей*, — говорит Христос.

ГЛАВА V

Кто хочет быть водителем душ, чтобы водить их на внутреннем пути, тот должен иметь к этому свет, понимание и божественное призвание

23. Иногда ты будешь считать себя способным и потому начнёшь водить души по пути духа, и от этого будешь иметь великое веселье и радость. Однако это может быть не что иное, как тайная гордость, духовное честолюбие и явная слепота. Ибо кроме того, что столь высокое служение требует и высокого света и познания, целостного ума освобождения и отвлечения от всех вещей и других способностей¹, которые мы покажем в следующих главах, оно ещё и принадлежит к тем делам, которые нуждаются в благодати призывания, без которой всё это изящное начинание, которое ты вершишь сам для себя, есть не что иное, как ветер и дым надменности и самолюбования. Хотя вождение душ и наставление их к созерцанию и совершенству — дело весьма доброе и святое, но откуда тебе знать, определено ли твоё призвание к этому от Бога? И если бы уже знал [что, однако, весьма непросто], что в тебе много света и познаний, ты не можешь быть уверен, что Господь призвал тебя к этому, определил и посвятил.

24. Этот сан душевного попечителя столь великого достоинства и важности, что нельзя вступать в него самому, но следует жить в тишине, покуда Бог не поставит нас в него через наших начальников и духовных водителей. И если бы мы сами захотели принять его без такого зова, всегда обращался бы он во вред нам самим, хотя бы и был полезен нашему ближнему. И какая нам была бы польза, если бы мы смогли приобрести, так сказать, целый мир, полный душ, когда нашей собственной душе мы причинили бы вред?

25. Подобным же образом, даже если ты уже твёрдо знаешь, что твоя душа одарена внутренним светом и достаточным пониманием, то лучше тебе тихо и кротко пребывать в твоём Ничто, пока Бог не исцелит тебя и не призовет к службе и пользе других душ. Ему Одному пристойно признавать и судить, какова твоя способность и отречение. Потому не вжимай себя в этот сан, ибо твоя самовлюблённость ослепит тебя, обольстит и погубит, если ты последуешь своему благомыслию в столь важном деле.

26. Итак, раз уж для того, чтобы приступить к этой службе, мало понимания, познания и способности, если не хватает благодати призыва, что же будет, если кто не имеет такой способности, познания и понимания? Ибо это такие дары, которые Бог сообщает не всем душам, а лишь тем, что состоят в отречении и кротости и достигли совершенного уничтожения себя самих через страшное внутреннее угнетение и созданное страданиями очищение. О благословенная душа, верь совершенно и знай раз и навсегда, что все дела, совершаемые в этом сани (если идут не от праведной ревности, не от чистой любви и не от освящённого ума), есть не что иное, как плоды самовлюблённости, своемыслия и духовного честолюбия.

¹ Быть отлучённым, отдалённым и освобождённым от всего, что ведёт не прямо к Богу, от всякого желания и вожделения, от всякого побуждения и требования, от всякой боязни заботы, от всех предвзятых и неправедных мнений. Таулер называет это нищетой и написал об этом соответствующую книгу. Таков же и трактат Брата Клаузена, швейцарского отшельника, об отлучённости.

27. Сколь много тех, кто, почитая себя достаточно готовыми к такой службе, принимают эту службу лишь ради своего удовольствия и (вместо того чтобы очищать свою душу, от всего остального освобождая и отвлекая, чтобы быть угодными Богу [впрочем, посчитав при этом, что приносят ближнему своему некоторое добро]) наполняют её землёй и соломой своей любви и высокопочитания, тем вредя себе самим! Потому, возлюбленная душа, веди себя тихо и кротко, отрекись от своего благомыслия и своих вожделений, погрузи себя в бездну собственного недостойнства и ничтожества; тогда воздвигнешь основание, вне которого нигде не обретёшь Бога, истинного света, спасения, блаженства и высочайшего совершенства.

ГЛАВА VI

Наставление для духовников и духовных водителей

28. Сан духовника и духовного водителя — важнейший и полезнейший сан из всех в мире, и если неправильно отправляется, то приносит невозвратимый вред. Попечитель души поступит разумно, если для того, чтобы научиться правильно отправлять свой сан, будет прилежно взирать на житие предшествующих ему святых людей и более всего подражать примеру тех, от кого он почерпнёт больше благоговения и наставления.

29. Надо стараться о всегдашнем возвращении в самого себя, ибо где есть возвращение, там есть всё, всегда хорошо исполняются все обязанности и дела своего состояния, а больше всего духовного попечения о душе. Ибо если потом возвращённая в себя душа примется за должные внешние упражнения, то Бог присутствует, и освещает её, и действует в том, что надлежит делать.

30. Чтобы водить внутренние души¹, не нужно предписывать им законы и известные учения, но лишь отвращать и отдалять кротко и осторожно препятствия, которые задерживают божественное втечение. Однако нужно будет сказать им, чтобы они придерживались этого святого совета: *Тайна моя — у меня*.

31. Многие души воображают себе, что все духовники или попечители душ снабжены достаточным познанием внутренних и относящихся к созерцанию вещей. Однако они не только заблуждаются в этом; понимание говорит, что они приносят великий вред, когда беседуют с ними о том. Ибо те, кто не имеет понимания в таких делах (поскольку не может понимать и различать, когда Бог поставил душу на внутренний путь), препятствуют ей в продвижении к созерцанию, советуя ей упражняться в рассматривании, и даже с насилием принуждают её к этому, невзирая на то, что она является к этому вовсе неспособной и достаточно ощущает, что ей это совершенно не подходит. И так ослабляют они её, делают робкой и заблуждающейся, вместо того, чтобы ободрять и надлежащим образом помогать; и когда Бог зовёт её к созерцанию, они вновь отягощают её и отвлекают, будто бы рассматриванием, ибо не знают иного пути, кроме этого.

32. Ежели хочет Учитель творить плоды, то не должен искать вождения душ, но лучше оставить их ходить самим. Также не должен он принимать всех без разбору², особенно если это женщины, которые обычно лишены нужного для этого качества ума. Чтобы быть по-настоящему полезным душам и произвести что-либо плодотворное, то очень важно не дерзать самому делаться Господином или Учителем или, чего доброго, стараться быть почитаемым за такового.

33. Духовник должен, сколь возможно, воздерживаться употреблять слово «дочь», ибо опасно употреблять столь нежное и любезное имя, ибо Господь Бог наш есть ревнивый Бог, а этот вид обращения весьма фамильярен.

¹ То есть те, что ходят внутренним путём с Богом.

² Чтобы водить их по этому тайному пути, хотя он может, впрочем, научить их общим обязанностям христианства.

34. Духовник вне своего исповедального места и сана попечения душ не должен обременять себя многими вещами и делами [ради духовных чад своих], потому что Бог не хочет, чтобы он пёкся об их временных проблемах; также, насколько возможно, не стоит позволять видеть себя нигде, кроме как в исповедальном месте.

35. Нельзя допускать себя к восприимчивости или опекунству и производству в действие завещания, поскольку такие должности причиняют душе много беспокойств и препятствий, неприличествующих столь совершенному и высокому сану.

36. Духовник никогда не должен посещать духовных дочерей своих, когда те больны, разве только если они позовут его.

37. Если духовник будет стараться приводить души к тому, чтобы они внутренне и внешне содержали себя тихо и воздержанно, то его слова и без его ведома будут как горящие угли, которые разожгут и воспламят их.

38. В исповедальном месте обличения должны быть легки, а на кафедре жестоки. Там духовник должен облекаться кротостью агнца, а здесь рыкать, как лев. О, сколь сильно тихое и кроткое обличение в раскаивающихся; ибо сердца их уже тогда смягчены. На кафедре, напротив, нужно, чтобы устрашились слепые и жестокие грешники. Однако надо поступать строго, обличать и наказывать и тех, кто приходит на исповедь с дурным качеством ума и будто бы хочет силой вырвать у духовника прощение.

39. Если всё, для пользы душ уже сделано, что можно, то не надо потом смотреть на плод своего труда, что вышло; ибо это тонкие искушение сатаны, который хочет, чтобы мы вменяли и почитали за наше собственное дело то, что является делом Божиим, и часто нападает на духовника через его самовлюблённость и ложное удовлетворение самим собою как через непримиримых врагов духовного уничтожения, дабы воспрепятствовать таким образом умерщвлению и отречению от себя самого, о которых духовник всегда должен заботиться.

40. Даже если он иногда видит, что души, находящиеся под его руководством, не успевают, или что те, что ушли уже далеко, лишаются благодати, не следует беспокоиться о том, а нужно пребывать в своём внутреннем мире и в духовной тишине, по образу небесных стражей, Святых Ангелов. Да воспримет он тогда потом внутреннюю бодрость и это учение в придачу, что, помимо прочего, Бог позволяет такие промашки, чтобы духовник через это смирился, обучился и внутренне ободрился.

41. Духовник должен как сам избегать всего внешне кажущегося красивым, или вынужденного, или лицемерного поступка, так и приучать души, которыми он должен управлять, чтобы и они избегали этого; ибо это мерзость пред Богом.

42. Также он не должен принуждать души к причащению или удерживать их от него, разве что для того, чтобы их испытать или умертвить¹; ибо бесчисленно много других средств, которые могут применяться для той же цели без столь великого вреда. Итак, не должен он запрещать его тем, кто искренне и всем сердцем желают того; ибо Христос открыт для нас каждый день и до конца мира.

¹ [Упражнять в отречении самих себя через умерщвление их воли, страстей и вожелений.]

43. Познание говорит, что чем больше упражнение покаяния, тем тяжелее приводить его в действие, и потому будет лучше, чтобы души предпринимали только умеренное и вмещающее в себе нечто полезное.

44. Духовный отец никогда не должен оказывать слишком великой склонности к одной из своих дочерей или великого негодования к другой; но должен поступать в этом разумно и осторожно и ни с одной не обходиться слишком доверительно и особо перед другими; ибо сатана, который старается возбуждать против духовника лишь зависть и ненависть и всевать плевелы в его духовное руководство, часто употребляет для беспокойства других то, что духовник выказывает к одной из них.

45. Важнейшее и постоянное упражнение душ, предавшихся одной лишь внутренней жизни — пребывать всегда заключёнными в себе самих, исторгали самовлюблённость так, чтобы вовсе не уважали её, и бодро воспринимать с терпением страдания внутренних умерщвлений, которые Господь посылает им, чтобы очистить их, уничтожить и сделать совершенными.

46. Поскольку желание откровений — одно из наибольших и обыкновеннейших препятствий, которые встречаются на внутреннем пути душам (особенно женщинам), так что почти не остаётся ни единого сна, который они не называли бы видением, — необходимо делать им эти сны в какой-то степени противными и вместо того вселять в них святой страх.

47. Хотя молчание бывает тяжело для женского пола, духовник не должен позволять им болтливым образом разносить всё, что он повелел им по Божию велению; ибо неприлично выставлять на суждение человеческое то, что пришло от Бога¹.

¹ По латинскому тексту: «чтобы то, что вдохнулось ему от Господа, каждому подносило было для оценки».

ГЛАВА VII

*Продолжение этого наставления;
почему некоторые духовники испытывают привязанности;
и какие нужны дары к такому сану исповеди, также годные и к тому,
чтобы он прямо водил души по внутреннему тайному пути*

48. Духовник должен приглашать кающихся к молитве, если видит, что они слишком часто приходят к нему и изъявляют усердное желание своего спасения.

49. Да будет его наиглавнейшим правилом, которого он не должен никогда и никак нарушать, — никогда не принимать того, что предлагается ему в дар, хотя бы он мог приобрести и целый мир.

50. Хотя духовников очень много, добрых и праведных среди них весьма мало, ибо некоторые скудны в рассуждениях, а другие в познаниях; иные же стараются войти в доверие к великим и знатным людям или сделать себя любимым. Они ищут особой дружбы своих духовных чад, а вместе с нею — их даров и подношений; они полны духовного честолюбия, хотят себе создать великое имя, быть уважаемыми в высоких кругах или иметь большой приход. Иные хотят быть почитаемы за особых учителей, и говорят о достоинстве своего сана или о том, что делают по нему, высокопарно, и делают всё сообразно с его важностью, властью и силой; а иные имеют обыкновение охотно рассказывать видения и поступки своих духовных чад, и вместо того, чтобы хоть немного уважать их, дабы блюсти их в смирении, советуют им описывать многое из того, что их прославляет, а потом безбоязненно пересказывают. Эта их самовлюблённость, многословие, честолюбие и привязности¹ очень сильно препятствуют духовному росту их чад и вредят почти всем плодам их сана, который требует целостного отречения от себя и от всех вещей и единственной целью и намерением которого должна быть лишь честь Божья.

51. Есть ещё другие духовники, кто по легкомыслию или из дерзости либо верят всем исповедям и их одобряют, либо, напротив, отвергают все видения и откровения; не следует им, однако, ни всем верить, ни всех без различия отвергать, если хотят они пользы для дела. Некоторые же столь пленяются духовными дарами своих подчинённых дочерей, что принимают за настоящие святые тайны всё, что они видят во сне или в бреду.

52. Многие же, оскверняя исповедное место, употребляют многие учтивости и приветственные речи о суетных, ненужных и разрушающих благоговение вещах, вопреки тому, к чему установлена исповедь — подготовке кающегося к принятию Вечери Господней: спрашивают духовных чад, как идут дела у них дома и у их друзей прежде, чем начинают исповедь и говорят им о покаянии и обращении. От этого случается, что благоговение их, и так не сильно горячее, совсем остывает, и искорка ревности в них гаснет. Иногда случается и так, что духовники заставляют своих духовных чад слишком долго ожидать, а те, имея много дел дома, чувствуют от этого скуку, негодуют или выражают нетерпение; и так теряют тот добрый настрой ума, с

¹ Быть твёрдым, разрешённым от чего-либо. Привязанность к тому и другому — отлучение от всего. Пленённый тем и другим свободен от всего. Задерживаемый тем и другим не останавливается ни от чего. Наполненный тем и другим празден от всего. Стремящийся получить и то, и другое вовсе убог. Возбуждаемый и тем, и другим отделён от всего.

которым приготовили себя к разрешению. Необходимо постоянно помнить о таком беспорядке и происходящем от него вреде и стараться избежать его.

53. Но находятся ещё некоторые добрые духовники; что же касается тех, кто должен наставлять и водить души на внутреннем духовном пути, этих так мало, что, как сказал отец Иоанн Авильский, *один на тысячу*, или, как считал Св. Франциск Сальский, *один на десять тысяч*, или даже, по рассуждению просвещённого Таулера, *на сто тысяч едва найдётся такой, кто был бы искусен и способен в этом*. Причина этого в том, что, как сказал Геинрик Арнио¹, *весьма немногие из них готовятся и стараются сыскать тайную внутреннюю Премудрость и знание*. Ах, если бы это не было столь справедливо, как это, к сожалению, есть! Не было бы так много людей, пленившихся заблуждением мира и его суетою, меньше грешников и больше святых людей отыскалось бы.

54. Если духовный водитель всем сердцем желает, чтобы все подчинённые его любили добродетель и богоговение и чтобы любовь их к Богу была чистой и полной, сопряжённой с немногими словами и заключениями разума², то он приносит очень большую пользу.

55. Если предавшаяся внутренней жизни душа содержится в очищении своих возмущений ума [или в старательном очищении, в том очищении, которое совершается через страдание] и в отвлечении от всего, что может препятствовать ей во внутренней жизни, и не имеет при этом искусного водителя, который умерял бы её весьма великое вожделение (по которому она и бывает склонна к возвращению в себя саму и к уединению), то такая особа прекрасно может стать немощной в телесных силах, употребляться к проповедованию, исповеди и наукам и другим делам, к которым обязывают её состояние, сан и звание.

56. Для этого искусный учитель должен с большим вниманием наблюдать, когда силы души начинают заниматься Богом и в Нём упражняться, чтобы находящимся в таком состоянии позволять не слишком много места для уединения и свободы, но верно советовать им, чтобы не прекращали своих обычных упражнений (хотя и кажется, что от них рассеивается ум), если только они не противны званию, в которое они поставлены от Бога. Ибо случается иногда, что душа так глубоко погружается в уединение и столь отдаляется от внешних вещей, что если потом вновь захочет взяться за них, не сможет их делать без великого труда и негодования, отчего часто ум её беспокоивается, голова, память и прочие силы слабеют, а здоровье вызывает опасение. Вред этот велик и достоин такого внимания, что духовный водитель должен стараться предупреждать его весьма расчётливо.

57. Если же не имеет он понимания и не знает, когда душа находится в состоянии отвлечения, то будет думать, что в то время нет лучшего совета, как увещать её к возвращению и уединению, которое ей, однако, окажется потом весьма бесполезным и даже вредным. Из всего этого можно видеть, сколь искусен должен быть водитель в тайном и духовном пути.

¹ Кн. 3, ч. 3, гл. 22.

² По латинскому тексту: «и если любовь его к Богу чиста и полна, то доставит он с немногими словами и ещё с немногими доказательствами очень большую пользу».

ГЛАВА VIII

Продолжение этой части

58. Те, кто без понимания применяет вождение души, заблуждают слепо и глупо и никогда не доходят до того, чтобы научиться познавать разные состояния души и качество их внутренних действий. Они знают только то, что душа иногда чувствует себя хорошо и имеет свет, а в иное время окружена тьмою; но как различать такие состояния и из какого источника происходят эти перемены — о том они ничего не знают, и не понимают, и не могут научиться этому из книг, поскольку не познали этого на себе и не были в том горниле, в котором сияет истинный свет.

59. Действительно, как может познавать скрытые и трудные тропы внутреннего пути водитель, который никогда по ним не ходил? Потому особая благодать, когда душа находит одного искусного руководителя и через это может укрепиться в непреодолимых иначе затруднениях, случающихся в этом путешествии, и вразумляться в многообразных сомнениях, приводящих её в недоумение. Иначе же невозможно (по крайней мере, без особой и чрезвычайной благодати) достичь ей святой горы совершенства.

60. У учителя, живущего в отречении от себя, больше склонности к внутреннему уединению, чем ревности и вожделения служить душам; поэтому если духовному отцу досадно, когда его бросают и идут к другому, то это явный знак, что он не очень-то силен в отречении от себя, но имеет много ещё самовлюблённости и самоуважения, а не одной лишь чести Божьей ищет.

61. Ещё одно немалое зло, которое иногда приключается между духовными, — когда один старается тайными происками привести под своё руководство души, у находящиеся другого. Пусть каждый думает, как хочет, однако надо признать, что это великое злодейство; ибо если кто почитает себя лучшим учителем, чем другой, то это или гордость, или, хуже того, вина неверности Богу, душам, которые он к себе завлекает, и себе самому, поскольку таким образом он задерживает духовный рост ближнего и препятствует ему в душевном благополучии.

62. Есть и другой великий и особенный порок, в который иногда впадают духовные: когда они не хотят позволять, чтобы водимые ими души беседовали и имели общение с другими — даже со святейшими и имеющими больше понимания, чем они. Всё это — не что иное, как сущее самолюбование, самолюбие¹ и высокопочитание себя самого; и запрещают своим подчинённым это малое удовольствие они не ради иной причины, как только потому, что боятся лишиться их, и чтобы после не говорили, что их духовные чада искали иного удовольствия, которого не могли найти при них. А худшее, что приносят эти злые намерения — что через эти запреты затрудняется и задерживается слияние душ.

¹ Adhaesio, неотречение.

63. Ото всех этих и ещё несчётного множества других зависимостей¹ духовный водитель освобождается, когда терпит притеснения и напасти и, страдательным образом, через страдания очистившись, приходит к тому, что слышит внутренний голос Божий, ибо этот Божественный Голос производит весьма много божественных действий в душе, которая ему даёт место, внемлет и следует.

64. Он столь великой силы, что отвергает и попирает ногами мирскую честь, высокопочитание себя самого, духовное честолюбие, желание великого имени, высокоумие и дерзость, по которой воображают себе, что во всём есть что-то особенное, и лишь только мудрецы всё знают или способны всё понять. Он делает так, что отрекаются от друзей, обществ, учтивых писем и всего мирового сообщества; ни к своим духовным чадам не сильно привязываются, ни желают представлять старейшего для того, чтобы иметь вид весьма занятого человека. Он подавляет великую страсть и склонность явиться на месте исповеди (которую иногда прежде имел проповедник), а также беспорядочное желание обращения и наставления душ, которое у него было прежде, когда он мнил себя весьма годным для этой работы. Он гасит самовлюблённость, великое воображение, готовность повелевать другими, хвастаться достижениями и показывать другим понятия, написанные им самим или его духовными чадами, чтобы могли считать его особенным и добропорядочным работником. Он приводит ум учителя в такое состояние, что он ни во что не ставит ту зависть, которой охвачены против него другие, и не заботится о том, много народу приходит к нему на исповедь или нет².

65. Наконец, внутренний голос Божий производит в душе духовного водителя любовь к уединению и к молчанию, презрение и забвение друзей, родителей и других, к кому он прежде был привязан беспорядочной любовью настолько, что почти не вспоминал о них, кроме тех минут, когда они с ним говорили. И это знаки, по которым можно познать отречение и отлучение хранителя (по которым он свободен и отлучён от всего того, к чему его сердце прежде было привязано самовлюблённостью), который также молчанием своим приносит больше пользы, чем десять тысяч других, когда они составляют обширные речи и обременяют духовные чада свои несчётными поучениями³.

¹ Это такие прегрешения и вожделения, через которые человеческое сердце привязывается ко всему, что кажется полезным к его увеселению, чести и корысти, и потому старается всё это привлекать к себе и удерживать.

² Всё это действие внутреннего Божьего голоса в душах.

³ Как сказал Христос (Мф. 23:4).

ГЛАВА IX

О том, что простодушное и скорое послушание — единственное средство безопасно ходить на духовном пути и соблюсти внутренний мир

66. Если ты твёрдо решил отречься от своей воли и во всех делах следовать только Воле Божьей, то послушание является необходимым для этого средством, — обязался ли ты к нему неразрешимым обетом, учинённым перед теми, кто призван следить за твоим состоянием, или по свободному выбору покоряешься искусному учителю, который имеет те дарования, которые показаны в предыдущих главах этой книги.

67. Ты никогда не достигнешь горы совершенства, не возвысишься на высокий престол внутреннего мира, пока сам управляешь своей волей и следуешь ей. Ты должен преодолеть этого свирепого зверя, как врага Божьего и твоей души, и всё собственное знание, суждение и добромыслие, словно мятежников, тебе надо покорить и сжечь в огне послушания. На этом и можешь ты, как на опытном камне, испытывать и познавать, Божья ли это любовь или же твоя самовлюблённость, которой ты объят и которой позволяешь управлять тобою.

68. Общий образ жизни, проводимый в послушании, лучше, чем если бы кто прилежал к великим делам покаяния по повелению собственной воли; ибо послушание и повиновение (помимо того, что сохраняют нас от обольщения сатаны) суть праведное всесожжение, через которое мы приносим себя самих Богу и жертвуем на алтарь нашего сердца. По этому поводу некий великий слуга Божий сказал, что он скорее хочет выносить грязь из послушания, нежели быть вознесён в третье небо по своей собственной воле [если бы было такое возможно].

69. Послушание есть принятие наикратчайшего пути к достижению совершенства, и душе невозможно наслаждаться истинным миром, если она не отречётся от себя самой и не притеснит, не победит собственного добромыслия вместе с непокорными вожделениями и с возмущениями ума. Наилучшее же средство для получения этой победы — ничего не скрывать перед тем, кто поставлен над нами от Бога, и везде оказывать твёрдое намерение повиноваться ему; поскольку сердце бывает свободно, спокойно и не отягощено тогда, когда мы будто бы сыплем со смирением в уши нашего духовного отца всё то, что нас смущает. И потому может быть весьма полезно для успешного развития нашего духа, когда мы представим, что наш духовный водитель, в известной мере, нам вместо Бога, и что следует, как от самого Бога, принимать то, что он советует нам для нашей же пользы, говорит и повелевает.

70. Это учение утверждается как всеми Святыми и Учителями, так и Самим Господом Христом, когда Он даёт разум, чтобы мы Его слугам и посланникам, духовным нашим отцам, повиновались, как Ему Самому. *Слушающий вас*, — говорит Он (Лк. 10:16), — *Меня слушает*. Ещё Он хочет, чтобы мы не выключали из послушания нашего и тех, чьи дела не согласуются со словами, когда говорит (Мф. 23:3): *Всё, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте; по делам же их не поступайте, ибо они говорят, и не делают*.

ГЛАВА X

Прежнего содержания

71. Послушная душа, говорит Св. Григорий, обретёт все добродетели; Бог в равной степени награждает её смирение и покорность таким образом, что освещает её и наставляет через её учителя¹, который находится на Его месте, вождению которого она должна доверить себя, явственно, просто и свободно открывая все свои помышления, дела, склонности, вкушения и искушения. Благодаря этому, сатана не может обмануть её, но она делает определённые шаги и не должна бояться, как дать Богу ответ о том, что она делает или оставляет по совету своего учителя; что же касается тех, кто хочет ходить без водителя, если они пока не в заблуждении, то всё же в таком состоянии, что легко попадают в заблуждение и порой могут принять вражеское искушение за божественное внушение.

72. Но ты должен знать, что для продвижения к совершенству не достаточно того, чтобы оказывать честь и послушание только своим начальникам, но то же самое следует являть и низшим.

73. Кроме того, чтобы послушание было праведным, оно должно быть свободновольным, чистым, готовым, радостным, внутренним, слепым и постоянным. Свободновольным, без насилия и не из страха; чистым, без собственной пользы, мирского намерения или самовлюблённости, но единственно и только для угождения Богу; готовым, без противоречия или исключения, без извинения и без отлагательства; радостным, не с потупленным печальным умом, но со всяческим прилежанием; внутренним, так как оно простирается не только на внешнее, но больше на сердце и ум, и требует этого; слепым, ибо должно в нём отрешиться от собственного рассуждения и добромыслия и вместе с волей доверить его тому, кто ведёт нас, чтобы не искать ни суждения, ни намерения, ни цели, ни причин такого послушания; и постоянным, поскольку оно должно продолжаться беспрепятственно, даже до смерти.

74. *Послушание, — говорит Св. Бонавентура, — должно быть готово безотлагательно; усердно и ревностно, без холодности и омерзения; свободновольно, без разыскивания; постоянно, без прерывности; добропорядочно, без помешательства; тихо и любезно, без беспокойства; мужественно, без малодушия; всеобщее, без изъятия.* Внимай добру, о христианская душа, и знай, что хотя ты и много трудишься, чтобы исполнить Божью Волю, но не сможешь сделать этого без такого послушания; что тот, кто хочет вести себя сам, заблуждается и приведёт себя к гибели; что хотя кто и кажется нам добрым Ангелом тот, кто внушает нам нечто, но если он не хочет подвергаться благорассуждению нашего духовного водителя, то должен почитаться скорее за дьявола, так сказал об этом Жерсон и многие другие учителя, сведущие в Тайном Богословии².

¹ По латинскому тексту: «что Он освещает и наставляет её учителя, который...» и пр.

² Жан Жерсон. Трактат «О различении истинных и ложных откровений» («De distinctione verarum revelationum a falsis»), н. 19.

75. Это учение подтверждается случаем со Св. Терезой. Когда эта Святая увидела, что Екатерина Кардон вела весьма строгую жизнь в пустыне, она твёрдо решила последовать её примеру, вопреки совету своего духовного отца, который хотел отговорить её от этого. Когда же она была в сомнении, должна она его послушать или нет, Господь наказал ей так¹: «Оставь это, дочь моя, ибо это не правый путь; будь безопасна и спокойна². Твоё послушание мне приятнее, чем все дела покаяния Екатерины». С этого времени она дала обет во всём следовать своему духовному отцу. В описании её жизни³ также читаем, что Бог часто повелевал ей, чтобы она открывала своему духовнику весь свой ум и все милости, которые Он ей явил⁴, и была бы послушна ему во всём.

76. Взгляни, как захотел Бог оградить и укрепить это небесное и важное учение священным писанием, свидетельствам святых и богоучёных людей, а также верными доказательствами и примерами, чтобы всякое могло быть уничтожено и посрамлено вражье лукавство и коварство.

¹ В житии её, в обращении Людовика Лионского к читателю.

² Во французском переводе эти слова с объявлением 366 листа приводятся несколько иначе: «Услышь душа моя, не всякий добрый путь безопасен».

³ Глава 26.

⁴ *Gratias, quas ipsi faceret*. Милостивые Его откровения [или «из особой Его благодати последовавшие ей откровения»]. В этом контексте слово *Gratiae* всегда называет то, что школьные учителя обозначают «*Gratias gratis datas*» [дарованная благодать] — особые дары благодати, которые являются не всякому и нужны только для получения блаженства, но сообщаются исключительно душам от Бога по свободному Его благоизволению. Сюда же относятся высокие откровения и внутренняя беседа, которую некоторые получают от доброго духа.

ГЛАВА XI

Когда и в чём внутренняя душа более всего нуждается в послушании

77. Более всего послушание нужно тебе, когда действуют самые сильные искушения и злые, наинаглейшие нападки; когда ты находишься во тьме, в скорби, в сухости и покинутости; когда со всех сторон нападают на тебя искушения гнева, ярости, похоти, досады, нетерпения, роптания, богохульства и отчаяния; тогда тебе более всего нужно, чтобы ты вверил себя искусному водителю, повиновался ему и жил по его совету, дабы не допустить того, чтобы тебя обольстило внушение врага (который, видя тебя в такой печали и отрешении, охотно бы захотел уговорить тебя, что Бог тебе враг и ненавистен, что ты вне состояния благодати, а твоё послушание не может тебе помочь).

78. Ты будешь находить себя в окружении и объятии тягостных сомнений, боли, печали, скорби, недоверчивости, отрешения тварного, — короче говоря, столь страшных мучений, что они будут казаться тебе невыносимыми. О! сколь счастлива тогда ты будешь, христианская душа! — если ты в этом состоянии целиком оставишь себя вождению своего водителя и будешь повиноваться ему во всём. Ты будешь ходить безопасно на тайном внутреннем пути, хотя тебе кажется, что ты ходишь в сущем заблуждении и тьме, что ты хуже, чем была прежде, и не видишь в себе ничего, кроме мерзости и знаков осуждённой души.

79. Тебе обязательно будет казаться, будто бы ты беснуешься и покорён сатаной; ибо знаки этого внутреннего мучения и страшного удручения можно принять за знаки телесно-бесноватых, поскольку они весьма похожи между собой. Однако твёрдо верь и следуй своему учителю, и в таком послушании обретёшь истинное благополучие.

80. Ты должен знать, что козь скоро усмотрит дьявол, что душа целостно отрицает себя и подвергается послушанию своему начальнику, тотчас приводит он весь ад в возмущение против неё, дабы обратить назад эту жертву и происходящее из неё бесценное благо для души. Исполненный ярости и зависти, старается он сеять плевелы между душой и её водителем, стараясь возбудить в ней скуку, презрение, недоверие, негодование и ненависть ко всему и прельщать её, чтобы она даже произнесла против него иногда громкие и ругательные слова. Однако искусный попечитель души только посмеивается этим лукавым козням сатаны; и этот злой дух напрасно трудится внушать находящимся в таком состоянии душам фантазии, будто не верят они своим духовникам, ибо не повинуются им и не чувствуют никакого препятствия на своём пути; поскольку они, невзирая на все эти опасности и слабости, ещё могут веровать и в самом деле веруют столь много, сколько надо для послушания, хотя сами не получают от этого удовольствия.

81. Когда ты просил у учителя своего дозволения чего-либо или говорил ему о какой-либо благодати, о которой думаешь, что она получена от Бога, а он отказывал тебе в этом дозволении или давал понять, что не принимает эту благодать за значимую, а ты из-за этого намеревался бросить его, — то это верный знак, что благодать не была истинной и что ты в очевидной опасности. Если же ты постоянно советуешься с ним и повинуюешься ему, но тебе бывает скучно и тягостно, то это знак, что ты [по повреждённой своей натуре] ещё жив и недовольно умерщвлён. И потому

тебе весьма полезно это горькое и крепкое лечение, когда верхняя часть твоей души принимает осязаемое нижней частью нежелание и беспокойство со смирением и как умерщвление, которое посылает ей божественный промысел. Из этого следует, что склонность и доверие к твоему учителю и удовольствие от его вождения будут теперь умножаться в тебе, хоть ты и не заметишь этого¹.

82. Если отрицать свою любовь и своё суждение и добромыслие, то необходимо целостно и с истинной покорностью отдать себя в руки духовному врачу. Если же он не приноравливается к твоему вкусу и удовольствию, но предписывает и приказывает тебе то, что ты принимаешь неохотно, и тебе на ум приходят многие (оказывающиеся ложными) причины, противные его совету, то это доказывает, что разум твой ещё не умерщвлён полностью, а рассуждение твоё ещё не полностью пленено, что является осязаемым препятствием как готовому и слепому послушанию, так и миру в душе.

83. Потому очень нужно, чтобы ты преодолевал себя самого, сопротивлялся твоей чувственности, отвергал эти ложные и мнимые причины, настраивал себя для послушания, тихо молчал и производил в дело святой совет, который тебе даётся, чтобы так истребились и искоренились беспорядочные твои вождения с собственным добромыслием.

84. В этой ситуации древние отцы, искусные в этой тайной науке Мастера, разными способами упражняли терпение своих подчинённых разными и часто редкими способами, давая им такие приказы, которые казались совсем глупыми. Ибо некоторые повелевали им сажать салат, повернув в землю листьями, другие велели поливать сухие палки от срубленных деревьев, а третьи велели часто одну и ту же одежду распарывать и снова сшивать обратно; всё это были странные, но весьма сильные приёмы и изобретения для испытания их простодушного послушания и исторжения из их сердец до малейшего корешка злого зелья собственной воли и добромыслия.

¹ Или: «Когда ты просишь у своего водителя разрешение на что-то или делаешь ему заведомо ложное донесение о принятии тобою особой благодати, а он отказывает тебе в твоём требовании или считает его суетным, чтобы ты не превозносился откровениями, и из-за этого случится так, что ты отринешь его совесть и бросишь его, — то это знак того, что это не было истинное божественное откровение, и что великая духовная беда носится над твоей головой. А если случится, что если ты хоть и веришь своему водителю, и повинешься, но наставление тебе бывает больно и чувствительно, то это знак, что твоя чувственность жива и мало ещё умерщвлена, однако это горькое и острое лечение тебе может быть очень полезно и спасительно, что хоть нижние силы души колеблются через это, но верхняя сила жадно приемлет это, и всякое наказание, усмирение и умерщвление ветхого человека; ибо она знает, что это Воля Божья. При таких обстоятельствах умножается довольствие и доверие к твоёмu духовнику, хотя ты сам этого и не замечаешь».

ГЛАВА XII

Равного с прежней содержания

85. Ты должен знать, что не сможешь сделать ни одного шага в духовной жизни, если не постараться совладать с собственным рассуждением и пленить его; и пока не поймёшь, насколько нужно сделать это, тебе не помочь. Больной, знающий о своей болезни, прекрасно знает, что ему вредно пить столько, сколько он хочет, и что лекарство хоть горько и неприятно, но весьма полезно ему; поэтому он не доверяет своему беспорядочному аппетиту и не верит собственному добромыслию, но подчиняет себя искусному лекарю, советам которого следует, чтобы стать здоровым. Таким образом, знание о своей болезни приводит к тому, что он не верит себе самому, а, напротив, следует совету своего врача, имеющего в этом вопросе больше знаний и опыта, нежели он сам.

86. Все мы больны язвой самовлюблённости, превратной похоти, собственного рассуждения и добромыслия; мы целиком наполнены нами самими и желаем лишь того, что нам вредят, а то, что нам полезно и принесёт добро, — то, напротив, не нравится и вызывает омерзение¹; потому нам надо поступать так, как поступает больной, и не следовать нашему аппетиту и чудным помыслам, но придерживаться мудрого духовного врача и повиноваться ему беспрекословно, без извинения и без уклонения, с отвержением ничтожных мнимых оснований самовлюблённости. Тогда последует наше верное выздоровление, а самовлюблённость с беспорядочной похотью прогонятся.

87. Как часто тебя обманывали собственные мысли, как часто ты был должен менять своё мнение и стыдиться того, что советовался лишь со своим добромыслием! Если бы кто обманул тебя два или три раза, верил бы ты ему потом? Как же так случилось, что ты веришь своему рассуждению, когда оно так часто тебя обманывало и уводило от света? О, не верь ему больше, христианская душа! Не верь ему больше, но покорись праведно, а повинуйся простодушно и слепо.

88. Ты можешь оказаться весьма довольным и даже почитать за великое счастье, если найдёшь искусного проводника; но это не сильно поможет тебе, если ты считаешь собственное добромыслие выше, чем его совесть, и не покоришься ему во всякой искренней простоте.

89. Когда великий господин лежит больной и велит призвать к себе хорошего врача, то хоть и быстро тот ставит диагноз, находит причины и предвидит последствия, но чтобы исцелиться, нужно употребить горькие и сильные лекарства; а он выписывает лишь лёгкие. Тут ты можешь сказать: «Что за глупости! Ведь если он знает, что лёгких средств будет недостаточно, а нужны крепкие, почему он не использует их»? Но он делает это для того, чтобы больной, даже если сильно хочет поправиться, не имеет сил сносить такие сильные лекарства. И потому врач поступает разумно, когда прописывает средство полегче — которое хоть и не сильно поможет выздоровлению, однако будет препятствовать прогрессу болезни, а главное, не убьёт больного.

¹ По французскому тексту: «и которые часто не нравятся нам и вызывают омерзение тогда, когда мы получаем или делаем это».

90. Что толку тебе с искусного попечителя души, если тебе не хватает истинной покорности! Пусть у него много знаний, пусть может он распознать твою болезнь и знает, что сильнейшее средство, которое можно употребить от неё — заставить тебя отрешиться от твоей собственной воли, — но ты столь нежен и не имеешь достаточно смелости и крепости терпеть это строгое воздействие, что даже если он пощадит тебя, то ты не придёшь к желанному здоровью; а если так и будет продолжаться, то чудо, если это страшный враг не доведёт тебя до того, что ты и вовсе выпадешь из благодати.

91. Может статься, что твой водитель (если искусен он в Божьих путях) будет считать маловажными все дары благодати, которые ты получишь, чтобы испытать тебя и соблюсти в смирении; а поскольку твой ум ещё недостаточно утверждён в истине, то ты должен верить в том духовнику и следовать его совету; ибо если дух, который побуждает тебя к чему-то, является ложным, он даст распознать себя через тайную гордость, с какой подобные духи взирают на тех, кто им противился. Если же это добрый дух, который тебя воодушевляет, то смирение, хоть оно тебе немного досадно и унизительно, будет тебе весьма полезно, даже невзирая на это.

92. Если душа хочет быть почитаемой и уважаемой людьми и для этой цели рассказывает им о дарах благодати, которые получает от Бога, и тем самым не повинуется своему учителю, который велит ей молчать об этом, то, конечно же, она остаётся обманутой и позволяет сатане, который притворяется Ангелом Света, ослеплять себя. И если душа, пребывающая в таких ужасных обстоятельствах, находится под вождением освещённого учителя, то скоро она теряет ласку и благосклонность, которую изначально к нему испытывала, и ищет повода удалиться от него [непреренно от него отстать] и сыскать другого, которого могла бы обманывать; ибо гордые никогда не пребывают охотно в одном обществе с теми, кто даёт им причину и случай усмирять себя. Если же дух, что воодушевляет нас, на самом деле от Бога, то любовь и доверие к нашему попечителю души и презрение к нам самим усилятся и умножатся через это испытание и усмирение. И это верные и неотложные признаки, по которым можно испытать и познать праведный дух.

ГЛАВА XIII

Что часто повторяющееся причащение Святой Вечери является сильным средством для обретения всех добродетелей, и особенно — внутреннего мира

93. Для обретения совершенства и внутреннего мира более всего нужны четыре вещи; а именно молитва [или, как здесь говорится, благоговейное возвращение души и сил её в себя саму перед присутствием Божьим], послушание, частое причащение Святой Вечери и внутреннее умерщвление. Поскольку здесь уже говорилось о первых двух, перейдём сейчас к третьему.

94. Многие воздерживаются от причащения Святой Вечери, воображая себе, что недостаточно способны к принятию небесной пищи, ибо для этого необходима ангельская чистота. Но ты должен знать, что если имеешь одно только чистое суждение и искреннее желание подвергать себя Божьей Воле в деле и страдании, то хотя не ощущаешь при этом никакого чувственного благоговения и собственного удовольствия, но уже достаточно способен и можешь свободно и дерзновенно приступать.

95. Это искреннее желание исполнять волю Божью — словно камень, о который ты должен разбивать и уничтожать все трудности, недоумения и сомнения, все напасти, все сопротивления природы и всякий страх. И хотя наилучшее приготовление к Святой Вечери — это частое её причащение (ибо одно причащение всегда prepares и делает способным к другому), я покажу тебе два особых способа такого приготовления. Первое — для внешних душ [или таких, для каких богослужение, большей частью, состоит во внешних упражнениях], которые имеют доброе желание и суждение; а второе для духовных, которые ходят внутренне [с возвращёнными силами и чувствами в духе и в истине] и имеют больше света и познания Божьего, тайн Его, действий и таинств.

96. Подготовка внешних душ состоит в том, что они исповедуют грехи свои, устраниваются от тварного, содержат себя в тишине и рассматривают, и кто есть Тот, Которого они должны принять, и состояние того, кто должен принять Его; ибо они должны много рассуждать о том, что должны предпринять сегодня важнейшее дело, а именно — хорошо воспринять Всевышнего Бога; и что это особая и несравненная благодать, что сама Чистота хочет жить в нечистоте, Величество — в ничтожестве, а Творец — в твари.

97. Другая же подготовка, присущая внутренним и духовным душам, направлена на то, что они живут в величайшей чистоте и отвержении себя самих, в целостном отречении сердца и ума от всего на свете, во внутреннем умерщвлении и в постоянном благоговении или возвращении в себя самих. И такие души, находящиеся в этом состоянии, не имеют нужды подготавливать себя действиями [или особыми направленными на это делами], поскольку вся их жизнь есть не что иное, как постоянная и [в их мере] совершенная подготовка.

98. Если ты не увидишь в своей душе этих добродетелей, то для их обретения тебе нужно как можно чаще находиться при этой святой трапезе. Не отказывайся от неё лишь потому, что чувствуешь себя сухим, холодным и полным немощи; ибо вкушение Святой Вечери — лечение, исцеляющее немощи и умножающее добродетели. Когда ты болен, тебе надо спешить к врачу, а если ты холоден, нужно подойти к огню.

99. Если ты только начинаешь повиноваться Богу со смирением, с сердечным желанием и с позволения своего духовного отца, то можешь делать это ежедневно — и ежедневно же получать новые плоды. Потому не бойся того, что ты не усматриваешь в себе той горячей и чувственной любви, которую многие считают весьма нужной; ибо она — только естественное [или бывающее в естестве, хоть и не от него происходящее] движение, которое потому несовершенно [в отличие от того, что происходит в едином и чистом духе] и которому Бог позволяет обычно случаться с такими душами, которые ещё слабы и нежны.

100. А если ты скажешь: я нахожу себя неспособным без благоговения, без горячности и без алчности к этой божественной пище; как же осмелюсь я приступить? На это отвечу, что ничто из этого не может препятствовать тебе, если у тебя твёрдое намерение не грешить больше и по-настоящему избегать всего того, что может прельщать тебя ко греху. Если ты находишь его в себе, то не сомневайся, что прекрасно подготовлен к тому, чтобы приступить к этой божественной трапезе.

ГЛАВА XIV

О том же

101. Знай же, что в этом высоком таинстве Иисус Христос соединяет себя с душой и бывает един с нею; что столь великая, безмерная и дивная любовь по достоинству требует всего нашего благоговения, внимания и благодарения. Велика любовь, которую явил Он роду человеческому, став человеком; та, которую оказал Он, выстрадав поруганную смерть на кресте, была ещё больше; а та любовь, которую оказывает Он, отдавая нам Себя целиком в этом таинстве, и вовсе несравненна. Это совершенно особая и беспредельная любовь, и больше неё нет у Него нет ничего такого, что бы он мог нам ещё дать, и нет у нас ничего большего, что мы могли бы принять. Ах, если бы мы могли рассмотреть до основания безмерность этой любви и праведно познать её!

102. О, сколь удивительно дело любви, что Бог сущий вечного величества и славы хочет сообщать себя моей душе и соединять Себя с нею, как с самой бедностью! Почему же не идём мы насытиться от этой небесной трапезы, истребить себя в этом огне и стать одним духом с Господом? Что отвращает нас? Что препятствует нам, раз мы не ввергаем себя в этот огонь Божественной Любви, будто духовная саламандра?

103. Истинно, о Господь! что тыходишь в меня, пребеднейшего; но и то истинно, что Ты, тем не менее, в Своем сиянии и в Себе Самом пребываешь. Восприми же меня, сладчайший мой Иисусе! в Тебя Самого, в Твоё величие и красоту. Я неизречённо радуюсь тому, что малость и ничтожество моей души не может омрачить сияния высоты Твоей. Так войди же в дом мой, в меня, не покидая жилища Твоего: живи в высоте славы Твоей, но не оставляй и меня, нищего и бедного, непосещённым.

104. О душа моя! Сколь ты убога, сколь мала и ничтожна! О Господь! Что есть человек, раз Ты помнишь о нём и удостаиваешь Своего посещения? Что есть человек, раз Ты настолько уважаешь его, что хочешь даже веселиться по поводу его существования и жить в нём со всей Своей славою? Как бы могла бедная тварь воспринимать бесконечное величество? Погрузи себя, о душа моя, в основание ничтожества своего, признай своё ничтожество, рассмотри бедность свою и познай дивное дело Божественной Любви в этой непостижимой тайне, когда Бог столь глубоко снисходит, чтобы сообщить Себя тебе и соединить с тобою.

105. О, славься, любовь, превосходящая саму себя! Божественный Иисус хочет войти в столь малое жилище, покоряться неким образом человеку, целостно давая ему Себя и принося Себя за него в жертву вечному Отцу. О всевышний Господь! Свяжи же сердце моё столь крепкими узами, да не обращается оно к своим прегрешениям, да уничтожит себя самого истинно, да умрёт пред миром и да пребудет всегда и вечно, соединённое с Тобою.

106. Если ты, о христианская душа, хочешь обрести все добродетели в наивысшей степени, то часто приходи к этой трапезе, где они и обитают все вместе. Вкушай эту небесную пищу, вкушай постоянно; приходи и паси себя этой манной, приходи к ней в вере и со смирением, — и получишь и воспримешь чистоту, любовь, целомудрие, свет, силу, крепость, совершенство и мир.

ГЛАВА XV

В какое время нужно исполнять духовные и телесные упражнения покаяния, и насколько они вредны, если не знать меры, а предпринимать их только по нашему собственному рассуждению и мнению

107. Есть такие души, которые очень хотят поспешить на пути святости, а идут скорее назад, чем вперёд, вдаваясь в неумеренные упражнения покаяния почти так, как те, кто, желая заставить свой голос быть выше, сильно портят его и поют ещё хуже, хоть и думают, что делают лучше.

108. В эту яму пали многие из них, ибо не хотели покориться своим духовным отцам, но пришли в такой разгул воображения, что решили, будто нельзя сделаться святым иначе, как только предав себя наистрожайшим упражнениям покаяния; будто бы святость только в том и состоит. Обычно они говорят, что кто мало сеет, тот мало и пожинает; но если они не сеют ничего иного, кроме семян плохо проведённых упражнений покаяния, то сеют они лишь плевелы самовлюблённости, вместо того, чтобы истреблять её.

109. Самое худшее — что такие неумеренные упражнения покаяния и неплодотворные строгости порождают и производят в сердце некую горечь или недружелюбие, которая не только распространяется на нас, но и вырывается против наших ближних, и которая отклоняется от истинного духа христианской жизни. Поскольку недопонимают лёгкости ига Христова и сладости любви, но только суровость строгого покаяния, то естество по этой причине получает разительный и неприязненный вид. И потому бывает заметно, что такие люди обычно поступают жестоко со своими ближними, строго наказывают их за прегрешения, считают их несовершенными и ещё меньше освятившимися людьми, поскольку видят их ходящими другим путём, не столь строгим и трудным, как их. Ещё в своих строгих упражнениях они часто доходят до того, что сами придумывают себе некоторые из них и гордятся этим; а поскольку видят некоторых людей, следующих им, то считают себя лучше других, что весьма препятствует их успеху на пути добродетели. Наконец, бывает и так, что они завидуют тем, кто не упражняет себя в столь жестоком покаянии и кому иногда Бог дарит больше благодати, чем им; из чего становится ясно, что они на свои дела уповали.

110. Молитва есть пища и обитель души, а душа молитвы — внутреннее умерщвление. И хотя телесное покаяние и все другие внешние упражнения, укрощающие плоть, хороши, святы и похвальны [если только делаются с умеренностью, соответственно состоянию, в каком кто находится, и совету нашего духовного водителя], от них не исходит никакой добродетели, если они не идут от внутреннего мира, а лишь надуваются ветром суетной чести. Поэтому надо знать, когда лучше всего применять внешнее покаяние.

111. Если душа начинает отвлекать себя от мира и от пороков, то должна строгим образом укрощать тело, чтобы оно удобнее покорялось духу и не оказывалось противным закону Божию. Тогда можно принять оружие поста, бдения и строгого содержания, дабы отсечь корни греха. Но если душа уже вступает на путь духа и хватается за внутреннее умерщвление, то надо усмирять и внешнее покаяние

тела, поскольку тело и без того изнутри натренировано духом, сердце ослаблено, грудь отягощена, мозг насилован, да и в остальном всё тело измождено и почти не способно служить действиям души¹.

112. По этому умный и искусный учитель должен внимательно следить за тем, чтобы никогда не позволять душам предпринимать такие чрезмерные упражнения телесного и внешнего покаяния, к которым они бывают принуждаемы почитанием Бога, которое возымели к Нему в своих внутренних, тёмных и склоняющихся к очищению отделинности и возвращении. Причина этого в том, что непристойно томить тело и дух или совершенно ослаблять силы строгими и непомерными упражнениями покаяния, когда они и без того убавляются внутренним умерщвлением. Об этом очень метко сказал Св. Игнатий Лойола, что хоть на Пути Очищения и нужны телесные упражнения, однако они должны быть усмирены на Пути Просвещения и, тем более, на Пути Соединения.

113. Если же скажешь, что Святые в разные времена терпели ужасные упражнения покаяния, то отвечу, что они предпринимали это не без размышления и не по собственному желанию, но по совету своих начальников и духовных водителей, позволивших им это, поскольку они поняли, что Господь внутренне клонил их к этому; и то лишь для того, чтобы их примером посрамить небрежность грешников или унизить через это горячность духа², причинявшую им восхищения, присовокупить полезный противовес восхищениям их ума или ради других особенных причин, которые никоим образом нельзя преподать как всеобщее правило для всех и каждого.

¹ Или: «поскольку дух, сердце и проч. и без того утомлены».

² Очень большое усердие.

ГЛАВА XVI

Какова разница между внешним и внутренним покаянием

114. Необходимо знать, что покаяние, которое сам человек накладывает на себя по собственной инициативе, сколь бы жёстко и строго оно ни было, тем не менее, удобно и легко в сравнении с тем, которое он принимает на себя по совету и указанию другого. Потому что, если рассудить как следует, в основе первого лежит собственное благообретение и собственное волеизъявление, которые тем больше уменьшают и облегчают боль, чем более происходят от собственного выбора; но во втором случае всё тяжело: как само упражнение покаяния и умерщвления, так и приводящая к нему причина — воля и благоугодность другого человека, которому необходимо покориться.

115. Именно это хотел дать понять Господь наш Иисус Христос апостолу Петру, а через него и всем Своим последователям, говоря: Когда был ещё юн, тогда начинал упражняться в добродетели, поясался сам и накладывал на себя то, что тебе казалось полезным для умерщвления твоего. Когда придёшь в высшую школу, и в добродетели состаришься и станешь более наполненным, кто-то другой будет владеть тобой, и будет упражнять тебя в умерщвлении того, что ещё от повреждённого естества осталось. И если ты потом захочешь праведно последовать Мне, то ты должен отречься от себя самого, оставить свой крест и принять Мой, то есть быть довольным и страдать безропотно от того, что другой тебя умерщвляет и распинает.

116. Не думай, что есть разница между людьми — будь то отец или дети, друг или брат; даже те будут первыми, кто будет умерщвлять тебя, причинять страдание и восставать против тебя, пусть даже причина для этого у них была мнимой или они побуждались к этому одним лишь суемыслием и бесчестьем. Довольно и того, что они почитают твоё добродетельное поведение за лицемерие или глупость и обман и потому будут стараться отвратить тебя от твоих святых упражнений. Такое, а то и что посерьёзнее, часто будет попадаться тебе, если ты желаешь искренне служить Господу и хочешь позволить Ему очищать тебя.

117. Будь уверен, что хотя и внешние средства умерщвления и упражнения покаяния, предпринимаемые по собственному выбору, являются добром, однако они не могут привести тебя к совершенству, поскольку укрощают только тело, но не очищают душу от внутренних восстаний и вожделений ума, которые есть истинное препятствие для совершенного созерцания и божественного соединения.

118. Очень легко духом покорять тело; но не телом дух. И потому мы должны беспокоиться о внутреннем умерщвлении и покорении духа, которое состоит в том, чтобы победить его беспорядочные движения, истребить самовлюблённость и отбросить собственное волеизъявление и благорассуждение, непрестанно и без изнеможения заботиться до самой смерти, в каком бы возвышенном состоянии мы в душе ни находились; ибо [как уже говорилось] внешние и телесные упражнения покаяния не являются достаточными для того, чтобы сделать нас совершенными.

119. Даже если кто-то сможет и захочет взять на себя все мучения, которые вынесли все люди мира, и исполнить всякое самое жестокое покаяние, какое до сих пор могло быть исполняемо в Церкви Божьей, — он всегда будет далёк от совершенства, если не позаботиться о внутреннем отвержении и умерщвлении себя.

120. Славным доказательством этой истины является то, что случилось с блаженным Генрихом Сюзо. Когда он двадцать лет провёл во власянице, со столь строгим воздержанием и жестокими упражнениями покаяния, что ужасно даже читать о них¹, — то случилось, что Бог посредством восхищения сообщил ему свет, давший ему понять, что он никогда ещё не вступал на путь совершенства и никогда бы не достиг его, если бы Господь не умерщвлял его разными напастями и другими насильственными средствами, способствующими его умерщвлению². Из этого очевидно следует, как сильно внутреннее и духовное покаяние и умерщвление отличается от телесного.

¹ Бичевание или битьё себя самого.

² В житии его, гл. 23.

ГЛАВА XVII

Как должна душа содержать себя, когда иногда согрешит в чём-нибудь, и то, и другое просмотрит, чтобы ей не беспокоиться о том, но обращать всё для своей пользы

121. Если ты иногда согрешишь в чём-нибудь, не позволяй себе беспокоиться и смущаться по этому поводу, но вспомни, что прегрешение — сеть нашего слабого и повреждённого наследственным грехом естества, которое столь склонно ко злу потому, что не может сохранить себя от лёгких грехов без особого благодатствования, какое имел Господь Христос, или таких грехов, какие творятся от слабости и неведения¹.

122. Если ты нарочно сделал какую-то погрешность и смущаешься, беспокоишься и ужасаешься этому в своём уме, то это знак скрытой гордости. Не думаешь ли ты, что уже безгрешен и безупречен? — когда Бог и в святейших и совершеннейших всегда допускает оставаться некоторой естественной слабости, чтобы твёрже и глубже утвердить их в смирении, сделать их осторожнее и позволить им видеть то, что они не вышли ещё из состояния учеников Христовых, поскольку ещё часто впадают в такие прегрешения, против которых было направлено их начальное покаяние.

123. Можно ли удивляться тому, что ты иногда хоть немного грешишь? Смирять себя, познай свою бедность и благодари Бога за то, что сохранил тебя от несчётных беззаконий, в которые ты непременно впал бы по своей естественной похоти и склонности. Чего же иного ждать от столь неплодородной земли как наше естество, кроме терний и сорняков? Чудное дело благодати уже и то, что мы впадаем в неисчислимые грехи не всякое мгновение ока: воистину, если бы Бог не спасал нас постоянно, мы наполнили бы соблазнами и мерзостями весь мир.

124. Если ты иногда согрешишь, то тот же час всеобщий враг рода человеческого будет стремиться убедить тебя в том, что ты неправедно ходишь в пути духовном, находишься в заблуждении, не истинно исповедовался, никогда не имел живого сожаления о своих грехах, хоть и исправился от них должным образом, — в общем, что ты вне Бога и его благодати. И потому, дескать, происходит так, что ты по своей бедности будто бы впадаешь в такие прегрешения. Какое беспокойство и смущение, какой страх и ужас, какой срам и малодушие, сколь разные скорбные помыслы будет внушать сатана в твой ум и представлять тебе это образованием, что ты только зря проводишь время, что ты ничего не исправляешь, что молитва твоя бесплодна, что ты неправильно готовишь себя к принятию Святой Вечери, что ты не таким надлежащим образом заботишься об умерщвлении плоти, как ежедневно обещаешь Господу Богу, и что без такого умерщвления и покаяния твоя молитва и твоё причастие не что иное, как суета. Таким образом он будет стараться довести тебя до того, чтобы ты перестал надеяться на благодать Божью и думал, что идёшь вовсе не вперёд, а не иначе как назад, поскольку ежедневно впадаешь в новые прегрешения.

¹ Или сносных долгов, или легко отпускаемых погрешностей и прегрешений.

125. Но открой глаза, о христианская душа! и не позволяй толкать тебя на прегрешения коварным прельщениям сатаны, который такими внешне привлекательными, но ложными доказательствами не ищет ничего иного, кроме как низвергнуть тебя в погибель и отчаяние. Прерви течение таких заключений разума и закрой двери от этих суетных помыслов и дьявольских внушений. Избавляйся от этого пустого страха и малодушия и позволь познанию твоей бедности служить только для того, чтобы пробуждалась в тебе твёрдая надежда на милость Божью. Если же ты завтра снова падёшь, как сейчас, то утверждай себя вновь на этой высочайшей и более чем бесконечной Благодати, которая всегда готова забыть наши прегрешения и принять нас в Свои отеческие объятия, словно возлюбленных чад своих.

ГЛАВА XVIII

Прежнего содержания

126. Если ты совершил прегрешение, не теряй времени на размышления о своём падении, прогони свой страх, своё бездействие, беспокойство и смущение и обратись с возлюбленным упованием к Господу в смиренном признании своей бедности; поставь себя в Его присутствие, проси у Него прощения от всего сердца, но в тишине и без слов, — а затем будь спокоен и не стремись узнать, простил ли тебя Бог или же почитает тебя за виноватого, но сразу принимайся за свои упражнения с внутренней тишиной ума так же, будто и не согрешил вовсе.

127. Не посчитал бы ты глупцом того, кто, будучи на спортивных состязаниях по бегу, упал бы посреди стадиона, долго лежал бы там, а потом хотел бы многими словами жаловаться на своё падение? Ты бы сказал: «Встань, друг мой, и беги незамедлительно, ибо кто быстро встаёт и поспешно продолжает свой бег, тот будто и не падал вовсе».

128. Если ты желаешь достичь совершенства и внутреннего мира, то должен и день и ночь быть опоясан мечом упования на Благодать Божью и тщательно тренировать себя в этом столь смиренном и суламитянском возвращении и всецелом уповании на Божье милосердие во всех прегрешениях, немощах и несовершенствах, в которые бы ты ни пал нарочно или из небрежности.

129. И если случается, что ты часто заблуждаешься и потому чувствуешь себя унылым и малодушным, то старайся снова убеждать себя и не допускай печали отнимать твою бодрость. Ибо чего Бог не делал за 40 лет, то иногда творит Он в одно мгновение ока, и то из особой благодати, чтобы мы могли быть смиренны и познать, что это Его Всемогущая Рука, избавляющая нас от наших прегрешений.

130. Бог по Своей необъятной Премудрости делает так, что не только добродетели, но и пороки, и беспорядочные возмущения ума, какими старается сатана отправить нас в бездну, должны служить нам для восхождения на небо. Об этом говорит Св. Августин¹: *Взойдём и через пороки и страдания. Чтобы мы из лекарства не делали яда и не превращали добродетелей в пороки, то превращает Бог пороки в добродетели и так исцеляет нас тем ядом, от которого бы мы иначе могли умереть.* Об этом же свидетельствует церковный учитель Григорий², говоря: *Если мы делаем язву из лечения, то Он, наоборот, — из язвы лечение, чтобы мы, будучи столь бедны, что поражаемся добродетелью [воображая себе потом нечто и приходя в высокоумие], могли бы исцелиться через недобродетель и пороки [которые служат для нашего смирения].*

131. Малыми грехопадениями и прегрешениями удостоверяет нас Господь, что мы должны всецело благодарить одну лишь Его благодать за то, что сохраняемся от великих. Через это Он делает нас смиренными и бдительными, в чём наша гордая и своевольная природа имеет очень большую нужду. Хотя надо и постоянно остерегаться, чтобы не впасть во грех, но если уж ты часто заблуждался и был предварён некими прегрешениями, ты должен меж тем применять то средство, о котором я сказал выше, — то есть возлагать возлюбленное упование на

¹ Беседа 3. О восхожд.

² Кн. 37, гл. 9.

Божественное Милосердие. Это оружие, которым ты должен побороть духовную небрежность и суетные помыслы и победить их. Это средство, которое ты должен принимать, чтобы не проводить время с пустым беспокойством и бесполезными жалобами, но преуспевать в добродетели и богословии. Это изящное украшение и драгоценное сокровище, которым ты должен украсить и обогатить свою душу. И, наконец, это путь, по которому ты должен подниматься на высокую гору совершенства, тишины ума и внутреннего мира.

Конец II части

ЧАСТЬ III

**О духовном мученичестве или страдании,
через которое Бог очищает души,
о влиянном или сообщённом
через страдания созерцании
[без содействия или действия человеческого];
о совершенном отречении от себя
и о предании в Божию Волю;
о сердечном смирении, о Божественной Премудрости,
об истинном уничтожении и о внутреннем мире**

Оглавление

ГЛАВА I. О разнице между внешним и внутренним человеком.....	94
ГЛАВА II. Прежнего содержания.....	96
ГЛАВА III. Почему внутренний мир не исполняется ни внутренней сладостью, ни духовным утешением, но только отвержением себя самого.....	98
ГЛАВА IV. О двойственной природе духовного мученичества, через которое Бог ведёт души, с которыми хочет соединиться.....	100
ГЛАВА V. Сколь полезно и нужно для внутренней души, чтобы она терпеливо страдала это первое духовное мучение.....	103
ГЛАВА VI. О другом духовном мученичестве, или состоянии мучения, через которое Бог очищает душу, которую хочет соединить с Собой.....	106
ГЛАВА VII. Для обретения духовного мира необходимо внутреннее умерщвление и целостное предание.....	107
ГЛАВА VIII. Равного содержания.....	110
ГЛАВА IX. О том, что душа должна познать свою бедность, если хочет обрести внутренний мир.....	112
ГЛАВА X. Об истинном и ложном смирении и о различных их действиях.....	114
ГЛАВА XI. О признаках простого и истинно смиренного сердца.....	116
ГЛАВА XII. Что такое внутреннее уединение, которое наилучшим образом служит для обретения духовного мира.....	118
ГЛАВА XIII. Что является тем созерцанием, которое сообщается душе без её содействия, причём содержит она себя только в страдании; о чудесах этого действия.....	120
ГЛАВА XIV. Продолжение прежнего содержания.....	122
ГЛАВА XV. О двух средствах и путях, которыми душа возвышается к влияющему созерцанию, и о разных его степенях.....	124
ГЛАВА XVI. О признаках, по которым можно познать внутреннего человека и очищенный непорочный дух.....	126
ГЛАВА XVII. О Божественной Премудрости.....	128
ГЛАВА XVIII. Равного содержания.....	130
ГЛАВА XIX. Об истинном и совершенном уничтожении.....	132
ГЛАВА XX. О том, что Ничто есть краткий путь и изящное средство к очищению души, к совершенному созерцанию и к внутреннему миру.....	134
ГЛАВА XXI. О высочайшем благополучии внутреннего мира и о его дивных действиях.....	136
ГЛАВА XXII. Излюбленная жалоба, что лишь немного душ достигает совершенства, приятного соединения с Богом и Божественного Преобразования.....	138

ГЛАВА I

О разнице между внешним и внутренним человеком

1. Духовные люди двояки — внутренние и внешние. Одни ищут Бога извне с помощью разума, силы воображения и рассматривания; они стараются обрести добродетель частыми постами, истощением тела и умерщвлением чувств; вступают в строгое покаяние, надевают власняницы, причиняют своему телу боль жестоким наказанием, содержат себя в молчании и стараются ходить, словно в присутствии Божьем, представляя себе в своей фантазии Бога под каким-то образом: или будто Пастыря, или будто Врача, или словно Отца или Господа; охотно беседуют о Боге и стараются частыми воздыханиями и другими делами любви поднимать сердце своё к Нему, — и всё это через науку и посредством рассматривания. И они весьма ревностно желают идти и дальше по этому пути и стараются делать это при помощи всяких внешних и своевольных строгостей. Они заботятся о чувственном благоговении и усердном разогреве чувств, воображая себе при этом, что Бог присутствует только тогда, когда они это чувствуют. Это внешний путь, путь начинающих, который хоть и хорош, но всё же не приводит к совершенству; опыт свидетельствует, что его нельзя достигнуть, следуя этим путём; ибо есть много людей, которые провели в таких упражнениях по пятьдесят лет, но не имеют в себе Бога, а полны себя самих и, кроме имени, не имеют в себе ничего духовного.

2. Другие же — истинно духовные, уже вступившие на внутренний путь и продолжающие идти по нему к совершенству и божественному соединению, к которому призвал их Господь по Своему бесконечному милосердию, сведя их со внешнего пути, на котором они были прежде. Они, вернувшись в основание своих душ через истинное предание себя в руки Божьи, через совершенное обнажение и целостное забвение себя самих, всегда ходят в присутствии Господнем с чувством возвышенного духа, происходящим из чистой и отлучённой от всех образов и форм веры; и они полны высочайшей надежды, основанной на внутренней тишине и покое, которая во время этого учинённого Богом возвращения стягивает и влечёт их дух внутрь со столь великой силой, что их душа, их сердце, тело и все их силы и движения собираются и погружаются туда¹.

¹ Или: «влекущая к образу возвращения, сила духа бывает столь велика, что душа, сердце и тело или силы тела, все вместе, также возвращаются внутрь». Это влиянное [infusa] вновь-собрание отличается от приобретённого [acquisita]. Иначе говоря, одно дело — когда кто-то старается возвращаться, а другое дело, когда кто-то имеет навык ходить возвращённо. «Приобретённое» означает то, что приобретается и для приобретения чего прилагается старание. «Влиянное» означает то, что уже приобретено и приобретается, или что уже есть, откуда бы оно ни пришло; ибо не приличествует нам говорить, что мы приобрели нечто, поскольку тогда это надлежало бы приписать нашим заслугам, словно бы приобретённое нашим трудом. Такого мнения в нашем деле быть не должно, ибо хотя и должно быть всё наше старание направлено на приобретение того, что мы желаем обрести, но всего нашего старания недостаточно для достижения желаемого результата. Поэтому в названии одного употребляется *acquirere* [обрести], а другого — *infundere* [вливать, войти], ибо успешное окончание нашей работы есть не что иное, как сущий дар Божий, и никакая плоть не должна им хвалиться, ибо если Бог некоторое время видел подобающее наше старание, с коим мы тщетно трудились 1000 лет, то Он поступает как Отец, повелевший своему слабому сыну поднять что-либо тяжёлое, сам прикладывает руку, чтобы помочь, и один справляется с задачей, хоть младенец и трудится вместе с ним изо всех сил. См. §4. Там автор говорит о душах, которые поучались на законе Господнем и на повествовании о смерти и жизни Христовой и размышляли день и ночь, так что

3. Эти души, как прошедшие уже внутренние умерщвления и очищенные Богом в огне печали неисчислимым страшным страданием, которое Он им послал и приготовил будто Своею рукой, совершенно господствуют ныне над собою, поскольку отрелись и победили самих себя и потому наслаждаются великой тишиной истинного внутреннего мира. Если же эти души бывают потревожены неким искушением, возмущением и сопротивлением плоти духу, то вскоре одерживают над ними победу, поскольку уже испытаны и наделены божественной силой, так что возмутительное восстание ума не может долго продолжаться. И даже если наглость их продолжается и укрепляется насильственными вражьими внушениями, они это вынесут, ибо в основе души есть сам Бог, и Он воюет за неё и обретает победу, да ещё и с огромным и славным преимуществом, сколь бы долго ни продолжалась борьба.

4. Эти же души обрели великий свет и истинное познание Господа нашего Иисуса Христа, как по божественной, так и по человеческой Его сути. Когда же они применяют такое влияющее познание в тихом молчании и в покое внутреннего возвращения в свою верхнюю часть, со свободным от образов и внешних представлений духом и чистой от всего тварного обнажённую любовью; и когда тем самым возвышают себя выше действий чувств к любви человеческой и божественной сути Христовой¹, — то забывают они обо всём том, чем наслаждаются, и вспоминают только, как бы им всеми силами любить Бога от всего сердца и ума².

5. Эти блаженные и возвышенные души ни радуются ни о чём временном, но радость их состоит в том, что они презираемы, от всякого отрешённые, забываемы и оставлены одни. Они столь отвлечены ото всего, что, хотя всегда получают много сверхъестественных дарований благодати, не хвалятся ими, не ищут в добавок новых и не присваивают ничего лишнего, будто никогда их не получали, но всегда сохраняют великое смирение и презрение к себе в основании своего сердца и бывают погружены в бездну собственного недостойнства и уничижения. Они не становятся тише, кротче и равнодушнее, когда Бог позволяет им вкушать Своей особой премудрой благодати и дружелюбия, чем тогда, когда даёт им пить из горькой чаши креста. Нет ничего нового, которое могло бы их обрадовать, нет несчастья, которое бы их опечалило, нет искушения, которое бы их беспокоило, и нет божественного сообщения, которое сделало бы их высокоумными; но они всегда полны чистого детского страха Божия, святого мира, дивного постоянства и покоя ума.

неплохо познали Христа; эту работу весьма полезно совершать прежде, чем переходить к столь блаженному её последствию, как то, что, наконец, приступил Бог и улучшил результаты дела вхождением нового света, или даже сделал всё дело целиком, или прибавил к делу то, без чего вся эта работа была бы тщетной и словно бы мёртвой, а теперь, от вошедшего света, стала оживлена, будто тело при помощи души, и превратилась в живое познание Христа. Такое живое познание Христа автор по достоинству называет не приобретённым, но влияющим, ибо наименование даётся от большего.

¹ То есть: благоговение их повышается и от рассматривания внешних дел Христовых во плоти приводится к тому, как возлюбил Бог мир: от человеческой сути Христовой к божественной. И в деятельности теряется внешняя их действительность и то производство в действие любви, которое подвержено случайностям, и превращается в существенную любовь, которая есть любовь совершенная.

² Они нарочно выбивают из головы всякую память о небесных наслаждениях [будто это великая сладость и особые ласки приходящего к их душам Спасителя]; и всё, что есть в них и на них, свидетельствует, что они любят Господа Бога своего всем сердцем и всей душой.

ГЛАВА II

Прежнего содержания

6. Кто находится ещё на внешнем пути, тот старается постоянно упражнять себя в добродетелях и совершать их одну за другой, чтобы, наконец, обрести их все; и, напротив, старается больше и больше очистить себя от пороков всякими средствами и путями, какие почитает возможными для этого; старается одно за другим искоренить вождения, которыми расположен к чему-либо, разными противоборствующими им упражнениями. Но сколь бы великое рвение он в этом ни прилагал, всё будет напрасно, поскольку себе самим мы не можем ничего сделать, кроме несовершенства и бедности¹.

7. Напротив, на внутреннем пути и в возлюбленном возвращении утверждается добродетель, истребляются навязчивые склонности и вождения, уничтожаются немощи и пороки и искореняются беспорядочные восстания ума, ибо там действует Сам Господь; потому душа в случающихся с нею приключениях находит себя весьма свободной, без всяких зависимостей, даже если бы она не вспоминала о добрых делах, которые оказывает ей в этом Бог Своим бесконечным милосердием (Ефес. 2:10).

8. Эти же души, сколь бы ни были они совершенны и освещены Божественным Светом, живым образом признают свою бедность, свою слабость и немощи; и поскольку они видят, сколь удалены пока от совершенства, к которому стремятся, то искренне вздыхают, ненавидят, распинают себя самих и упражняют в возлюбленном страхе Божьем, в презрении к себе, сопровождаемом твёрдым упованием на Господа и крайнем недоверием собственным силам в рассуждении о себе. И чем больше они смиряют и презирают себя через самопознание, тем больше бывают угодны Богу и приходят к тому, что всегда бывают полны благоговения и почтения к Нему и в Его божественном присутствии ни во что не ставят все свои добрые дела и все страдания, которые претерпели как внутренне, так и внешне. Их постоянное упражнение — жить возвращённо в себе самих² и при Боге, в молчании и покое, ибо тогда находят они себя полными, будто в своей стихии и святой радости. И это возвращение почитают они выше долгих бесед о Боге. Они уходят во внутренний и тайный храм сердечного покоя, чтобы познать там Бога и с возлюбленным страхом и уважением воспринять Его божественное вхождение. А если порой и выходят они, то делают это лишь для того, чтобы лучше познать себя и в таком познании презирать.

9. Однако надо знать, что не все души приходят к этому блаженному состоянию; ибо не много таких, кто охотно берёт на себя презрение и позволяет Богу очищать их и обирать с них сор; и это причина того, что хотя вступающих на внутренний путь довольно много, весьма мало тех, кто продолжает идти по нему, не останавливаясь, едва начав. На внутренний путь, сказал Господь некоей душе,

¹ По латинскому тексту: «не можем сделать ничего, что не было бы заражено несовершенством и бедностью».

² По латинскому тексту: «возвращаться в себя самих и в Бога, с молчанием и покоем, поскольку там Его средоточие, жилище и увеселение». Или, по другому переводу: «внутри в своём основании является весёлым Божьим жилищем».

вступают многие, и если кто выводится на него, то это столь великая благодать, что никто не может её заслужить. Немногие достигают этого, ибо такой путь не что иное, как смерть чувств, а тех, кто хотел бы так умереть и уничтожиться, очень мало, хотя это та готовность, которой требует столь высокая благодать.

10. Да убедит тебя это, чтобы извлечь тебя из заблуждения и научиться понимать, исходя из этого, какое большое различие между кажущимся внешним и неизвестным внутренним путём, а также между внешним и внутренним человеком; и сколь велико влияющее и сверхъестественное Божье присутствие, которым наслаждаются во внутреннем возвращении и созерцании, если только душа содержит себя в страдании; сколь сильно, говорю я, такое присутствие Божье превосходит то, которое обретают в одном только рассматривании.

ГЛАВА III

Почему внутренний мир не исполняется ни внутренней сладостью, ни духовным утешением, но только отвержением себя самого

11. Служить Богу, — говорит Бернгард, — значит делать добро и страдать зло; потому обманываются те, кто мнит, что можно достичь совершенства среди множества утех и сладостей. Вся утеха, которой ты можешь просить у Бога, состоит в том, чтобы ты мог провести свою жизнь в любви к Нему и окончить в Его послушании. Господь Христос зовёт нас словами Своими и примером не на путь, исполненный веселья и приятности, когда говорит (Мк. 8:34): *Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною*. Итак, кто хочет быть подобен своему Спасителю, тот да идёт на путь страдания, и пусть там следует по стопам Его¹.

12. Коль скоро ты начал вкушать в молитве сладость Божественной Любви, то враг рода человеческого своей обычной хитростью возбудит в тебе желание уединения, в котором ты бы мог безо всякого препятствия предаться такой чувственной сладости; но открой глаза и заметь, что это побуждение и такая склонность не похожа на заповеди Господа нашего Иисуса Христа, который побуждает вовсе не к этому и говорит нам, не чтобы мы следовали похоти нашей собственной воли, но, напротив, чтобы мы отвергали её. Отвергни себя, — будто бы хочет Он сказать; кто хочет идти за Мною и достичь совершенства, тот пусть отбросит всё и даже лишит себя собственной воли, дабы посредством самоотвержения, которое есть самый большой крест, мог он подвергнуться игу послушания.

13. Есть многие посвящённые Богу души, которые получили от Него великие чувствования, видения и восхищения; а меж тем, Он никогда не сообщал им дара творить чудеса либо дара пророчества, которыми одарил Он другие души, которые, постоянно терпя уготованные им угнетение и напасть и неся истинный крест, пришли к состоянию совершенного смирения, послушания и подчинённости.

14. О, какая же высота для души — быть покорной! Какое же это сокровище — быть нищим! Какая же честь — быть презренным! Какое же возвышение — быть униженным! Какое же утешение — быть печальным и скорбным! Какое же знание, что её считают несведущей! И какое же это благополучие, если она распята и распинается с Иисусом Христом! Это тот крест, которым хвалился апостол, говоря (Гал. 6:14): *А я не желаю хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа*. Пусть другие хвалятся своим богатством, своей честью, своими увеселениями и сладострастиями; а те, кто из нас, не ведают ни о каком большем благополучии, славе, веселье и радости, кроме как о состоящих в том, что мы бываем унижаемы и отвергаемы, презираемы и распинаемы с Христом.

15. Но увы! Едва ли найдётся такая душа, которая бы презирала духовные сладости², и хотела бы Христа ради отречения от себя самой, и охотно желала бы

¹ По латинскому тексту: «желающей соединиться со Христом душе пристойно, чтобы она была подобна Ему и следовала путём страдания».

² То есть так, что она не слишком жадно к ним стремилась, а если и наслаждалась ими, то не прельщалась бы непорядочной любовью и благоугодностью.

нести Его крест. Много званых, а мало избранных, говорит Святой Дух (Мф. 20:16). Много званых к совершенству, но мало достигающих Его; ибо немногие с терпением принимают на себя крест и пребывают под ним в тиши и кротости.

16. Во всём отвергать себя, покоряться другому, постоянно умерщвлять внутреннее [непорядочное] восстание ума, уничтожать себя вовсе и всегда следовать тому, что противно нашей собственной воле, нашему аппетиту и собственному благорассуждению, — вот добродетели, которые хоть и многие изучают, но не многие исполняют. Большая часть тех, кто принял духовный путь, остаётся на нём не дольше, чем вкусит мёда первой ревности. Едва закончится эта чувственная сладость, они, приближаясь к святой горе, усматривают восставшую бурю напастей, сухости и безутешности¹ и поворачивают в другую сторону. Это ясный знак, что они искали лишь себя, но не Бога и не совершенства.

17. Дал бы Бог, чтобы эти души, которые были освещены и призваны к внутреннему миру, не пребывали постоянно в сухости, угнетении и напасти, но уклонились бы от них и не были ввержены в кромешную тьму, как тот, кто явился на свадьбу не в свадебной одежде. Ибо хотя он и простой человек, но должен вести себя прилично и не позволять самовлюблённости ослепить себя.

18. Самовлюблённость есть чудовище, которое надо победить, ибо нельзя взойти на гору мира иначе, как только через эту победу. Она подобна многоглавой гидре², которая выползает повсюду и которой поэтому нужно отсечь все головы. Она или мешается между нашими родителями и родственниками, которые своим обращением и естественной склонностью, которую мы к ним имеем, становятся сильным препятствием; или принимает обличие дружбы и благодарности, притворяется чрезмерной привязанностью и любовью к нашему духовнику. Иногда она проявляет себя в стремлении к суетной чести — как тонкой духовной, так и временной, — и, по меньшей мере, желает, чтобы ей уступали в той или другой мелочи; также она ищет духовного вкуса и сладости в благоговении и других даров благодати, истекающих исключительно из благодати Божьей, а порой имеет непомерное вожделение сохранять здоровье и под этим предлогом ищет хорошей пищи и питья и всяких выгод от жизни. Наконец, она утверждает во всём лишь на собственном благорассуждении, на собственном мнении и желании и старается, чтобы они были важны повсюду и действовали на всех со столь великой мощью и властью, какую они имеют над их собственной душой. Таковы плоды и действия самовлюблённости, которую надо отвергнуть — или же отказаться от всякой надежды достичь совершенного созерцания и наивысшего благополучия всевозлюбленного соединения и престола внутреннего мира.

¹ По латинскому тексту: «и они усматривают восстающую бурю и пр. [которые необходимы для восхождения на высокую гору совершенства]».

² Которая обитала в Греции, в озере Лерна, у которой вместо одной отрубленной головы тотчас вырастали две другие, и которую, как говорят, в конце концов, наконец, Геракл.

ГЛАВА IV

О двойственной природе духовного мученичества, через которое Бог ведёт души, с которыми хочет соединиться

19. Если Бог хочет привести душу к совершенству и освятить, чтобы этим крепче соединить её с Собою, то обычно очищает её двойным образом. Во-первых, горькой водой внутреннего угнетения, скорби, нужды и мучений, о которых мы будем беседовать в этой и последующей главе. Во-вторых, огнём горящей, нетерпеливой и истаевающей любви. А если Он хочет вести душу к высочайшему совершенству, то применяет оба эти способа. Или ввергает её в острый щёлочь внутренних и внешних печалей и горестей и варит в огне напастей; или ввергает в горнило скорбной, беспокойной и горящей от ревности любви, которая тем сильнее нападает на неё и съедает, чем больше хочет Бог освятить её и искренне соединить с Собою; потому божественное познание и соединение рождаются из страдания и являются плодами правотворной любви.

20. О, если бы можно было прямо осознавать и понимать неизречённую пользу креста и внутреннего угнетения! Оно истребляет грехи, очищает душу, порождает в ней терпение, воспаляет её в молитве, распространяет и возвышает её к высочайшему делу любви¹; делает её бодрой и весёлой, приводит её к Богу и вводит в Него; утверждает правотворных рабов и слуг Господних и делает их мудрыми, крепкими и постоянными; делает так, чтобы Бог был готов выслушивать нас, как говорит Давид (Пс. 3:5): *Когда мне печально, гласом моим взываю к Господу, и Он слышит меня со святой горы Своей.* Наконец, уничтожает, приготовляет и превращает души и делает дивным соединением их с божественной и человеческой сутью Господа Христа так, что они становятся из земных душ небесными, а из человеческих — божественными. Об этом справедливо сказал блаженный Августин, что жизнь души есть напасть здесь, на земле. О, благо той, которая всегда подвергается напастям и постоянно сопротивляется! Это средство, через которое Бог умиряет её, съедает в ничтожном погружении, умерщвляет², приготовляет и наполняет своими дарами и благодатью. Посредством этих печалей приближается Бог к её венчанию и прославлению. Итак, твёрдо веруй, что для того, чтобы душа пришла к своему совершенству, ей в процессе развития нужно терпеть напасти и бороться.

21. Если бы ты, о христианская душа, могла спокойно и постоянно пребывать в огне печалей и с тихим умом страдать, чтобы Бог мог мыть тебя в горькой воде креста и напасти, — о, сколь красива и украшена небесными дарами вышла бы ты оттуда! Бог воздвиг бы в тебе Свой престол и сотворил бы из твоего сердца Свою обитель и дом Своего всесия.

¹ Или [по латинскому тексту]: «делает так, чтобы она творила всевысочайшее дело любви».

² По итальянскому переводу: «приводит её к завершению». Ибо она должна быть приведена лишь к умерщвлению и уничтожению того, что в ней хочет быть почитаемо господствующим, и такое завершение приносит ей совершенство, в котором она должна оставаться вечно и жить в зависимости от Бога.

22. Ничто так не угодно Богу мира, как тихая душа, которую огонь горящих напастей очистил от жизни непорядочных восстаний ума, а горькая вода страдания отмыла от скверны пороков и неприличных вожделений. Иначе говоря, Господь не живёт нигде, кроме как там, где господствуют кротость и тишина, и откуда изгнана самовлюблённость.

23. Не питай надежды прийти к этому блаженному состоянию и воспользоваться драгоценным бисером внутреннего мира, едва ты при помощи благодати одержал победу над своими чувствами! Ты должен, сверх того, ещё очистить душу от непорядочных склонностей похоти [или похотения] самовлюблённости, вожделения, помыслов, даже от привязанности к духовным дарам и от многих скрытых немощей, господствующих в ней и заграждающих вход этому миролюбивому Царю, который охотно желает соединиться с тобою, перестроить тебя по Себе и сделать божественным человеком.

24. Даже самые лучшие добродетели возмущают мир души, если они не очищены; то же самое можно сказать и об имеющихся у кого-то значительных склонностях к высоким дарованиям и к духовной утехе, о прилеплении к влиянным дарованиям и о желании обретения всё новых и новых; короче говоря, всякое восстание ума, склоняющееся к духовному или телесному возвышению ума, является препятствием для этого мира.

25. Вот как много надо очистить душе, прежде чем она сможет достигнуть горы совершенства и соединения с Богом! В каком обнажении, в каком самоотвержении и самоуничтожении она должна находиться, чтобы вход к её сердцу был свободен, и Бог мог бы ей сообщить Себя!

26. Такой внутренней подготовкой должна заниматься сама вечная Премудрость, поскольку даже серафим не может очистить души, как же сможет тогда душа очистить себя сама, будучи столь слаба, столь немощна и столь несведуща!

27. Потому Господь Бог страдательным образом, огнём печалей и внутреннего страдания подготовит тебя и сделает способным к этому (даже если ты не в силах этого понять); ты же, со своей стороны, не можешь сделать ничего иного, кроме как согласовать свою волю и терпеливо, безропотно нести свой внутренний и внешний крест.

28. Внутренне ты будешь находить себя совершенно сухим и тощим [и, однако, не сможешь этого изменить, а должен лишь выстрадать¹], а потому полным тьмы и скорби, полным прекословия и постоянного сопротивления, во внутреннем отрешении и страшной безутешности, полным наглых и постоянно продолжающихся злых напастей и сильных вражьих искушений. Наконец, твоё сердце будет столь угнетено и столь полно горести, что, сколь бы ты не старался, не сможешь ни возвысить его к Богу, ни ощущать малейшее действие веры, надежды или любви.

29. Если ты, сверх того, увидишь в этом отрешении, как тебя одолевают нетерпеливость, гнев, ярость, всякое богохульство и непорядочные вожделения, то подумаешь, что ты всебеднейшая, всегрешнейшая и ужаснейшая из всех тварей, будто бы лишённая всех добродетелей, отдалённая от Бога и преданная столь великой, почти адской муке.

¹ Через невинное страдание.

30. Но хотя в такой нужде и угнетении тебе кажется, что ты горд, нетерпелив и гневен, эти напасти не получают над тобой никакого преимущества и не повредят тебе, ибо сокровенной силы и могучего дара внутренней крепости Того, Кто населяет основание твоей души и царствует в нём, вполне достаточно, чтобы победить, наконец, и наглейшие и страшнейшие мучения, и тягчайшие напасти.

31. И так пребывай постоянно, христианская душа, и пребывай постоянно; ибо всё не так, как ты себе воображаешь: ты не столь несчастна, как думаешь; ты никогда не была ближе к Богу, чем в таком отрешении. Солнце не отклоняется от своего места и не теряет своего света, хоть и бывает покрыто облаками. Бог позволяет сходить на тебя этому полному боли отрешению для того, чтобы очистить и отряхнуть твою душу, обнажить тебя и отвлечь от себя самой; чтобы ты всецело себя предала Ему, а Его бесконечная благодать — всецело отдала и подарила Себя тебе. Веселье Его — в твоём плаче, и радуется Он в основании души твоей о твоих сетованиях, жалобах и воздыханиях¹.

¹ Автор говорит о душе, подвергаемой напастям, так: если ты бываешь туманна в своём уме, то думаешь, что не столь близка к Богу, как прежде; я говорю тебе, что ты тогда гораздо ближе; однако, говоря по правде, ты тогда столь же близка, как и прежде, и туман в уме твоём не вносит сюда никакого существенного различия. Можно сравнить это с Солнцем: оно не становится дальше от Земли, когда туман покрывает Землю, чем при ясной погоде; туман совершенно не влияет на расстояние.

ГЛАВА V

Сколь полезно и нужно для внутренней души, чтобы она терпеливо страдала это первое духовное мучение

32. Чтобы душа превратилась из земной в небесную и, соединяясь с Богом, наслаждалась высочайшими благами, прежде она должна быть очищена огнём печали и напасти. И хотя это так, и понимание об этом убедительно свидетельствует, что все желающие служить Богу должны много выстрадать тягостей, креста и гонений, — однако благополучные души, которые Господь ведёт тайной тропой внутреннего пути и очищающего созерцания¹, должны больше прочих претерпеть сильные и страшные напасти, а в какой-то степени и бóльшую муку, нежели та, которой были увенчаны мученики в первой Церкви.

33. Ибо кроме того, что страдание мучеников было кратко и редко когда продолжалось больше одного дня, у них, сверх того, был небесный свет, особая божественная помощь и надежда на известное вознаграждение, которыми они были сильно укрепляемы и наставляемы во время своих мучений. Но когда безутешная душа, которая должна умертвить себя и очиститься из внутреннего основания, видит себя оставленной Богом и окружённой напастями, скукой, тьмой, сухостью, тягостями, она каждый миг вкушает горечь смерти, причём без ощущения какого-либо утешения. В таком жалком состоянии её жестокие болезни, следующие всегда одна за другой, представляются ей не иначе как постоянным мученичеством и непрестанно возобновляющейся борьбой со смертью. Потому можно честно сказать, что хотя мучеников много, лишь немногие души последуют Господу Христу в таком мучении с подобающей тишиной и кротостью.

34. Когда люди истязали тела мучеников, Бог утешал их души. Но здесь уязвляет сам Бог, и, к тому же, скрытно; да ещё приходят дьяволы, которые, как жестокие палачи, истязают различными способами и тело, и душу, так что весь человек вдруг бывает распинаем изнутри и снаружи.

35. Скорбь твоя будет казаться тебе несносной, а болезни твои — неисцелимыми, и покажется тебе, что небо для тебя закрыто; повсюду не найдёшь ничего, кроме мучения, муки и тьмы в твоих чувствах, в твоём разуме и во всех твоих силах. И когда с одной стороны будут нападать на тебя напасти, недоверие и сомнение, с другой оставит тебя твой свет, твой ум и рассудок.

36. Всё тварное будет возбуждать в тебе скуку, духовные сетования будут тебе противны, чтение благоговейных книг не даст тебе никакой утехи; если кто станет склонять тебя к терпению, то через это лишь умножит твои болезни. Страх потерять Бога за свою неблагодарность и за то, что ты неверно содействовал Его благодати или проявлял себя несоразмерно с Его благостью, будет проникать даже до нутра твоей души. Если ты будешь вздыхать к Богу и призывать Его на помощь, то вместо

¹ Созерцание бывает страдательным и влияющим, которое превосходством отличается от деятельного и приобретаемого. Приобретение созерцания есть старание о созерцании, поиск приобретаемого созерцания есть стояние в созерцании. Кто обретает страдательное, тот внезапно облагается от Бога более тяжкими страданиями и напастями, чем состоящий в деятельном, поскольку страдательное гораздо выше, чем деятельное. О том же, что страдательное называется и очищающим, примеров не приводилось ни здесь, ни выше.

желаемой помощи и утешения не получишь ничего, кроме немилости, наказания и угроз; почти как женщина Хананеянка, которую Господь Иисус сперва не удостоил ответа, а потом приравнял к собаке (Мф. 15:22-26).

37. Хотя истинно и то, что Господь тогда не оставляет тебя, поскольку без его помощи ты не устоял бы ни мгновения, — Он держится так скрытно, что твоя душа не чувствует Его и не может ни почерпнуть какой-либо надежды, ни причастной ни к какой-либо утехе; и даже считает она, что её страдания столь же неминуемы и беспомощны, как мука осуждённых в ад. Потому она охотно сменила бы его тяготы даже на насильственную смерть, воображая, что ему не будет конца, как и адским мукам.

38. Но, о благополучная душа! Если бы ты знала, как любит и защищает тебя Господь среди этого происходящего из любви мучения, ты находила бы его столь любимым и приятным, что тотчас же испустила бы дух, если бы только Бог не сотворил чудо, удержав тебя в жизни тела. Потому будь постоянна и благодушна: сколь ни страшна ты кажешься очам своим, но Бог, высочайшее добро и источник всякого добра, будет любить тебя, защищать тебя и наградит тебя такими Своими благами, что надлежало бы сказать, будто Он не помышлял ни о чём ином, кроме как чтобы возвысить тебя по высочайшим степеням любви к совершенству. И если бы ты не поворачивался к нему спиной и не бросал своего начинания, но постоянно развивался, то этим, да будет тебе известно, ты приносишь столь приятную жертву Богу, что (если бы было возможно, чтобы это Всевышнее Существо могло быть сопричастно какой-либо тяжести или беспокойству) не нашёл бы Он покоя, кроме как в возлюбленном соединении с твоею душой.

39. Его всемогущая рука создала столько удивительного из ничего и из смешанной громады стихий, — чего же не сделает Он из твоей души, которую Он превратил в Свой образ, если только ты будешь твёрд и станешь тихо, покойно и кротко стоять в познании своего ничтожества? О, благо душе, которая и тогда, когда видит себя полной беспокойства, скорбной и безутешной, заключает себя целостно в себе и не идёт искать где-то чувственной утехи!

40. Не скорби и прилежно заботься, если это жестокое мучение будет долгим; пребывай в смирении и не ходи искать внешней утехи и помощи; поскольку доброе служение этого подвига состоит в том, чтобы уметь молчать и терпеливо страдать в тишине и кротости, ибо через это обретается божественная крепость, делающая нас способными к одержанию победы, и Тот, Кто защищает нас и борется за нас, Сам имеет Свой престол в нас.

41. Когда бы ни был кто приведён в это бедственное состояние безутешности, то не запрещается душе жалоба и воздыхание, если только пребывает она в верхней своей части тихо и кротко¹. Ибо кто бы мог вынести тяжкую Божью руку без жалобы и стенания? Мог ли Иов, столь великодушный в терпении витязь, удержаться от бедственного вопля; да и Сам Господь Иисус жаловался об оставлении Своём; но все их жалобы были таковы, что они меж тем пребывали в жертвовании и предании себя в Волю Божию.

¹ Он хочет сказать вот что. Ты можешь молиться такими печальными псалмами, как Давид, но в то же время основание твоей души должно быть таким, каким оно было: тихим и спокойным, и не боящимся многих сот тысяч, и стоящим твёрдо, как гора Сион, и не заботящимся о том, тает ли тело и душа, говорит ли Господь, что Он не любит Давида.

42. Итак, не мучайся о том, что Господь Бог очищает тебя и испытывает твою верность. Но последуй женщине Хананеянке, которая, невзирая на то, что была поругана Христом, не обратила на это внимание, но ещё сильнее и пристальнее просила и не переставала смирать себя пред Ним и за Ним следовать. Ты должен испить сию чашу и не уклоняться вспять. Если бы дал Бог, чтобы чешуя отпала от глаз твоих, как у апостола Павла, то скоро увидел бы ты славную пользу страдания и печали и хвалился бы ими так же, как Он; даже считал бы ты это распятие вместе с Ним выше, нежели честь апостольского сана.

43. Благополучие христиан в этом мире состоит не в наслаждении, но в страдании, причём со спокойным и кротким умом; как объяснила Св. Тереза, явясь после своей смерти некоей душе, сказав, что все её страдания, тяготы и трудности, которые она претерпела, богато вознаграждены, но за все восхищения, откровения и утешения, которыми она наслаждалась в этом мире, она не получила ни малейшего возмездия.

44. Хотя очень сильное мучение, когда кто-то лишается всякой утехи, позволяет страданиями очищать себя в огне печалей и напастей, очень страшно, что учителя Тайного Богословия незаслуженно называли его адом. И хотя кажется невозможным, чтобы кто-нибудь мог хоть одно мгновение вытерпеть такое мучение, о котором можно сказать, что человек живёт в постоянном умирании¹ и, мучительно умирая, живёт, чтобы всегда переносить одну за другой всё новую и новую борьбу со смертью, — однако надо решиться на эти муки, если желаешь обрести высочайше приятное и пребогатое сокровище высокого созерцания и возлюбленного соединения с Богом. И никогда не было такого святого человека, который бы не имел участия в этом тяжком страдании и духовном мученичестве. У Св. Григория Великого такое было два последних месяца его жизни; у Св. Франциска Ассизского — два с половиной года, у Св. Марии Магдалины — пять, а у Св. Розы Перуанской — пятнадцать лет. А Св. Доминик, совершивший столь многие достойные удивления дела, претерпевал эту муку вплоть до последнего часа своей блаженной кончины.

¹ Или в умирании долговременной смертью.

ГЛАВА VI

О другом духовном мученичестве, или состоянии мучения, через которое Бог очищает душу, которую хочет соединить с Собой

45. Другое мученичество (которое имеет больше пользы и награждения, чем первое, и существует для тех, кто уже далеко прошёл по пути совершенства и высокого созерцания) состоит в огне Божественной Любви, которым воспламеняется душа и потому мучается и съедается любовными болезнями. Огонь этот или печалит душу отсутствием её возлюбленного, или угнетает и обременяет её хоть сладкое и приятное, но тяжёлое бремя божественного присутствия. Это приятное мученичество постоянно выжимает у неё воздыхания как тогда, когда она наслаждается своим Возлюбленным и обладает Им (ибо вкус такого обретения столь приятен и крепок, что она не может вместить его в себя), так и тогда, когда Он не открывает Себя из-за горячей скорби, с которой она старается Его искать, обрести и наслаждаться Им¹. Это и называется «воздыхать, страдать и умирать от любви».

46. О, если бы ты пришёл к тому, чтобы мог понимать все противоречащие друг другу ситуации, претерпеваемые любвеобильной душой! Столь жестокую и страшную, но, вместе с тем, и столь сладкую и приятную борьбу; столь глубокие, но и столь приятные язвы; столь тяжкий, но и столь приятный крест, что человек добровольно осуждает себя самого на то, что долго ему жить и терпеть.

47. Чем больше растёт свет и влюблённость души, тем больше умножается и болезненность, которую она чувствует, когда ей кажется, что с нею нет столь возлюбленного ею добра. Если находит она у себя своего друга, то хотя полна она радости, но не может в познании его дойти до основания и пребывать в наслаждении им непрерывно, и это причиняет ей смертельную скорбь вместе с этой великой радостью. У неё есть и пища и питьё пред устами, но она алчет и жаждет и не может насытиться. Отныне она хочет погрузиться и утонуть в море любви; крепкая рука находится рядом с нею, она могла бы избавить её, но не делает этого; и душа не знает, в который час придёт любимый друг её и возьмёт её.

48. Иногда она слышит внутри себя голос своего друга, который призывает её и беседует с ней кроткой и благосклонной лаской, происходящей из внутренности её основания, которое есть чертог его; и от этого всё тело её содрогается — и распалось бы на части от радости и страдания (от радости, что он столь близко к ней и даже внутри неё, и от страдания, что она пока ещё отделена от совершенного и нерушимого наслаждения им). Вот сколь крепко действие любви. Она будто бы опьяняет душу, делая её смелой, ужасающейся и ненасытной в любви. Потому и говорится, что любовь крепка, как смерть, ибо умерщвляет как та, так и другая.

¹ Во французском переводе здесь говорится нечто иное: «И когда она наслаждается своим Возлюбленным, то бывает от этого столь полной, столь внутренне пронизанной, столь ревностной, пылающей и беспокойной, что не ведает, что творит, умалчивая о том, что она могла бы рассказать другим».

ГЛАВА VII

Для обретения духовного мира необходимо внутреннее умерщвление и целостное предание

49. Одна из тончайших и наглейших ухваток повреждённого естества — когда оно под предлогом пользы и необходимости западает на бесчисленные вещи и входит в зависимость от них. Этой отравленной стрелой бесчисленное количество душ позволило поразить себя и сделать плотскими и бездуховными людьми, потеряв жизнь благодати. Ты никогда не вкусишь сокровенной манны (Отк. 2:17), которой никто не знает, кроме приемлющих её; разве только если ты совершенно победишь и умертвишь себя; ибо тот, кто старается, чтобы умертвить непорядочные восстания своего ума, неспособен к принятию духовных даров, без вхождения коих невозможно обратиться в себя, возвратиться внутрь и быть духовным человеком¹. Потому-то живущие вовне² [в чувствах и по побуждению их] лишены этих даров³.

50. Не позволяй беспокоить себя никакому приключению, ибо беспокойство есть дверь, в которую к тебе войдёт враг, чтобы похитить у тебя мир.

51. Праведно отвергни себя самого и целиком оставь Богу; ибо хотя это отвержение сначала и жестоко, и тяжело, но в середине легко, а в конце весьма радостно.

52. Если ты не находишь Бога во всём, то ты должен познать, что ещё очень далёк от совершенства.

53. Чистая, существенная и совершенная любовь состоит в кресте, в вольном отвержении и самопожертвовании, в совершенном смирении, в нищете духа⁴ и в презрении к себе самому.

54. Во время продолжающейся сильной напасти, отрешений и безутешности ты должен заключить себя в себе же самом, во внутреннем основании своей души, и там взирать, рассматривать единого Бога, который царствует там, как на престоле мира и покоя.

55. Если ты усмотришь некую нетерпеливость и горечь сердца, то это есть знак самовлюблённости или плотской любви, которая, однако, бессильна и умерщвлена⁵.

¹ «И получить новый дух и перемениться духом», или «и перемениться в новую мысль, дух и волю ума». Духом называется здесь верховная сила моей души, мой ум и то, чего мой ум очень сильно хочет и почитает за наилучшее и истинное; ибо что есть у моего духа (или что есть я), то только и есть у меня (или есть истинный я); как ἰδῶς [и, в частности], πνεύματι πτωχός [нищий духом] есть тот, кто уже действительно и истинно вышеупомянутой волей ума отрёкся от всего — собственного — обретения в мире и никогда ничем не желает обладать.

² Кто вовне, те и пребывает в вещах, находящихся вне их.

³ Это люди, не имеющие духа (Иуд. 19).

⁴ В нищете духа, в нищете вольной (или воспринятой духом), в свободновольном освобождении ума от всякого собственнообретения. Таулер спрашивает, можно ли обрести эту добродетель без внешнего действительного отдавания всех телесных благ, то есть без того, чтобы человек сделал себя нищим телесно? Может ли он быть нищим πνεύματι? И отвечает, что едва ли. Но он советует, чтобы отдача временных благ была проводима с самой великой рассудительностью и различием, без поспешности и в тайне, и нищим, а не богатым, но лишь таким нищим, которые приходят к этому, посланные Богом.

⁵ По латинскому тексту: «ты будешь чувствовать нетерпеливость и горечь сердца, которая исходит из основания плотской и пока что мало умерщвлённой любви к самому себе». Или, по итальянскому:

56. Истинная любовь со своими плодами познаётся по тому, когда душа глубоко унижает и смиряет себя и имеет искреннее желание всяким образом быть умерщвляемой и презираемой¹.

57. Есть много тех, кто прилежно упражнялся в молитве, но не нашёл Бога. Это происходит потому, что после окончания молитвы они больше не обращают духа к Богу и отпускают узду своей плоти, — вместо необходимого для этого благоукрощённого и тихого пребывания в постоянном ожидании Бога, с великой чистотой сердца и ума, а также с совершенным его преданием и тишиной.

58. Если душа откровенно проста и умерла в себе самой, то всякое чувственное ободрение будет для неё новой смертью. Она и не принимает иного, как только в случае собственной необходимости и наставления ближним.

59. В основании нашей души есть жилище нашего благополучия. Там открывает нам Господь чудеса Свои. Там мы погружаем и теряем себя, как в неизменном море Его бесконечной благодати, в которой мы пребываем твёрдо и неподвижно. Там находится несравненное сокровище, возлюбленный и высочайший покой. Смиренная и богокроткая душа, пришедшая к этому основанию и погрузившаяся в эту бездну, не ищет более ничего, кроме того, что угодно Богу², божественный и преисполненный любовью Дух Которого учит её всему Своим приятным и животворящим помазанием.

60. Можно назвать исполинами тех Святых, которые всю свою жизнь с великим терпением сносят телесную болезнь; Бог заботится о них. Но куда выше и больше благодать тех, кто с кротостью и терпением сносит силой Святого Духа все внутренние и внешние мучения и страдания. Такого рода святых людей на Земле не много, потому смерть этих Святых дорого почитается пред Господом. Число ходящих по этому пути весьма мало, поскольку не много находится способных совершенно отвергнуть самих себя, дабы последовать по терновым и пустым тропам креста за распятым Иисусом, в простоте и нищете духа, не глядя на себя самих.

61. Жизнь отрешения и самопожертвования превосходит все чудодействия всех Святых. Это такая жизнь, в которой человек не знает, живёт он или умирает, потерян или обретен, соизволяет или противится. Но если время до твоего прихода в это состояние тянется долго, и тебе кажется, что ты совсем не продвигаешься вперёд, не позволяй этому чувству приводить тебя в ужас и отчаяние, поскольку часто Бог в одно мгновение ока даёт душе то, в чём отказывал ей многие годы.

62. Тот, кто может и хочет страдать, как с завязанными глазами, без Божьей и тварной утехи, — прошёл уже так далеко, что способен сопротивляться бессовестной вражьей клевете даже в продолжающемся страшном состоянии внутреннего Божьего оставления и безутешности.

«если почувствуешь нетерпение и самоскучность в себе, то это происходит оттого, что твоё желание о чувственности благоговения ещё не надлежаще умерщвлено».

¹ Человек умерщвляется, если нечто случается с ним не по его мысли и воле, а он, невзирая на всё сопротивление естества, принимает это и либо страдает, либо исполняет.

² По примеру Христову, который ничего не делал, кроме того, что видел Отца творящего, — то есть то, что Он предназначил исполнять (Ефес. 2:10).

63. Духовный человек, который живёт в Боге и пред Богом (или ради Бога), доволен во всех телесных и душевных нуждах и противностях, поскольку крест и беда — это его жизнь, его веселье и наслаждение.

64. Беда есть великое сокровище, которым Бог награждает в этой жизни Своих; потому злые люди (и даже сами дьяволы) нужны для благочестивых; ибо они, муча нас, дабы погубить, вместо того, чтобы причинить нам обиду, доставляют нам величайшее добро, которое только можно помыслить.

65. Столь же маловероятно, что жизнь наша может быть угодна Богу без беды и напасти, как то, чтобы тело устояло без души, душа — без благодати, а Земля — без Солнца.

66. Ветром беды Бог отделяет на гумне нашей души плевелы от пшеницы.

67. Когда Бог держит душу распятой в её нутре, то никакая тварь не может утешить её; и более того: всякая утеха для неё — горький и несносный крест. И потому, если она грамотно наставлена в пути чистой любви так, что знает, как ей содержать себя во время великой безутешности и внутренней работы, — не будет искать она утехи в тварном или жаловаться на него, а лишь сможет утешить себя чтением духовных книг; а если бы она искала такой утехи, то это было бы то же самое, как если бы она старалась избавить свои плечи от страдания.

68. Достойны сожаления и соболезнования те души, которые не могут представить, что крест и беда — великое благо. Совершенные должны беспрестанно желать умирать и страдать и всегда упражняться в умирании и страдании. Ленив, суетен и бесполезен тот человек, который не страдает; ибо он родился для того, чтобы через труд и страдания быть выученным и усмирённым, а более всего — Возлюбленные и Избранники Божьи.

69. Отбрось заблуждения и точно знай, что душе, истинно желающей соединиться с Богом, целостно преобразится или превратится в Него, весьма необходимо потерять или отвергнуть всю свою жизнь, своё суждение и чувство, своё знание и могущество и постоянно удалялась от себя самой смертью, будь она жива или не жива (как умирающая и не умирающая, как страждущая и не страждущая, как оставляющая и не оставляющая себя): так чтобы она ни на что особенно не взирала или не направляла своего намерения.

70. Совершенство получает своё сияние не откуда-нибудь ещё, а только от огня добровольно¹ перенесённых духовных мучений, смертей, болезней, презрений и угнетений. Кто хочет, чтобы у него всегда было определённое место, на котором он мог бы присесть для покоя, и не взлетает выше разума и чувств, тот никогда не войдёт; хотя то, что он понимает об этом через чтение, даёт ему предвкушение описания этого².

¹ Или: «без собственного негодования».

² Или, по латинскому тексту: «хоть он, как обычно говорится, краем уст коснулся этого смысла, то есть почти ничего не вкусил [не отведал] от этого».

ГЛАВА VIII

Равного содержания

71. Знай, что Господь никак не откроет Себя твоей душе, кроме как если ты отвергнешь себя и умертвишь свои чувства и силы. Ты придёшь к осознанию этого не раньше, чем целостно оставишь себя Богу и решишься ходить только с Ним, так чтобы тебе было всё равно, дружелюбно Он на тебя смотрит или отвергает, в свете ты или во тьме, войну имеешь или мир. Короче говоря, если ты хочешь достигнуть совершенного покоя и истинного внутреннего мира, тебе надо умереть и не жить иначе, как только в Боге и пред Богом; и чем более ты будешь умершим подобным образом, тем яснее познаешь Бога. Но если ты не упражняешься в постоянном самоотвержении и внутреннем умерщвлении, то никогда не придёшь к этому состоянию, не сохранишь себя от перемен и разных приключений мира (то есть не освободишь себя от ига восстания ума, которое делает так, что человек судит и рассуждает, ропщет, огорчается, извиняется, защищает и старается соблюдать свою честь и важность, являющиеся врагами совершенства и мира).

72. Состояние духовных людей не одинаково, поскольку и умирают они не одинаковым образом; но облаженствованные, беспрестанно умирающие души Бог награждает своими благами и имеет в них Своё веселье и Свой рай на земле.

73. Между деланием, страданием и умиранием есть большая разница. Делание даёт радость, и это путь начинающих; жадно¹ страдать прилично растущим; а давать себе постоянно умирать свойственно только совершенным, коих обитает в мире весьма мало.

74. Сколь благополучен ты будешь, если не станешь помышлять ни о чём ином, кроме как о том, как бы тебе умереть! Тогда победишь не только своих врагов, но и себя самого; и в этой победе обретаешь чистую любовь, совершенный покой и божественную Премудрость.

75. Никто не может иметь духовное ощущение и жизнь в простом смысле божественной и влияющей Премудрости, если только прежде не умертвил себя целостным отвержением своих чувств и разума².

76. Наилучшее учение, в котором должен упражняться духовный человек — оставить всё идти своим чередом или почитать за добро и не вмешиваться ни во что, к чему не обязывает его звание. Ибо душа, всё оставляющая, чтобы обрести Бога, всё обретает в вечности³.

¹ С желанием, охотно и с весельем.

² Чувства и аппетит разумный или чувство и аппетит неразумный. То *αλογος* — неперенное прилагательное к слову «аппетит» у мистиков; противоречием такому прилаганию был бы разумный аппетит, которого нет. Потому в Законе говорится просто: не желай. Поскольку всякое без исключения неразумное, скотское желание является грехом. Ниже (§89) автор говорит о том, что наш аппетит не может стремиться к тому, что нам вредно. Этого бы не случилось, если бы в нём или на нём пребывало *Ισολογε*, управляющее им; но он управляется нечистым змеиным духом, умеющим преобразовывать *λογισ*, который мистики называют собственным рассуждением и который столь же слеп и *αλογος*, как и сам аппетит.

³ Или: «всё отыщет в том мире».

77. Есть души, которые ищут лишь покоя, и другие — которые ищут его, но не наслаждаются. Есть те, которые страдают, и те, которые жаждут страдания. Первые пребывают так, как есть, вторые идут вперёд, третьи бегут, а последние летят.

78. Чувствовать зло и погибель, которые состоят в увеселениях, и почитать их за муку есть свойство истинно умершего.

79. Внутренняя радость и мир суть плоды Духа, рождённого из Бога, и никто не может получить их, кроме того, кто отвернулся от основания сердца и отбросил самого себя.

80. Если даже хорошие люди бывают подгоняемы скукой или негодованием, на их примере можно увидеть, что вскоре это проходит. Ты же должен или стараться, чтобы тебя подобное не подгоняло совсем, или (ежели ты уже подгоняем) спешить скорее освободиться и не закосневать в этом, ибо это повреждает тебя в лучшей твоей части, возмущает твои помыслы и беспокоит твой дух.

81. Из всех духовных советов более всего пекись об этих: смотри не на немощи других, а лишь на свои собственные; пребывай в молчании и при том веди постоянную внутреннюю жизнь; умерщвляй и отвергай себя всегда и во всём¹. Посредством этого освободишь себя от многих недостатков и немощи и, напротив, обретёшь многие славные добродетели.

82. Укроти себя в этом и старайся никогда ни о ком не судить худо, ибо подозрительные мысли, которые кто имеет о ближнем, разрушают чистоту сердца, делают так, что душа выходит из своего средоточия, и так отнимают у неё покой.

83. Ты никогда не будешь состоять в совершенном отвержении и предании себя, покуда ещё глядишь на людей и жертвуешь себя идолу *Что-об-этом-скажут*. Душа, ходящая на внутреннем пути, потеряет себя и рассеет, если, имея дело с тварями и находясь в их обществе, обратится к разуму. Нет в таком случае иного совета, кроме как не слушать их совсем, но помнить, что Бог позволяет, чтобы с нами приключилась та или иная досада или поругание, дабы смирить нас, уничтожить и привести к тому, чтобы мы жили во всём кротко, ничего не считая своим.

84. Подумай о том, что Бог более почитает такую душу, которая праведно предана и кротка внутренне, нежели те, что творят чудеса, пусть они хоть воскрешают мёртвых.

85. Много таких душ, которые хоть и упражняются в молитве и размышлении, но пребывают несовершенными и полными самовлюблённости, поскольку не умертвили себя и не укротили склонностей своего естества.

86. Почитай за известное и всеобщее правило, что нельзя причинить ни досады, ни поругания такой душе, которая презирает сама себя и признаёт собственное ничтожество.

87. Наконец, надейся, страждуй, молчи и имей терпение. Не позволяй ничему ни беспокоить тебя, ни устрашать, ибо всё проходит и имеет конец; один лишь Бог постоянен, и терпение всё побеждает. Кто имеет Бога, тот имеет всё; а кто Его не имеет, тому всего не хватает.

¹ Умерщвлять себя — значит страдать или делать то, что противно склонностям нашего повреждённого естества.

ГЛАВА IX

О том, что душа должна познать свою бедность, если хочет обрести внутренний мир

88. Если бы душа никогда не впадала ни в какие прегрешения, то не могла бы познать основу своей бедности, даже если бы часто слышала разговоры о ней и читала много духовных книг. Сокровища мира нельзя обрести прежде, чем познаешь свою слабость и свою бедность; ибо никакое лечение не принесёт пользы там, где не ощущается и не признаётся никакая болезнь. Потому Бог позволяет, чтобы ты впадал то в одно, то в другое прегрешение, дабы, усмотрев свои частые падения, мог верно распознать их и твёрдо знать, что ты лишь сущее Ничто, какая [вера] и есть основание истинного мира и совершенного смирения. И чтобы ты, о человеке, кем бы ты ни был, мог лучше познать свою бедность, я хочу ясно удостоверить тебя о ней представлением некоторых прегрешений, которые ты найдёшь в себе.

89. Ты столь чувствителен и столь нежен, что если когда-либо идёшь куда-то и тебя кто-то немного задержит (или случится на дороге что-то иное, что тебе воспрепятствует), — ты от досады тотчас лезешь из кожи вон. Если кто не возвращает тебе долг или что-то ещё, что ты ему дал на сохранение, или сопротивляется и не отдаёт, то, на что, по твоему суждению, у тебя есть право, — ты сильно гневаешься на это. Если ты видишь некоторый порок у твоего ближнего, — ты (вместо необходимого сожаления об этом и воспоминания о том, что ты немощный человек) или нападаешь на него суровыми словами, или даже посмеиваешься над ним. Если ты желаешь чего-то, что тебе прибыльно или может служить твоей выгоде, и не можешь получить этого, — то предаёшься негодованию, досаде и сетованию на это. Если тебе оказывается даже малое посрамление, поругание или клевета, — то с гневом ругаешь и жалуешься; то есть, от малейшей подлости выходишь из себя и позволяешь беспокойству, негодованию и гневу овладеть всеми твоими чувствами¹.

90. Ты охотно желал бы укротить своего ветхого человека и соблюдать это или подобное ему упражнение покаяния, но так, чтобы это делалось терпением другого; и когда тобой овладеет нетерпение, ты весьма искусно складываешь вину на другого и не думаешь, что сам себе несносен. Когда же проходит жар и смущение, то будто бы надеваешь одежду добродетели, умеешь весьма тонко притворяться и приводить верные цитаты и духовное учение; пороков же своих исправлять не хочешь. И хотя за это ты свободно жалуешься на себя другим и делаешь вид, будто сильно злишься на себя, это делается скорее для того, чтобы извинить себя перед всеми за заметные недобродетели и получить благосклонность и уважение окружающих, чем из побуждений истинного смирения.

¹ Расстраиваешь себя, разрушаешь себя, раздробляешь себя; итальянск.: гневаешься, расстраиваешься, выходишь из доброго расположения и порядка ума и впадаешь в безобразия.

91. Иногда ты столь притворен, что осмеливаешься представлять, будто бы это делается не из негодования и гнева, но что ты жалуешься на своего ближнего из ревности к справедливости. А порой даже мнишь свою добродетель, своё постоянство и свою крепость столь высокими, что думаешь, будто бы хочешь ради любви Божьей даже предать свою жизнь в руки жесточайших людей; на деле же ты столь слаб, что одно только неприятное слово может обеспокоить и прогневать тебя. Все эти изрядные движения — не что иное, как хитрые ухватки и коварство самовлюблённости и скрытого высокоумия. Итак, из этих признаков познай врагов и мучителей свой души, которые заграждают к ней вход, дабы в неё не могли войти дорогой мир и великий сладкий покой.

ГЛАВА X

Об истинном и ложном смирении и о различных их действиях

92. Есть два рода смирения; один ложный и вымышленный, а другой истинный. Ложное смирение подобно ключевой или трубной воде, которая столь высоко бьёт ввысь, сколь глубоко прежде текла с высоты. Это есть удел тех, кто представляет себя смиренным, чтобы быть выше почитаемым; кто избегает высокопочитания и чести, чтобы его почитали смиренным; кто говорит о себе, что он зол и недостойн, чтобы его почитали святым; и кто, хотя и признаёт в душе, что не слишком достоин, всё же не хочет, чтобы другие знали об этом. Это ложное смирение и скрытая гордость.

93. Истинное смирение состоит в составленном внутренне и твёрдо основывающемся [укоренившемся] существе силы этой добродетели. Те, у кого она есть, никогда не помышляют об этом¹ и не судят о себе самих иначе, чем с великой скромностью. Что бы они ни делали, они делают изо всех сил и с терпением; они живут и умирают в Боге; они не уповают ни на себя самих, ни на тварей; они спокойны и постоянны во всём, всякие противности терпят с радостью и всегда желают новых и больших, чтобы таким образом следовать своему возлюбленному и презренному Иисусу. Они желают быть посмеянием и позором мира, довольны тем, что даёт им Бог, и внутренне имеют познание и ощущение своих прегрешений, и потому они облечены кротким и мирным стыдом. Они смиряют себя не по совету разума, но по склонности воли. Нет чести, которой бы они желали, нет поругания, которое бы их печалило, нет труда, который бы их беспокоил, нет счастья, которым бы они кичились, поскольку они всегда пребывают в своём Ничто и в основании своей души с совершенным, непоколебимым покоем.

94. Но чтобы не обманывали себя в том, что принадлежит природе истинного и внутреннего смирения, весьма важно заметить, что оно не состоит в обрядах или наружных делах, вроде того чтобы занять низшее место, носить плохие одежды, тихо говорить, закрывать глаза, часто вздыхать и жаловаться на свои прегрешения, дабы другие могли из этого узнать, кто сколь смиренен. Но состоит оно только в глубочайшем познании нашего низшего, малого и беднейшего состояния, в котором мы все есть пред Богом, в презрении к самим себе и в желании быть презираемыми от других; причём душа, несмотря на это, никогда не воображает себе, что она довольно смиренна, хотя бы и Ангел с небес пришёл и сказал ей об этом.

95. Свет, который Бог изливает в душу, когда хочет одарить её своими благодатнобогатými дарами, делает в ней двойную работу: открывает ей высоту и славу Божью и вместе с тем даёт ей столь живое познание собственной бедности, что никакой язык не может выразить ни всей бездны, в которую она погружена, ни горячего вожделения, с которым она желает, чтобы весь мир мог познать её ничтожество, низость и малость. Она столь далека от собственной благоугодности и от суетной чести, что все получаемые ею благодатные дары почитает не иначе как плодами и действиями одного лишь Божьего милосердия, которому угодно простираться над нею в благодати.

¹ То есть о своём смирении.

96. Ни люди, ни дьяволы не могут тебе вредить; ты должен только хранить себя от самого себя, от своей гордости, от насилия твоих страстей и восстаний ума, поскольку ты сам себе более опасный враг, чем все дьяволы ада.

97. Не желай быть высокопочитаем, поскольку Бог, сделавшись человеком, почитался за несмышлёного и бесноватого. О, сколь глупы и безумны христиане, которые думают иметь честь во славе и блаженстве Христовом, хотя и не следуют ему в Его кресте, в Его поругании, в Его терпении, смирении и других добродетелях.

98. Истинно смиренный всегда пребывает тихо и спокойно в своём сердце, где претерпевает все испытания Божьи, человеческие и дьявольские; так что ставит себя выше разума и выше своего ума и рассуждения, обретает свою душу в мире и покое и со смирением подвергаться всему тому, что Богу угодно предпринять с ним как в жизни, так и в смерти. Всё внешнее беспокоит его столь же мало, как если бы его не существовало вовсе. Крест и смерть — веселье его и наслаждение, хоть внешне он этого и не показывает. Но, увь! О чём я? И где же найти таких истинных смиренных?

99. Желай, надейся, страдай и умирай неизвестным; ибо смиренная и совершенная любовь состоит в том, что никогда не ищет известности в мире. О, сколь великий мир ты будешь ощущать в душе, если глубоко смиряешь себя и любишь презрение!

100. Недостаточно познать для себя свою бедность и то, сколь мало кто стоит; но необходимо и столь глубокое смирение, чтобы человек искренне желал, дабы об этом знал целый мир. Это означает, что человек бежит от похвалы, презирает ласки, с радостью принимает поругание и неправду, всё сотворённое (а особенно самого себя) презирает, и если с ним приключается что неприятное, не приписывает это никому, кроме руки Божьей (которая есть источник всякого добра), и принимает это охотно, как дар благодати.

101. Если хочешь научиться сносить недостатки своего ближнего, устремись на свои собственные. И если воображаешь, что своими силами развил себя в совершенстве, то знай, что ты ещё не смиренен и не совершил ещё ни шага в духовной жизни.

102. Со смирением по разным его степеням бывает, как с мёртвым погребённым телом: прежде душа вовлекает себя и заключает в себя саму, словно тело во гроб; затем она смердит и съедается червями пред своими очами; и, наконец, она превращается в прах и пепел в своём духе. Короче говоря, если ты хочешь быть благополучен, то должен учиться презирать себя и приноравливать терпеть презрение.

ГЛАВА XI

О признаках¹ простого и истинно смиренного сердца

103. Возбуждай и ободряй себя, и со всей твёрдостью решай быть смиренным, и прими всякие противности и угнетения как добро и как подлинные орудия, которыми приближается твоё спасение. Радуйся, когда тебя презирают, и желай, чтобы Бог был единственным твоим прибежищем, единственным утешением и защитником.

104. Нет ничего великого пред очами Божьими². Поэтому истинно смиренный презирает всё, даже себя самого, и уповает только на Бога.

105. Истинно смиренный страдает внутреннюю работу терпеливо и спокойно³ и тем самым за короткое время достигает большого успеха, словно корабль при попутном ветре.

106. Истинно смиренный везде находит Бога; это и бывает причиной того, что всякое презрение, поругание, досаду и клевету он принимает с великой внутренней тишиной, как дары от руки Господней и как средство, которым Он испытывает нашу верность Ему.

107. Смирение того, кому угодны ещё похвальные речи (даже если он не желает и не ищет их, а то и вовсе бежит от них), не слишком велико. Ибо смиренному сердцу похвальные речи — как горький крест, хотя оно всегда пребывает совершенно тихо и неподвижно в себе самом и в твёрдом основании ума.

108. У кого нет смертельной (пусть даже тихой и мирной) ненависти к самому себе, тот не обретёт истинного смирения; и нельзя получить истинного сокровища, кроме как через глубокое познание своего ничтожества и малости, своей повреждённости и бедности.

109. Кто извиняется и умеет всячески оправдываться (особенно перед своими начальниками), у того нет простого и смиренного сердца; ибо стремление противоречить и выкручиваться происходит от тайной гордости, которая господствует в душе и является причиной её повреждённости.

110. Если душа ещё имеет противоречия на устах, это показывает, что она непокорна; а если она непокорна, то и не смиренна; и противоречие же, и непокорство есть солома для розжига ума беспокойством, возмущением и различием.

111. Прямо смиренное сердце не беспокоивается случающимися с ним слабостями, хотя они как пронзающие мечи для души исключительно потому, что противны нашему Господу Богу; и не смущается, видя свою неспособность к произведению в действие чему-либо великого: ничтожество и бедность его всегда у него перед глазами. Особенно сильно удивляется такая душа, если смогла сделать что-то доброе и годное, поэтому тотчас благодарит Бога в искреннем признании, что Господь есть тот, кто творит всё доброе, а от неё не происходит ничего, кроме зла.

¹ Или как бы о главных положениях и главных правилах.

² По итальянскому тексту: «Ничто не является бóльшим, чем оно есть в очах Божьих, сколь бы велико оно ни было в мире».

³ Или, лучше: «напасти и испытания».

112. Истинно смиренный, хотя всё видит, ни о чём не судит, кроме как о своих прегрешениях.

113. Когда истинно смиренному человеку причиняют обиду, он всегда находит извинение тому, кто её причинил. Извиняет же он его не иначе, как следующим образом: он не ведает, что творит зло; как же мне сердиться на того, кто не имеет злых намерений? Неведающий не грешит.

114. Ложное смирение неуютно Богу так же, как гордость, а то и ещё больше; ибо помимо того, что в основе её — не что иное, как гордость, оно имеет спутником лицемерие.

115. Истинно смиренный ничему не позволит беспокоить себя, даже если с ним происходят одни лишь несчастья и неприятности; ибо он почти настроил себя на это и считает, что заслужил всё то зло, которое с ним случается. Он не мучает себя ради наглых и отяготительных помыслов, которые возбуждает в нём сатана в напастьях, в кресте, в страданиях и безутешности, ибо признаёт себя недостойным всякой утехи и помощи, да ещё и радуется муке и боли, которые Господь посылает ему через скверного раба и палача, ангела сатаны. Он ни во что не ставит всё своё страдание и считает себя неспособным к такому делу, которое он должен хоть немного уважать.

116. Хотя тот, кто имеет совершенное и внутреннее смирение, ни о чём не беспокоится, но (поскольку он испытывает к себе высочайшее омерзение, признавая своё несовершенство, неблагодарность и бедность) такое чувство — великий крест для него, и вместе с тем — великий признак его смирения. Та блаженная душа, которая пришла к этой святой ненависти к самой себе, живёт истинно в отвержении, погружённой и поглощённой в своём Ничто; откуда и извлекает её Господь, дабы сообщить Божественную Премудрость и наполнить её светом, миром, покоем и любовью.

ГЛАВА XII

Что такое внутреннее уединение, которое наилучшим образом служит для обретения духовного мира

117. Хотя внешнее уединение прекрасно способствует обретению внутреннего мира, оно не является собственно тем, о чём говорил Господь, общаясь к верующей душе устами одного из Своих пророков: что Он приведёт её в пустыню и дружески побеседует с нею (или, буквально, будет «говорить к сердцу её», Ос. 2:14). Но надо понимать эти слова о внутреннем уединении, которое ведёт к высочайшему покою. Это уединение состоит в забвении всего сотворённого, в отвлечении и обнажении ума и сердца от всех наших страстей и помыслов, от всех наших вожделений и от нашей собственной воли. Это истинное уединение, в котором душа с глубокой и возлюбленной тишиной покоится в объятиях Того, Кто есть высочайшее Добро и Источник всякого добра.

118. О, сколь великое, сколь глубокое, сколь неизмеримое отстояние и отличие беспредельного распространения в душе, которая ведётся в эту божественную пустыню, от прочих тварей! Какие внутренние, какие тайные и сокровенные, какие глубокие и долгие ответвления [или камеры] в ней можно обрести? А бывает в этих духовных пустынях и так, что Бог ходит и общается с душою и внутренне сообщает ей Себя. Там-то Он и наполняет её Собою, поскольку она пуста; одевает её светом и любовью, поскольку она нага и неодета; возвышает её, поскольку она содержит себя низко; обогащает её, поскольку она нища; и даже, наконец, соединяет Себя с нею, преобразует в Себя и превращает в Свой образ, поскольку находит её единой.

119. О приятное уединение! о единство¹, соединяющее вместе вечные блага! о зеркало, в котором беспрестанно созерцают Вечного Отца! С великой правдою называешься ты уединением или пустыней, поскольку ты уединённа и едина, так что едва найдётся хоть одна душа, которая тебя знает, которая тебя любит и ищет. О Господь! как возможно, что не все души заботятся об этой славе на земле, и что они и для одной только склонности и движения, для одного вожделения к какой-либо твари позволяют себе не доставать столь великого добра? О, сколь блаженна была бы ты, христианская душа, если бы всё бросила ради Бога, если бы желала Его Одного, искала Его Одного, к Нему Одному устремляла всё своё воздыхание и желание! Не желай ничего — и ничто тогда не будет тебя печалить и смущать; а если ты желаешь и просишь какого-нибудь добра, хотя оно и духовно, то не беспокойся, если не получаешь его.

120. Если ты предаёшь себя Богу так уединённо, свободно и отвлечённо от всех вещей, то будешь всеблагополучнейшей из всех тварей, ибо в этом святом уединении Всевышний творит Своё тайное жилище, в этой пустыне находится рай, в котором наслаждаются обращением и общением Божьим, и в этой внутренней отлучённости слышат Его сильный, дивный и божественный глас.

121. Если ты хочешь войти в это духовное небо, то забудь и отринь все заботы и помышления; отбрось самого себя — и любовь Божья будет жить и господствовать в душе.

¹ Твоё описание, [характер].

122. Живи, отлучившись, насколько возможно, сердцем от тварного; целиком и полностью посвяти и предай себя своему Творцу и принеси Ему себя в жертву в тихом и мирном духе. Чем больше обнажает себя душа от всех вещей и погружается в это внутреннее уединение¹, тем сильнее Бог будто бы одевает и облекает её спасением и правдой, и чем более уединённа и праздна (даже от себя самой) она бывает, тем больше Святой Дух наполняет её.

123. Нет блаженной жизни, кроме как уединённой; ибо в этом благословенном состоянии Бог через соединение, происходящее от сладкой и внутренней любви, даёт Себя твари, а тварь себя — Богу. О, сколь немногие люди приходят к тому, чтобы вкушать это истинное уединение!

124. Чтобы душа стала на самом деле уединённой, она должна забыть себя и всё тварное; ибо нельзя приблизиться к Богу иным путём, кроме этого. Многие, желая этого, отбрасывают все свои вещи, но не себя самих, и всегда удерживают свой вкус, свою мысль, волю и суждение. Из этого и происходит, что столь мало праведно уединённых; ибо если душа не освободит себя и не отвлечёт от своего ума и познания, от своей воли, от своей похоти и выгоды; и от ощущения, собственномыслия и вожделений даже к духовным дарам; и от предстоящего успокоения ума, самоугодности в покое, и в том не останется, — то не сможет достичь высочайшего благополучия, которое находится во внутреннем уединении.

125. Итак, спеши, о христианская душа, спеши и не закосневай, дабы прийти тебе к этому блаженному уединению. Это Бог зовёт тебя; отчего же не войдёшь ты, будто в своё средоточие, в своё внутреннее основание, — в котором Он хочет тебя обновить, применить, наполнить, одеть и показать тебе новое небесное царство, полное радости, веселья, полное мира и покоя?

¹ Обнажить себя донага — значит избавить себя от всех суетностей любви: как той, которую имели ко мне добрые друзья, как и той, которую я имел к ним и к чему бы то ни было ещё в целом мире.

ГЛАВА XIII

*Что является тем созерцанием,
которое сообщается душе без её содействия,
причём содержит она себя только в страдании¹;
о чудесах этого действия*

126. Когда употреблённым прилежанием душа образовала и уже приобрела в себе твёрдое существование внутреннего возвращения и приобретённого² созерцания (пусть и посредством благодати, о чём мы говорили раньше); когда она умерщвлена или нарочито упражняется в умерщвлении себя и желает полностью отречься от своих пристрастий; когда она сильно и с любовью приемлет как внутренние, так и внешние средства умерщвления и от всего сердца хочет умертвить восстания своего ума и собственные действия, — тогда Бог просто, без её усмотрения, увлекает и возвышает её к совершенному покою, глубоко вливает в её сердце пламя Своей любви, благодаря чему она получает божественную силу, новую жизнь, праведный вид и способность ко всем добродетелям.

127. Тогда Божественный Жених усыпляет её совсем сладким и спокойным сном, возвышая её силы. И когда она словно спит, тогда вкушает она нечто с непостижимой тишиною, но всё же не знает, в чём состоит её наслаждение. Тогда душа, возвышенная в это состояние, находится соединённой с высочайшим добром, не употребив никакого труда на это соединение. В этом высочайшем месте и освящённом храме души Высочайшее Добро и Источник всего добра открывает себя потом своей твари и даёт ей вкушать себя таким образом, который превосходит все наши чувства и помыслы. Тогда в душу приходит дух чистоты [поскольку душа уже так высоко очищена, что больше не способна к чувственному, а лишь только к сверхчувственному и духовному], принимает господство над нею и царит в ней так, что создаёт в ней те освещения, назидания и чувствования, которые нужны для чистого и совершенного соединения.

128. Когда же душа возвращается из этого сладкого и божественного объятия, то находит себя полной света, любви и глубокого высокопочитания Величества [высочества] Божьего, полной живого познания своей бедности, так же как и способной и готовой принимать, терпеть и исполнять всё, чего требует всесовершеннейшая добродетель, возможная в этой жизни³.

¹ Созерцание влияющее и страдательное.

² Стяжанного.

³ Не следует думать, что душа, о которой здесь говорится, обращая свой взор на себя, видит и находит свершившуюся перемену. О, нет! Но раз уж она, не заметив себя, введена [§126] в это состояние, то и пребывает в нём. Бог, введший её, слепую, и содержит её там, и Ему было бы не угодно, если, когда узы спадают с её очей, она обратит их на себя и захочет увидеть и узнать своё состояние. Не ради этого видения нет у неё неведения о том, что она не любодействует с миром; но не хватает ей лишь видения, что она облаженствована столь высоко (как это и есть в действительности), и потому она вечно пребывает в богоугодном смирении. Таулер говорит о такой душе: она бывает от знания, без знания, от любви, без любви. Этим он хочет сказать, что та, которая прежде чувственно и ревностно творила дела небесной любви к ближнему, не совершает теперь таковых, став нищей, не имеющей земной материи, служащей помощницей нищему ближнему, и теперь одной только волей гораздо спасительнее помогает ближнему, чем прежде — совершёнными делами. Далее: та, которая с ясным

129. Итак, простое, чистое и влиянное и совершенное созерцание есть настоящее и внутреннее откровение Божье, через которое Бог даёт душе познавать и вкушать Себя, Свою благодать, Свой мир, Свою дружественность и сладость; и то, с чем она обходится, есть нагой, неизречённый Бог — отвлечённо, в глубоком внутреннем безмолвии от всех особых помыслов увеселяющий Бог, богатый радостью¹, Который весьма приятно влечёт к Себе и возвышает нас духовным и высочайше простым образом. Это дар, который Божественное Величество сообщает, когда хочет, как и сколько Ему угодно; хотя такая жизнь есть скорее состояние креста, терпения, смирения и страдания, чем наслаждения или радости.

130. Ты не можешь пить этот божественный нектар и вино радости, если не движешься храбро в добродетели и не стараешься с великим духом и твёрдостью утверждать свою душу в мире, в молчании, в забвении всего и во внутреннем уединении. Как бы мог ты слышать кроткий и тихий глас Божий среди смятения склонности к тварному? Как бы мог ты различать и ясно понимать чистый дух среди искусственных размышлений и утончённых заключений разума? Итак, если душа не желает постоянно умертвлять себя, отвергать всё телесное и приятное чувствам и отдалять его от себя, то созерцание её будет не чем иным, как сущей суетой, ложной благоугодностью и глупой дерзостью.

различием усматривала и знала разные степени или различные состояния возрастания в христианстве, не видит или не знает себя самой и не может судить, что она теперь взошла столь высоко, как это есть в действительности. И даже это праведное неведение о собственном состоянии и праведная невозможность и бесстрастность это знать, ведать и видеть есть не последнее из свойств высокой степени, которой эта душа уже достигла при жизни плоти, подобное печати её общения с совершенными праведными на небесах.

¹ Gustuosus, вкусный.

ГЛАВА XIV

Продолжение прежнего содержания

131. Но даже этому влиянному или обретённому без содействия человека созерцанию Бог не всегда сообщает себя в равной степени, но позволяет то больше, то меньше ощущать себя, нисколько не взирая на умерщвление и отвержение души; ибо это дар одной только милости, который Бог даёт, когда и как хочет, и потому нельзя усматривать в этом ни общего правила, ни известного Его Божественному Величеству положения, по которому бы Оно поступало¹. Но употребляет Он созерцание и для того, чтобы через него развивалась душа, отвергая, уничтожая и умертвляя саму себя.

132. Иногда Бог вливает больше света в ум, иногда больше любви в волю. Итак, душа должна принимать дар Божий так, как Он ей даёт, безо всякого размышления, и пребывать соединённой с Ним, как Ему это угодно; ибо Он для неё всё, и когда упомянутым нами способом усыпляет её силы², то обладает ею особым образом, наполняет её и действует в ней так же сильно, как кротко и приятно, безо всякого её содействия этому мыслями и способностями и даже без её знания о происходящем, — так что прежде, нежели заметит оказание особой милости и любви, она уже видит себя обрётённой, удостоверенной и изменённой божественным образом.

133. Находящая себя в этом состоянии душа должна беречь себя от двух вещей. Первое — это заботливость или деятельность человеческого духа, который, вместо того чтобы умертвить себя, хочет всегда действовать и по-своему делать выводы и заключения, как любит он и собственные действия. Потому, если кто хочет прийти к совершенной и страдательной способности принимать божественное вхождение, требуется великая верность³ и совершенное открытие и обнажение самого себя; ибо постоянная привычка свободно действовать препятствует уничтожению души.

134. Второе, чего следует избегать — это зависимость⁴ от самого созерцания; следовательно, нужно снаружи и изнутри отрешиться от всего, что не является Богом, и не представлять себе никакой иной цели и пользы, кроме угодной Богу.

¹ Об этом же говорит Св. Тереза во вступлении, §28: «Бог поступает, как есть, и таков, как есть; иначе говоря, Бог действует по высочайшему суду, как высочайший над всем Судья и единоначальствующий Господь. Потому и действует Он подобающим и приличествующим себе образом».

² На некоторое время укрощает и связывает её действительность. Об этом также см. выше, вступление, §28.

³ Человеческий дух [то есть наш ум; как видно из приведённых выше слов Терезы, умственные силы души — рассуждение и разглагольствование или сорассуждения — должны в этом деле влиянного созерцания лежать, словно мёртвые] по своей природе таков, что ему трудно лежать мёртвым, он хочет всегда действовать, разглагольствовать и рассуждать, и если он может так действовать, то это его жизнь и веселье. Напротив, нужна великая твёрдость и большая ревность в умерщвлении и покорении себя самих, чтобы через страдания стать способными к божественному влиянию. Поэтому это умерщвление действующих сил души бывает тем более тяжёлым и жестоким, чем дольше и крепче была привычка свободно действовать этими неумерщвлёнными силами. Навык свободно действовать, давно обрётённый человеческим духом, делает уничтожение деятельности труднее.

⁴ Или собственное увеселение.

135. Вид и образ, которым ты должен себя подготовить к этой чистой, состоящей в одном лишь страдании без содействия души¹ и совершенной молитве², — не только целостно и полностью предать себя Богу так, чтобы ты мог быть создаваем им по Его Святой Воле и по Его указу, чтобы Он творил и делал с тобою, что Ему угодно, — но и принимать спокойно и радостно, в совершенной глубокой кротости всё, что исходит от Его руки.

136. Немного есть людей, которые через страдания бывают возвышаемы к этой истекающей от Бога в душе и без её содействия молитве; ибо немногие из них способны целостным совлечением и обнажением себя самих и умерщвлением собственных действий и сил сделать себя способными к вхождению божественных сил. Ибо только они и никто иной понимают такую молитву и знают, чем она является; так что это совершенное обнажение себя посредством благодати обретается исключительно постоянным внутренним умерщвлением, через которое человек умертвляет все свои склонности и всё своё вожеление.

137. Никогда [исследовательным образом] не обращай внимания на то, что Бог действует в твоей душе; и тем более воздерживайся от этого в состоянии созерцания, в котором душа содержит себя исключительно через страдания; ибо иначе ты бы создал препятствие божественным действиям. Воздыхай и заботься лишь о том, чтобы тебе было безразлично всё и во всём, и чтобы одно было любезно или досадно не более и не менее, чем другое, и чтобы ты всё передавал Богу и забывал. Тогда источник всего добра (хотя ты и не заметишь этого) сделает в твоей душе вид и способность к исполнению всех добродетелей, истинную любовь к кресту, к презрению и уничтожению себя и ещё крепчайшее и сильнейшее вожеление о высочайшем совершенстве и всечистейшем и всеразумном соединении³.

¹ Страдательная молитва.

² Молитва здесь обозначает созерцание.

³ О всечистейшем и высочайшем соединении, в котором γνώσις [знание] уже катарυθεισα [упразднилось] (2 Кор. 13:8), стало бесполезным и недействительным, а любовь не перестала. Такая любовь экзерцируется здесь не вожелениями, рождёнными из чувственного вкуса; нет, эти вожеления, как учит §138, — лишь средства восхождения к чистой страстной [affectivum] любви, и более всего пребывают в низшей части души, которая называется кат εἰσοχὴν τοῦ ψυχικῶν [высшей психической] и по природе ορμητικῶν, ἐπιθυμητικῶν, ορεκτικῶν καὶ ἐκλεκτικῶν [стремительная, жаждущая, аппетитная и разборчивая]; а поскольку выше неё есть α λόγον [слово], и поскольку есть зло, то они принимают свой свет α λόγῳ от ума и познания, и бывает так, что просвещение идёт пусть и хорошо, но, по их непостоянству и нетвёрдости, бесполезно. Таким образом, автор вовсе не подразумевал в этом месте страсти [affect] этих вожелений. Но он имел в виду страсть чистой и возвышенной воли, то есть высшей части или το ἡγεμονικόν [власти] души — силы, которая употребляет Бога без средства, как говорит Таулер; которая в этом состоянии не принимает помощи никакого света α τοῦ τῆς γνώσεως [знаний], поскольку сам Бог является её светом. Он здесь — мужское и действующее начало, а воля — женское и страждущее. Беспрепятственно относительно ума, воля удерживает имеющееся огненное мужское свойство, чтобы показать себя готовому к восприятию света и истины уму, воспламеняясь, как воспламеняется и сама Божья любовь.

ГЛАВА XV

О двух средствах и путях, которыми душа возвышается к влиянному созерцанию, и о разных его степенях

138. Есть два пути, которыми восходит душа к благополучию созерцания и соединяющей¹ любви: вкус и вожделения. Вначале Бог обычно наполняет душу чувственными сладострастиями, поскольку она столь слаба и столь бедна, что без крыльев предшествующего увеселения и радости не может взлететь к небесным вещам. В этой первой степени она готовится сокрушением сердца и исполнением покаяния, рассматривая страдания своего Спасителя и с высочайшим попечением подавляя и истребляя мирские похоти и злые привычки; ибо царство небесное терпит насилие и существует не для ленивых и нежных, но для тех, кто насильно рвёт его к себе.

139. Второе средство — вожделения. Чем больше вкушает кто-то небесных благ, тем более имеет к ним вожделение; ибо духовные сладости воспаляют сердце вожделением и желанием вещей небесных и наполняют его презрением к земным. Из этого вожделения растёт горящая ревность последовать Господу Иисусу, говорившему, что Он есть путь. Стоны же этого пути, которые Он нам оставил — это смирение, любовь, кротость, терпение, нищета, презрение к себе, крест, молитва, умерщвление и умирание.

140. У влиянного созерцания три степени. Первая — насыщение, когда душа столь наполняется Богом, что получает сущее омерзение и ненависть ко всему мирскому; и когда, вместе с тем, она пребывает в такой тишине и покое, что ей достаточно одной лишь Божьей любви.

141. Вторая степень — духовное опьянение, состоящее в том, что душа (из-за обилия Божественной Любви и через насыщение, которое она даёт) будто вне себя от восхищения или же возвышается в Бога над собой и над всем сущим.

142. Третья степень — это крепость и гордый покой совершенной любви, которая прогоняет всякий страх. Душа столь напоена Божественной Любовью и столь покорна повелению и воле Божьей, что с сердечной охотой пошла бы и в ад в послушание Ему. Тогда она чувствует, что известные узы божественного соединения столь тесно стянуты и столь крепко связаны, что, кажется, ей невозможно разлучиться со своим возлюбленным и потерять это бесконечное сокровище.

143. Есть ещё шесть других степеней созерцания: огонь, помазание, возвышение, просвещение, вкус и покой. В первых душа воспаляется, во вторых этот огонь наполняет её помазанием, это помазание возвышает, в этом возвышении

¹ Соединяющая [affectivi] любовь — то же самое, что немного выше названо страстным единением. Через неё понимается высочайшая и соединяющая степень в христианстве, которая описывается и объясняется и далее (§140, 141, 142). Она имеет под собой две степени, из которых первая — очистительная, когда предвкушение божественной благодати побуждает душу восставать от мёртвых дел через истинное покаяние (§138), вторая — просветительная, когда Христос просвещает эту душу лишением одного предвкушения и воспалением голода и жажды правды. Это и есть вожделения, о которых говорится в §138. Далее следует вышеупомянутая третья, высочайшая, соединительная степень — влиянное созерцание, или наичистейшая любовь, или чистострастное единение; там говорится: ешьте, возлюбленные мои (§140), пейте, други мои (§141), и будете крепки в Господе и в мощи крепости Его (§142). Другие вожделения там уже не нужны.

она созерцает, в созерцании вкушает, во вкушении покоится. Через эти степени душа отвлекается [препускается, процеживается, abgezogen], нага и чиста, а также искусна в духовном и внутреннем пути.

144. Первая степень — огонь. Душа поражается и освещается горящим божественным лучом, который затем разжигает в ней божественные вождения и, наоборот, иссушает человеческие. Вторая, то есть помазание — это приятный духовный сок, который вливается в душу, наставляя и укрепляя её, и делает её способной принимать и созерцать Божественную Истину. А иногда оно простирается так далеко, что пронзает и силы человеческой природы в том, кто созерцает; так оживляет их, так ободряет и укрепляет к терпеливому страданию посредством чувственной сладости, что она кажется ему совершенно небесной.

145. Третья — возвышение внутреннего человека над самим собой, через которое он восходит даже до неперменного светлого источника чистой любви.

146. Четвёртая степень, то есть просвещение — это влиянное ведение, через которое душа с особой сладостью и увеселением созерцает Божественную Истину и так под руководством Святого Духа переходит от одной ясности к другой, от одного света к другому и от одного познания к другому.

147. Пятая — это приятный вкус божественных сладостей¹, происходящих и проистекающих из преизобильного и многоцветного источника Святого Духа.

148. Шестая степень — это приятный покой, бывающий от победы, одержанной во внутренней битве, и от частой молитвы. Покой и тишина, столь же дивные и славные, сколь нечастые и редкие; где находится полное сокровище мира, и когда кажется, что душа будто бы объята сладким сном, с высочайшим увеселением на любвебогатом лоне покоящегося Божества.

149. Есть и многие другие степени созерцания (например, скорые восхищения² и с крепкой силой души возвышающиеся над собой движения; таяние от внутреннего и пронизывающего ощущения любви; падение в изнеможении, когда душе бывает так, будто она совершенно погибала и уничтожалась; поцелуи, объятия, радостное скакание и ликование, соединение, превращение, духовное бракосочетание и брак), — но о них не хочу сейчас говорить, дабы не возбудить разумного созерцания; и, кроме того, поскольку не только есть немало умных книг об этом, но такие материи для непознавших — то же, что восхитительные цветы для слепых или приятная музыка — для глухих³. Короче говоря, через эти степени душа восходит и возносится до престола миролюбивого и царствующего в мире Царя, который есть истинный Соломон.

¹ Вкус в этой пятой степени совсем другой, чем во второй (чувственный и, большей частью, пребывающий в низших силах души); напротив, этот вкус — духовный, вкушающийся в верхней силе души. Между обоими есть состояние просвещения, которым душа переводится от нечистой любви к чистой и от многочувственного к единственному духовному наслаждению любви. Итак, из этих шести степеней две первые принадлежат к очистительной жизни, две средние — к просветительной, две последние — к соединительной.

² Raptus.

³ Все перечисленные в этом параграфе наименования являются словами, взятыми исключительно от подобия и разных представлений об одной и той же вещи, которая не может быть описана словами, но остаётся загадкой для непознавшего, читал он это или нет.

ГЛАВА XVI

О признаках, по которым можно познать внутреннего человека и очищенный непорочный дух

150. Внутренний человек познаётся по четырём признакам. Во-первых, ум его не производит никаких других помышлений, кроме возбуждающих в нём свет веры, а воля его столь хорошо устроена, что действительно не имеет иной любви, кроме как к Богу и ради Бога. Во-вторых, едва завершает он свои внешние дела, как его помыслы обращаются к Богу. В-третьих, творя молитву, он забывает всё внешнее так, будто его никогда и не было, и будто он никогда не имел с ними никакого общения. В-четвёртых, он столь рачительно хранит себя в чувственных рассуждениях или в чувствах текущих вещей и так обходится с ними, будто вчера родился, и исполнен страха вмешиваться во многие дела, ибо они могут стать ему препятствием, и будто имеет к ним природное отвращение, кроме как если к ним обязывает любовь.

151. Если душа избавилась и освободилась от всего земного, то нетрудно ей входить во внутреннее уединение, где она не находит ничего, кроме Бога и себя в Боге, которого она любит искренней, мирной и тихой любовью. И в этом внутреннем и глубоком основании она слышит возлюбленный глас Господа, открывающий и показывающий новое царство, в котором господствуют мир и радость.

152. Внутренний мир этой духовной, от всего и вся отвлечённой и возвращённой души не разрушается внешней войной, которую она должна претерпеть. Тихое, светлое и ясное небо чистой и совершенной любви, на котором она находится, не достигнет никакая туча, и хотя иногда она видит себя покинутой, подвергаемой нападкам и безутешной, такие бури грозят ей и ударяют по ней только издали и извне.

153. Внутренняя любовь выделяет себя четырьмя особыми действиями. Первое называется просвещением, и это не что иное, как вкусное и обретаемое познание величия славы Божьей и нашего ничтожества. Второе — восхищение, или горячее вожеление, когда душа желает гореть в огне Божественной Любви, словно саламандра. Третье — приятность, которая состоит во внутреннем, сладком, миролюбивом и полном радости наслаждения Богом. Четвёртое — погружение и поглощение всех сил души в Бога, в котором душа столь сильно наполняется Им, что не может более желать и искать ничего иного, кроме этого своего высочайшего и бесконечного добра.

154. Из этого насыщения бывают два других действия: великодушие страдать ради Бога и верная надежда не потерять Его никогда и никогда не разлучаться с Ним вовеки.

155. В этом внутреннем возвращении возлюбленный наш Иисус создаёт Себе рай, в который мы можем войти и в котором, будучи здесь, на Земле, можем наслаждаться беседой с Ним. Но если ты желаешь знать, кто есть те, кого приводит Бог к этому внутреннему возвращению, отлучению и просвещённой простоте, то я отвечу, что это те, кто чист от всего внешнего и совершенно погружён в Бога, кто постоянно взирает на Него, кто не имеет никакого порока, кто живёт в Боге и от

Бога, кто сияет сильнее, чем тысяча солнц, и кто любим Сыном, как сёстры Его, Отцом — как чада Его, а Духом Святым — как невесты Его.

156. Очищенный дух, — говорил Св. Фома в одном из своих сочинений, — познают по трём признакам. Первый из них — прилежание и крепость, проявляющаяся в том, что он прогоняет духовную лень и со старанием и упованием приноравливает и готовит себя к исполнению добродетелей. Второй — решимость и бодрость, которую он проявляет, борясь с похотью, и горячая любовь к суровой, трудной, презреннонизкой и убогой жизни. Третий — особая благость и кротость ума, которая подавляет и гонит негодование, вражду, зависть и ненависть к ближнему.

157. Душа не может достигнуть внутреннего и возлюбленного соединения с Богом, пока сердце не станет очищено, склонности ума — чисты, память — праздна, ум — просвещён, воля — покорна и горяча, — поскольку Бог, который есть сама чистота, покой и свет, не может жить нигде, кроме как в высочайше чистой, внимательной и тихой душе. Такого же очищенного сердца нет ни у кого, кроме тех, кто имеет, хранит и обосновывает Божью любовь с постоянной заботой, и кто не только считает малейшей и ничтожнейшей из всех тварей самого себя, но и сердечно желают, чтобы другие считали его таким же.

ГЛАВА XVII

О Божественной Премудрости

158. Божественная Премудрость — это осмысленное и влияющее познание Божьих свойств или совершенств и вечных вещей; это скорее созерцание, нежели рассматривание, состоящее в испытании и размышлении. Знание [наука] приобретается прилежанием и не простирается дальше, чем преподавание некоторого откровения и сведений о природе. Премудрость же вливается¹ и производит познание Божественной Благодати. Наука делает известным то, что невозможно исследовать без труда и работы; а Премудрость желает не знать даже того, что познаёт, хотя и всё понимает. Учёные, стремящиеся к знанию, упражняются в познании внешних и принадлежащих к мудрости материального мира, а истинно Мудрые живут, упражняясь в Боге.

159. Просвещённый разум в Мудром есть простое и высокое вознесение ума, через которое он всё пронзает и усматривает пронизающим острым зрением, что всё находящееся под ним и касающееся соблюдения его жизни, тела и внешнего состояния меньше, чем сам ум. Он делает душу простой, просвещённой, однообразной, духовной и обращённой ввысь и отлучает её от всего сотворённого. Он двигает и возвышает сладкой властью сердца смиренных и поучающихся и наполняет их изобильным миром, весельем и сладостью; наконец, он получает все *блага и несметное богатство*, как свидетельствует книга Премудрости (7:11).

160. Большая часть людей позволяет собственным мыслям управлять собой и рассуждает только так, как им представляет всё обманчивость их фантазии и пяти чувств. Мудрый же рассуждает не иначе, как по существенной истине, которая пребывает в нём и делает так, что он понимает и пронизывает всё сотворённое, а больше — себя самого.

161. Особое свойство Мудрого — много делать и мало говорить.

162. Мудрый сияет и своими делами, и своими словами. Ибо, поскольку он господствует над всеми восстаниями своего ума, движениями и страстями, он виден во всём, что делает, как приятная и тихая вода, сквозь которую ясно сияют лучи небесной Премудрости.

163. Смысл духовно-тайных истин скрыт и неизвестен несмирённым школьным учёным, ибо он есть ведение Святых, открывающееся только тем, кто искренне любит презрение и ищет его. Те, кто такими способами стал на этом пути чистыми² мистиками и истинными смиренными, проникают в сокровеннейшие глубины Божества; и тем больше отдаляется человек от этой духовно-тайной науки, чем больше живёт чувствами и следует советам и побуждениям плоти.

164. Крайне редко Божественная Премудрость господствует в тех, у кого много самостоятельно выученного, созерцательного знания; и удивительнейшее смешение — если они соединяются вместе. Те учёные, которых милосердие Господне привело к тому, что они стали настоящими мистиками, достойны уважения и похвалы во всём.

¹ То есть сообщается от Бога без содействия человеческого труда.

² То есть искусными в Тайном Богословии.

165. Хотя внешние дела Тайных Богословов и Мудрых, чья жизнь и поведение проходят скорее страдательно, нежели действенно, есть весьма горькая смерть для них, они разумно управляют с такими делами и ведут их по числу, весу и мере.

166. Несмотря на то, что проповеди учёных людей, не имеющих Духа Святого, составлены из всяких приятных историй, удивительных описаний и отборных изречений, их нельзя назвать Словом Божиим, но лишь словом человеческим, а то и позолоченным ядом. Такие проповедники — вредители христиан, ибо питают их лишь ветром и суетой, так что и те, и другие становятся праздными или пребывающими без Бога в себе.

167. Есть учителя, которые питают своих учеников и слушателей вредным ветром всяческих тонкостей, которые дают им камни вместо хлеба, листья — вместо плодов, а вместо здоровой пищи — невкусную землю, смешанную с отравленным мёдом. Они гонятся лишь за честью и почтением и всегда опираются на свой идол славы и подобия, а не ищут, как должно, чести Божьей и духовной пользы ближнего.

168. Те, кто ревностно проповедует и наставляет своих слушателей открытием обмана, проповедуют Бога, а говорящие без собственного движения проповедуют лишь себя самих. Те, кто проповедует Слово Божье и побуждаемы Духом Его, способны запечатлеть это в сердцах; другие же несут лишь в уши.

169. Совершенство не в учении, а в делании. Потому свят и мудр не тот, кто знает много истин, но лишь тот, кто применяет их на деле.

170. Есть известное правило, что Божественная Премудрость рождает и производит смирение, а приобретённое трудом знание — гордость.

171. Святость не в образовании высоких и тонких мысленных понятий и вымыслов о знании и свойствах Бога и Его непостижимого для нас естества, но в Его любви и в отвержении собственной воли. И потому чаще она находится у простых и смиренных, нежели у учёных. Сколь много старых женщин, весьма убогих знаниями, но весьма богатых Божьей любовью! И, напротив, сколь много теологов, полных своей ложной премудрости, имеет меж тем великий недостаток в истинном свете и любви!

172. Пойми: если ты хочешь хорошо говорить, ты должен поступать как ученик, а не как учитель, и куда охотнее желать быть почитаемым за несведущего и неискusstного, чем за мудрого и просвещённого.

173. И хотя созерцающие среди учёных¹ усматривают некие лучи небесного света, ясность эта происходит не из основания и средоточия высочайшей Премудрости, которая пуще смерти ненавидит наделённые смыслом образы и формы; а потому и малое присутствие науки — сильное препятствие для вечной, глубокой, чистой, простой и истинной Премудрости.

¹ То есть те, кто обрёл своё познание и знание испытанием и размышлением своего разума и старается умножать его тем же способом.

ГЛАВА XVIII

Равного содержания

174. Есть два пути, ведущих к познанию Бога, один далёкий, а другой близкий. Первый называется Рассматриванием и состоит в прилежном испытании и размышлении; а второй — созерцание. Учёные, старающиеся прийти к Богу, следуют первому, побуждая себя любить Его чувственной приятностью своих учёных заключений разума; но ни один из ходящих по этому пути (который именуется школьным путём) не выйдёт по нему на духовно-тайный путь, не достигнет изящности соединения, превращения, простоты, света, мира, кроткой тишины и любви, которую ощущают те, кто благодатью ведётся на внутренний путь созерцания.

175. Эти школьные учёные не знают ни о том, что есть дух, ни о том, что значит потерять себя в Боге, и в основании души, где Бог имеет Свой престол, никогда не вкушали они этого сладкого и приятнейшего небесного хлеба, который Он даёт ей во всём изобилии. Среди них много даже таких, кто осуждает и отвергает это тайное знание, ибо ничего в нём не смыслят и не понимают.

176. Если теолог не вкушает радости созерцания, то это происходит из-за того, что он не входит в ту дверь, которую показал апостол Павел, говоря (1 Кор. 3:18): *Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым.* Иначе говоря — поскольку он не смиряет и не почитает себя за несведущего.

177. Всеобщее и потому важнейшее правило духовно-тайного Богословия гласит, что нужно сперва стремиться к практике или её исполнению, и лишь затем приступать к теории или к познанию, и что нужно сначала самому понять и почувствовать её плоды и действия через исполнение сверхъестественного¹ созерцания, а уж потом говорить о ней с пониманием и знанием.

178. Хотя духовно-тайная Премудрость даётся обычно смиренным и простым, учёные тоже бывают способны к ней, если не ищут себя самих, не высокопочитают свою искусную науку, но почитают её так мало, будто её и не существует, и не употребляют её где попало, то есть для проповедования и споров, а в остальном благоговейны и внимательны в простом созерцании Бога, причём не используют для этого никакой составленный в уме образ, вид и рассматривание.

179. Учение наукам, не имеющее в своём составе чести Божьей — ближайший путь к аду: не из-за самого учения, но из-за гордости, которая побуждает к нему людей и через него же простирается и умножается дальше. Очень жаль, что большинство учёных этого мира учится не для чего иного, как только для удовлетворения любопытства ветхого человека.

180. Многие из них ищут Бога, но не обретают Его. Поскольку они ищут его больше из любопытства или желания знать, что в Нём обрести можно, чем с искренним, чистым и простым суждением, и более имеют желания и любви к духовным утешениям и увеселениям, нежели к самому Богу. Но так как они ищут неправедным способом, то и не находят Бога, ни какой-либо духовно утехи ни вкуса.

¹ Или *сверхчувственного*; поскольку естеством у мистиков называется плоть и кровь с чувствами и силами души.

181. Кто прилагает не все силы к отречению от себя, тот не в полной мере отвлечён умом от всех вещей и потому неспособен к принятию истин и просвещений Святого Духа. Чтобы достичь лежащей в сокровенности Премудрости, нужно не вмешиваться во внешние дела без великого предрассмотрения и осмотрительности, и не более, чем позволяет нам наше звание, и то только с опаской и осторожностью. Мало кто хочет скорее слушать, чем говорить; но мудрый и истинный мистик никогда не говорит, разве что если без этого не обойтись, и ни во что не вмешивается, разве что если его обязывают к этому состоянию и звание.

182. Дух Божественной Премудрости наполняет сладкой и приятной сущностью, управляет с силой и просвещает без обольщения тех, кто покоряется Его руководству и спрашивает у Него совета. Где господствует этот Дух, там имеет преимущество простота и святая свобода (2 Кор. 3:17). Хитрость же, притворство, искусные выходы, политические козни, мирские намерения есть адом для мудрых, простых и искренних людей.

183. Тебе надо отречься и отвергнуться от четырёх вещей и умертвить в них себя, чтобы прийти к пятой, которая есть цель духовно-тайной науки¹: а) Услаждение некими людьми; б) Услаждение некими временными вещами; в) Услаждение полученными небесными дарами благодати; г) Услаждение неким образом самого себя; Услаждение чем-либо иным, кроме самого Бога. Это последняя и совершеннейшая часть отвлечения и отлучения, и только та душа, которая умеет так отвергаться и терять себя, может снова безопасно обрести себя.

184. Желанием сердца можно оказать большую службу Богу, чем когда оно воспалено вожделением к внешним и проходящим наукам. Одно из средств — очищать сердце от всего того, что содержит его пленным в нечистоте; а другое — напротив, творить тысячу тысяч святых и добрых дел, не смотря и не замечая при этом такой чистоты сердца — есть значительнейшее средство к нахождению Божественной Премудрости.

185. Ты не сможешь сыскать высочайшей Премудрости, если не удерживаешь крепости и смелости, когда Бог очищает тебя от всякой беспорядочной любви и происходящей от неё привязанности не только к временным и естественным благам, но и к духовным, сверхъестественным и высоким дарованиям — будь то внутренние сообщения от Бога, движения, возвышающие душу сладкой силой, восхищения или иные свободно дарованные дары благодати, к которым тянется душа, крепко держась и цепляясь за них, что является проявлением слабости.

186. Многие души не приходят ни к спокойному созерцанию, ни к Божественной Премудрости и истинной науке, даже если проводят в молитвах много времени и всякий день причащаются Святой Вечери, ибо они не предаются просвещённому водителю со всецелой покорностью, не отвергают самих себя, не побеждают себя во всём, не предаются Богу целиком, с совершенным упразднением себя и разрешением от всех привязанностей. Наконец, человек никогда не достигнет обновления, преобразования или духовного превращения, совершенного созерцания, Божественной Премудрости и возлюбленного соединения с Богом, пока душа не очищена в огне внутренней муки и угнетения.

¹ Эта наука без знания: у кого она есть, тот ничего не знает, но знает всё.

ГЛАВА XIX

Об истинном и совершенном уничтожении

187. Уничтожение включает в себя две основные части. Первое — это презрение к себе и ко всему на свете, через которое мы отвлекаемся от себя и от всего тварного как святым намерением, так и в деле, и самим делом.

188. Другое основание — высокопочитание Бога, которое побуждает нас любить Его, поклоняться Ему и следовать Ему, забывая о собственной пользе. Из этих двух оснований происходит полная равнообразность с Божьей Волей; и эта сильная равнообразность ведёт душу к уничтожению себя и к преобразованию с Богом¹ без посредства сильного напряжения душевных сил, внешних восхищений и других сильных движений, которые являются путём, подверженным многим обольщениям и обманам, великим оскорблениям духа и разным опасным слабостям тела, по которому редко достигают верха совершенства. Есть и другой путь его обретения, безопаснее и прямее, хотя и весь поросший терниями; это царский путь уничтожения, который, невзирая на тернии, исполнен света и полон божественных даров благодати — таких как дар познания, пророчества, творения божественных дел. Однако в полной мере смиренная душа должна усмирить и упразднить себя от всего этого, если не хочет, чтобы принятые ею дары мешали ей в движении к соединению.

189. Душа, по-настоящему заботящаяся о своём успехе, должна стремиться от постоянного познания своей низости к исполнению уничтожения, которое состоит в омерзении и отвращении от похвалы и чести; ибо не достойно и не умно, чтобы ничтожество принимало участие в некоем возвышении или достоинстве.

190. Душе, прямо чувствующей, сколь она мала и презренна, кажется невозможным, чтобы она заслуживала или была достойна чего-либо, и она признаёт себя недостойной считать похвалу добродетельной. Она с непревратным умом восхищается и принимает всякий случай, где ей встречаются презрение, поругание и гонение, поругание и срам; и поскольку она считает себя достойной такого поругания и высмеивания, то благодарит Бога, если случается, что с ней поступают так, как она заслуживает. Она считает себя недостойной даже того, чтобы к ней снизошло правосудие Бога в милости и милосердии; и, напротив, ничто не приносит ей столь великой радости, как если её презирают и наносят ей поругание и посрамление, чтобы через это почитался и прославлялся один только Бог.

191. Такая душа всегда выбирает самое низшее, малейшее и презреннейшее — как в отношении места, так и в отношении одежды и всего прочего, не стараясь при этом собственной волей о некоей особенности (как если бы она хотела, чтобы её принимали за нечто особенное), считая, что и самое малое выше её заслуг и что она не достойна его. Такими упражнениями она постепенно и достигает праведного уничтожения самой себя.

¹ То есть, душа словно бы одевается Богом, причащается Его природы, пронизывается Им и превращается в Него, получая так новый образ или вид.

192. Пекущаяся о совершенстве душа начинает с борьбы и угнетения восстаний своего ума; и если она далеко продвинулась в этом упражнении, то отвергает сама себя; после чего, наконец, приходит к состоянию «Ничто», где получает великое презрение и даже омерзение и отвращение от себя и глубоко себя унижает, ибо признаёт, то что она — ничто, ничего не может и ни к чему не годится. Это же бывает причиной того, что она всякий час и разными способами умертвляет свои чувства и силы; и эта духовная смерть — источник праведного и совершенного уничтожения, которое есть последнее приготовление души к её преобразованию и воссоединению с Богом и в которое она входит, не замечая этого; ибо если бы она, дойдя досюда, заметила и усмотрела это, это бы значило, что она ещё и не была в состоянии уничтожения. И даже если она смогла прийти в это блаженное состояние, ей надо подлинно верить, что впереди ещё больше препятствий, очищений и уничтожений.

193. Если уничтожение совершенно, оно должно простираться на ум, на волю, на страсти и склонности ума, на вожделения и помышления, — короче говоря, на всю сущность души, так чтобы в ней умерли её хотения и желания, её стремления и старания, её начинания и понятия; и потом она хотела бы, как не хотела, разумела бы, как не разумела, помышляла бы, как не помышляла: не так, чтобы вовсе не склоняться ни к какой вещи, ни даже к самому уничтожению, но чтобы равнодушно принимать презрение и честь, благодеяния и наказания. О блаженная душа, которая находит себя умершей и уничтоженной таким способом, которая живёт уже не для себя, поскольку в ней живёт Бог, и о которой можно сказать правдивее, чем о Фениксе, что она будто восстаёт из своего пепла и рождается вновь, ибо она целостно и качественно изменилась, духовно создала себя, преобразовалась и преобожилась.

ГЛАВА XX

О том, что Ничто есть краткий путь и изящное средство к очищению души, к совершенному созерцанию и к внутреннему миру

194. Итак, Ничто¹ есть путь, ведущий к высокому состоянию обновлённого ума, а через это — прямо к высочайшему Добру, к нашему первому Источнику и к неперемennomу Миру. Смотри, чтобы ты всегда оставался погребён в своей бедности², ибо Господь через это совершает чудеса в твоей душе. Одень себя этим Ничто и этой бедностью, да будет она твоей постоянной пищей и обителью; погрузи всего себя в Ничто, и будет Бог твоим Всём.

195. Хочешь ли ты знать, чем многие души сильно задерживают реку Божественной Благодати? Тем, что они слишком хотят что-нибудь делать и желают быть великими; этим выходят они из внутреннего смирения, из своего Ничто: они препятствуют чудесам, которые хотела творить в них бесконечная Божья благодать. Они покидают основание и средоточие своей ничтожности и таким способом нападают на духовные дарования, а потому везде встречают неправду. Они не обретают Бога потому, что не истинно ищут Его. Ибо ты должен знать наверняка, что Он не обретается иначе, как только нашим презрением к себе и познанием собственного ничтожества.

196. В поисках себя мы часто теряем Ничто; и это препятствует нам в достижении мира и совершенного созерцания. Возврати себя в истину своего ничтожества, тогда ничто не побеспокоит тебя — что бы то ни было. Особенно если смиренно покроешься срамом и станешь свободен от искания собственного высокопочитания и уважения.

197. О, сколь крепкой твердыней будет то, что ты ни во что себя не ставишь! Кто дерзнёт нападать на столь хорошо защищённое место? И кто сможет нанести поругание, поношение такой душе, которая себя презирает и почитает ни за что? Воистину, нет; душа, которая содержит себя в своём Ничто, сохраняет внутреннее молчание, кротость и предание в Божью Волю, в каком бы страдании, терзании или мучении ни находилась; и всегда считает, что она заслужила и большего. Она следит, чтобы не иметь никакого подозрения на своего ближнего, и потому смотрит не на его прегрешения, а только на свои собственные. И таким образом она освобождается от бесчисленных недостатков и несовершенств и, напротив, укрепляется в великих добродетелях; она благодарит за них Господа, который, видя её тихой и спокойной в её Ничто, обогащает её и делает совершенной, не встречая в ней никаких препятствий для запечатления в ней Своего божественного образа.

198. Путём Ничто приходят к тому, что теряют себя в Боге, и благодаря этому восходят на высочайшую степень совершенства; а кто умеет так губить себя, тот приобретает себя, и даже обретает в полной мере. Ничто — богатый источник, из которого проистекают и исходят простота, внутреннее и влияющее возвращение, покой и благословенная игра благодати, очищающая сердце от всяких прегрешений и недобродетелей. О, сколь богатые сокровища скрыты в этом мрачном глубоком

¹ Или, точнее, признание ничтожества.

² Познание бедности.

жилище Ничто! Укореняясь в нём, душа не вмешивается в чужие дела [настоящие каменные скалы, от которых многие другие претерпели кораблекрушение!], но упражняется только в тех, которые принадлежат ей и к которым обязывает её звание.

199. Ничто — столь глубокая бездна, что никакие противодействующие приключения не могут попасть туда; а тех, кто заключил себя в нём, ничто уже не сможет ни отягощать, ни огорчать. Это средство, которым мы можем овладеть сами собой, ибо в Ничто находится истинное единство и совершенное господство; и крепкий, неодолимый щит против наглейших напастей и насильственных внушений врага нашего блаженства.

200. Если ты уверенно познаёшь, что ты ничто и ничего не можешь, то будешь со спокойным сердцем принимать духовную сухость [когда ты не чувствуешь в своей душе ни силы, ни сока Божественной Благодати], будешь терпеть страшное лишение всякой утехи и чувственной поддержки, бодрственно страдать духовное мучение и внутреннюю муку и умирать во всякое время и всеми способами.

201. Если душа уснула в Ничто, кто сможет её пробудить от этого тихого и сладкого сна? В котором, между прочим, незаметно для себя погряз даже Давид и впал в совершенное уничтожение самого себя. Я уничтожился и не знал об этом. Если ты пребываешь в Ничто, то закроешь дверь от всего того, что не является Богом, возвратишься в самого себя и будешь ходить в этой внутренней пустыне и уединении, где Божественный Жених говорит своей невесте в сердце и учит её божественной и высокой Премудрости. Погрузи себя в это Ничто — и обретёшь в нём доброе пристанище и безопасное убежище от всех бурных ветров и непогод.

202. Это путь, приводящий нас к блаженной невинности, которую потеряли наши прародители. Это дверь, которая ведёт в благополучную обетованную землю живых, где обретают высочайшее благо, пространный округ любви, красоту правды, прямой путь справедливости и равномерности и всякое совершенство. Наконец, ни о чём не заботиться, ни о чём не помышлять, ничего не желать, ничего не хотеть и отстраниться от своих дел, — в этом и состоит жизнь в мире и душевной радости.

203. Это путь к достижению душевной чистоты, совершенного созерцания и внутреннего мира. Так ходи же по этой безопасной тропе и старайся погрузить себя в Ничто, низвергнуть себя в него, как в бездну, и там потерять себя, если хочешь, уничтожив себя в себе самом, соединиться с Богом и в Нём прославиться.

ГЛАВА XXI

О высочайшем благополучии внутреннего мира и о его дивных действиях

204. Если же душа уничтожена и потому находит себя в совершенной наготе, то в своей верхней части она чувствует глубокий мир и приятный покой, ведущий её к совершенному соединению любви¹, так что от этого она всецело наполнится радостью и весельем. В этом блаженном состоянии она не хочет и не желает ничего, кроме того, что хочет её Возлюбленный, и с таким сердцем и умом принимает она и все неприятности, труд, работу и скорбь, и случайное утешение, веселье и ободрение, и радуется, что во всём, что бы с ней ни случилось, она может соединить себя с Божеским благоугождением.

205. Нет ничего, что бы не утешало её, и нет ничего, что бы не причиняло ей страдания и беду. Умирание для неё радость, а жизнь — веселье. Она столь же довольна на земле, как и на небе, столь же весела в бедности, как в богатстве и обретении, в недуге — как в здравии, — ибо знает, что все эти приключения приходят по воле Господа, и эта воля — её жизнь, её слава, её рай, её мир, её покой, её утеха и её высочайшее блаженство.

206. Если бы душе, пришедшей по степеням уничтожения к миру, был бы дан выбор, то гораздо охотнее она выбрала бы безутешность, чем утеху, презрение, чем честь; ибо возлюбленный её Господь Иисус выше почитал страдание и поругание. Раньше желала она небесных благ, имела жажду к Богу, пребывала в страхе лишиться Его, сердце её порывалось в воздыханиях и жалобах и страдало в жестокой борьбе против дьявола; теперь же голод и жажда её превратились в пресыщение, страх — в безопасность, печаль — в радость, жалобы — в веселье, а борьба её — в вечный мир. О блаженная душа, которая уже на земле наслаждается столь великим благополучием! И хотя таких душ весьма немного, знай же, что они являются столпами Церкви и щитом, умаляющим гнев Божий.

207. Душа, взошедшая таким образом в небо мира, находит себя полной Бога и сверхъестественных даров; ибо имеет в основании чистую любовь и равнодушно принимает свет и тьму, ночь и день, печаль и радость. Этим святым и небесным равнодушием она хранит мир в несчастьи и тихий покой в бедах, в которых часто исполняется неизречённой радостью.

208. Хотя князь тьмы возбуждает против неё всю адскую силу и нападает на неё страшными искушениями, она всегда тверда, как непоколебимый столб.

209. Когда во время сильной облачности кто-то находится на вершине высокой горы, то видит землю, покрытую густыми облаками, блистание молний, град и громовые лучи, пронзающие друг друга, но меж тем эта высота такова, что тучи не доходят до неё, и там светло и можно наслаждаться великой тишиной и ясностью.

¹ Совершенное соединение любви — то же, что названо выше несколько раз чистейшим и страстным соединением, в котором действует одна лишь любовь без всякого действия ума.

210. В таком же состоянии находится и эта благополучная душа, ибо когда нижняя её часть бывает обуреваема и притесняема бедами, борьбой, тьмой, безутешностью, мучением и мукой, в то же время верхняя, которую озаряет, освещает и согревает Праведное Солнце, подобно высокой горе, полностью залита светом, тиха, светла и спокойна и является обителью мира и радости.

211. И потому покой этой чистой души, удовольствие её духа, мир и кроткая ясная тишина внутреннего мира столь велики, что из неё проистекает некий отблеск Божественного Света.

212. Этот престол мира есть престол всех совершенств и духовных красот. Там Божественный Свет ясно полагает пред очами тайны веры. Там находится глубокое смирение и совершенное уничтожение, целостное предание и кротость, целомудрие и нищета духа, простота, голубиная невинность, внешнее смиренномудрие, молчаливость и внутреннее уединение, свобода и чистота сердца, забвение всего на свете и самого себя, небесное равнодушие, всегдашняя молитва, совершенная нагота, отлучённость, высокое созерцание, внутренний мир, непрменная тишина, — одним словом, Божественная Премудрость и все Её блага и богатства (Прем. 7:11).

213. Таково скрытое сокровище, потерянная драхма в Евангелии (Лк. 15:8-10), блаженная и праведная жизнь и благополучие на Земле. О красота! о слава, неизвестная человеческим чадам! о изящная и сверхъестественная жизнь! Сколь дивна ты и сколь неизречённа! — ибо ты есть небесное и безопасное убежище блаженства¹. О божественное селение души, не полагающееся уже на преходящие благие земли! Однако эта блаженнейшая душа не убога, но богата небесными и духовными благами. Убога же она добровольно во всём том, что не принадлежит Духу и Богу. Ты кажешься низка, а на самом деле вознесена выше всех. Ты подобна смерти, однако делаешь существование божественной жизнью. О Господь! О Высочайшее Благо, дай мне благую часть этого праведного мира и этого небесного благополучия, которое плотский мир не может ни познать, ни принять.

¹ По латинскому тексту: «образ блаженства».

ГЛАВА XXII

Излюбленная жалоба, что лишь немного душ достигает совершенства, приятного соединения с Богом и Божественного Преобразования

214. О Божественное Величество, пред которым трепещут и трясутся небесные столпы! О, больше, чем бесконечная благодать, любовь, которой горят серафимы! Позволь мне, Господи! Да пожалуюсь я на нашу слепоту и неблагодарность. Все мы столь бедственно заблудились, что отворачаемся от Тебя, Который есть наш Бог, и, наоборот, гоняемся за обольщающим миром; что покинули живые источники воды и ищем вместо них гнилой, мутной и смердящей воды.

215. О дети человеческие, сколько же мы будем следовать за дымом и суетою и покидать Бога — высочайшее наше благо? Кто говорит нам истиннее? Кто любит нас искреннее? Кто прикрывает и защищает нас сильнее? Кто вернее, чтобы быть нашим другом? нежнее и любезнее, чтобы быть нашим женихом? святее и милостивее, чтобы быть нашим Отцом? Как же страшна наша слепота, раз мы не следуем этой высочайшей и бесконечной благодати!

216. О Господь, как мало душ, служащих Тебе совершенно! Как мало тех, кто желает страдать, следуя распятому Христу, взвалить на себя крест, отречься от своей воли и презирать самих себя! Как мало душ, отрекшихся от всего, умертвивших то, что им принадлежит, и живущих ради Бога и только для того, чтобы быть преданными во всём и равнообразными Его Божественной Благодати! Тех душ, которые украшены простым повиновением, глубоким познанием самих себя и истинным смирением! Тех душ, что с целостным равнодушием оставляют себя Богу во всём, чтобы творил Он с ними всё, что ему благоугодно! Как мало таких чистых душ и таких простых сердец, которые отбросили свой ум, своё знание, свои вожеления и свою волю и которые не мечтают ни о чём ином и не стремятся ни к чему иному, кроме как к отвержению самих себя и к духовной смерти! Тех душ, что позволяют своему Творцу беспрепятственно действовать в них, что страдают от того, что не страдают, что умирают от того, что не умирают!¹ Тех душ, что охотно желают забыть себя и сделать своё сердце нагим и праздным от собственных страстей, от собственных склонностей и похотей, от собственной самовлюблённости и от собственного суждения и благомыслия. Тех душ, что позволяют вести себя путём самоотвержения и внутренней тропой уничтожения и желают умертвить все свои чувства вместе со всеми своими силами! Тех душ, что позволяют освобождать, очищать и обнажать себя, чтобы Бог одел их, наполнил и сделал совершенными! Так же мало, наконец, Господи, и тех слепых, немых, глухих и совершенно созерцающих душ!

217. О, какой позор детям Адамовым, что они ради суеты, ради ничтожных, малых вещей презирают истинное благополучие и сопротивляются высочайшему Добру, бесконечной Благодати, желающей преисполнить их Своими сокровищами! Достоинно и справедливо небо воздыхает об этом и жалуется на то, что так мало душ, желающих следовать Царским Путём, который к нему ведёт.

¹ Тех, что чувствуют страдание от того, что нет предмета страдания, и как будто чувствуют смерть от того, что не могут умертвлять себя постоянно.

*Пути Сиона сетуют, потому что нет идущих на праздник;
все ворота его опустели; священники его вздыхают,
девицы его печальны, горько и ему самому.*

Плач Иереями, 1:4.

Конец III части

ПРИЛОЖЕНИЕ

Письмо автора

*О его внутреннем состоянии, писанное в 1676 году
к епископу Иескому, Петру Матфею Петруцци,
как оно находится в его сочинениях (ч. II, кн. I, письмо I)
на итальянском языке*

Достопочтенный Отец!

Во мне, надеюсь, есть божественное побуждение не утаивать от Вас ничего о моём внутреннем состоянии. Не стоит постоянно повторять, сколь я беден и нищ, и из сколь страшной бездны скверных грехов извлекло меня Божье милосердие; ибо Вам известно это, и потому Вам нетрудно судить справедливо, что если бы и сверкала во мне искра добродетели, то происходило это от той несозданной Любви, Которая не хочет смерти грешника, а хочет только, чтобы он обратился и жил. Кроме того, Вам известно и то, какие великие и сильные события, в которые привело меня по судьбе моё звание, стремятся беспокоить меня; причём та же милостивая рука Божья ради открытия большей своей чести всегда содержит меня в великом покое ума. Теперь же хочу я показать средства, которые употребил Господь, и свет, который Он даровал мне, дабы я мог достигнуть той тишины сердца, которую должен приписывать лишь Его Божественной руке.

Одно из главных правил, служащих соблюдению моей души во внутреннем мире, таково: я не должен иметь склонности к тому или иному добру, но только к тому Добру, которое есть высочайшее Добро; и должен быть готов только к тому доброму, что даёт мне и требует от меня Высочайшее Добро. Мало слов, но много их внутри. Потому случается, что хотя я и стараюсь всегда предпринимать что-нибудь полезное, но при этом всегда готов не заботиться о таком или подобном ему добром деле, если Господь Бог делает так, что или не получаю я отклика, или он происходит без успеха для меня. Я рассуждаю так: я не требую от Бога ничего иного, кроме того, что Он хочет дать мне. И я не хочу давать Ему ничего иного, кроме того, что Он от меня требует. Что невозможно для меня, того Бог и не требует от меня, ибо если бы Он хотел от меня что-то, то Он, всемогущий, даровал бы мне такую возможность.

Далее послушай, возлюбленный Отче, другое правило, о котором душа моя особенно печётся: я не должен быть прикован к ни к какой понимаемой или чувственной вещи. Потому я без всяких трудностей преодолею всё, что со мной случается, и разум мой не приходит в смятение от наглости тех четырёх ветров, которые обуревают море души — то есть любви и досады от нынешних или страха и надежды будущих приключений. А поскольку моё сердце свободно от всех вещей жизни, понимаемых и ощущаемых, то не может ни кажущееся в них добром причинять мне радость или надежду (ибо я замечаю, что оно длится лишь мгновение ока и несравненно мало в смысле вечности души моей, и в смысле спасительной

благодати, ожидаемой мною из милосердия Господа нашего Иисуса Христа, и в смысле славы, предстоящей мне), ни семена зла этой жизни — возбудить во мне печаль или страх (ибо здесь я тоже рассматриваю его краткое пребывание здесь лишь как действие тени в сравнении со злом этой жизни, а особенно в сравнении с некими, пусть и не грубыми грехами, которые мне должны быть ужаснее самого ада в смысле отворачивания, испытываемого моим Богом, которого лишь одного любит моя душа). В остальном же я стараюсь ни быть слишком склонным к случающимся здесь событиям, ни слишком уж отвращаться от них, которые все без различия одинаковы для меня; так что, когда придёт Божия Воля и свершится то, что судил Бог, тотчас и моя душа окажется тиха и весьма довольна всем, что Он посылает и определяет.

Я нахожу, что нет ничего, что могло бы мне повредить, если сама моя воля не является причиной моей повреждённости. Ибо поскольку один только грех — моё подлинное зло, и ничто в мире не может сделать меня грешником против моей воли, — то и ничто в мире не может против моей воли причинить мне зла, от которого бы я справедливо повредился. Более того, я нахожу, что если я взираю прямо, то всё помогает и способствует мне на пути к большей любви к моему дражайшему Спасителю. Ибо это может быть либо угодно, либо не угодно моей нижней части: если оно угодно и, избегая этого, я могу распинать и умерщвлять себя, то из такой смерти восстаёт во мне сила новой жизни; если же не могу я избежать этого [я имею в виду, разумеется, только честные и не запретные вещи], то стараюсь возвышать свой ум к Богу (словно посредством лестницы этих тварей, угодных моему внешнему человеку) и благодарю благодать Его, определившую мне это для нужды, как увещевает апостол: *Кто ест, для Господа ест, ибо благодарит Бога* (Рим. 14:6). Если же есть неприятные и негодные внешнему человеку дела или приключения, — о, как дивно они мне помогают побивать мою самовлюблённость, которая, как враг, осадила меня, нападает и приводит к падению в жестокую беду! И — о, как хорошо они мне помогают в обретении тех добродетелей, которые делают меня подобным распятому Иисусу, Господу моему и Богу моему. Ибо если такие приключения негодны и неприятны, то причина этого — то, на что они падают [или чего они касаются]; и это или имение и хозяйство, — и тогда я веселюсь, потому что становлюсь нищим и подхожу ближе к своему совершенно обнажённому Спасителю; или это земная честь, — и тогда я радуюсь, что в поругании бываю товарищем Иисусу, Который претерпел такое злословие от грешников, неся Свой крест и не обращая внимания на поношения, и стал посмешищем для людей и презрением для народа; или это касается здоровья или жизни моего тела, — и тогда мне достаточно взглянуть на моего Спасителя, исполненного боли и ран и повешенного на кресте, чтобы мой дух ободрился среди всех болезней и изнеможений тела.

И во внешних, и во внутренних напастях, мучениях и гонениях, страдания которых мне случается иногда терпеть, я обычно часто повторяю одно воздыхание, которому научится у Вас:

*Если я лишь Тебя, Иисусе, имею,
То о себе совсем не радею!*

Также рассматриваю я и своё великое неведение о путях и средствах, которыми я должен идти к своему совершенству; но поскольку я знаю, что мой Бог есть самая высочайшая Премудрость и Любовь, то предаю себя Ему как знающему лучше, чем я, что для меня полезно; а поскольку я люблю Его много больше, чем самого себя, то не сомневаюсь, что Его благой Дух поведёт меня ровной дорогой, если только я никогда не воспротивлюсь Ему. Более того, я знаю, что Бог любит Самого Себя бесконечной любовью, и всё творит ради Себя, и находит Себе честь из всех Своих судеб; и если я люблю Божье благоугождение и прославление больше себя самого, то всегда радуюсь о том, что присудил он мне, хотя часто они и бывают тяжелы для моей чувственности. Но что же делает всё это? Божья сила мощна в слабых.

Я могу сказать, что никогда не бываю празден; но упражнения мои всегда таковы, что если я должен прервать своё дело, то прерываю его с великим удовольствием, а если не могу я даже заняться им, то и отбрасываю его с великим удовольствием. А если мне приходится начинать его заново, то я делаю это с таким же удовольствием, хоть и не с такой же охотой и желанием, словно бы желая привести его к завершению. Ибо я считаю, что если дело должно твориться, то находится оно исключительно в руке Божьей, Премудрость Которого управлять всем добром. Хотя мы все должны прилагать полученные от Бога силы и средства для благополучного завершения всех наших добрых намерений, но в то же время мы должны быть готовы оставаться довольными тем, что ничего по-нашему (хотя бы и добром) предположению успеха не имеет. Ибо всегда верно, что мы невежды и большей частью не ведаем, чего просим; а Бог, наоборот, есть высочайшая Премудрость, простирающаяся из конца в конец и никогда не грешащая. Потому не приличествует нам нападать на что-либо с чрезмерной зависимостью, сколь бы добрым оно ни казалось; ибо мы не можем быть доподлинно обнадёжены, этим ли хочет быть почтён наш Господь Бог. А поскольку честь Божья — единственная, на которую всегда нацелены боголюбивые души, они должны во всех происшествиях подвергаться тому, что судил Бог. Он знает куда лучше нашего, что служит для большего Его прославления. Я часто размышляю о том, что блаженство всех душ было высочайшей и наилучшей целью страдания Христова, и чего более хотел Он, если не того, чтобы горел огонь, который Он пришёл возжечь на Земле; однако видя, что после столь жестокого и горького страдания погибают столь многие души, Он не беспокоился об этом, но покорялся воле Своего Вечного Отца, который знает, как находить Свою высокую честь не менее в наказании нечестивых, чем в воздаянии святым.

Должен ли я говорить, что со мной случается, когда я смотрю на грехи, творимые в мире? Богу, проникающему в самое основание моего сердца, известно, сколь жалки они для меня, сколь сильную боль причиняют они моей душе и сколь охотно желал бы я исправить их самой своей кровью и жизнью, если бы это было возможно. Но я не позволяю им беспокоить мой ум, ибо знаю, что Бог не потерпел бы их творения, если бы не знал, как найти в них Свою честь. Я никогда не хотел бы изнемогать в сражении против греха и порока, чтобы помочь истребить их; но я познал, что это требует добродетели и совершенства, а не беспокойства и смятения ума, которые являются проявлениями слабости души. Я не позволяю беспокоить

меня даже своим грехам и своим частым погрешностям и прегрешениям, ибо помню, что пишет Св. Учитель Бернгард: *Когда праведный падает, то Бог поддержит руку и творит чудо в том, чтобы сам грех способствовал его праведности; ибо мы знаем, что любящим Бога всё идёт на пользу.* Не служат ли для нашей пользы и те падения, через которые мы становимся смиреннейшими и осторожнейшими? Если я вижу, что заблудился, то что я делаю? Я иду и смиряюсь пред Богом; прошу у Него прощения; стараюсь не умалчивать мой грех, но исправиться; вину за прегрешение беру только на себя, а не делю с кем-то ещё; и стараюсь впредь быть осторожнее. Кроме того, я снова успокаиваю свою душу и обновляю намерение всегда любить моего всеблаженнейшего Господа Иисуса сильнее и горячее.

Обычно я считаю, что мне надо быть господином временных вещей и своих приключений, а Бог должен единовластно господствовать надо мною. Мне прилично господствовать над тем, что менее меня, а Богу прилично господствовать надо мной, ибо я бесконечно меньше моего Бога. Из этого следует, что, чего бы со мной ни случилось, мною не овладеют ни заметное смятение, ни гнев. Во всех происшествиях и приключениях я усматриваю Божию Волю, а кроме того, вижу, сколь преходящи такие вещи, сколь подлы и сколь хуже меня, сотворённого и искуплённого к высочайшей и бессмертной жизни. Я не нахожу здесь ни дел, ни места, ни лица, ни твари, которые могли бы связать мой дух или пленить меня любовью. С другой стороны, я не нахожу также и не желаю находить способа и образа разрешиться от уз тела, которыми надеюсь быть связан моим Богом; и моим Господом, который всегда позволяет находить Себя при всех праведно исполненных упражнениях, на всех местах и среди всех тварей. Так присутственно и так бесконечно достойно любви этот великий Бог открывает Себя пред очами моей веры, что при помощи Его благодати я хочу любить во всём только Его, не заботясь ни о вещах, ни о себе самом, иначе как в Нём и взирая на Него. Я всё больше открываю и усматриваю, что между всеми переменами мест, времён, тварей и упражнений этот мой прелюбезный Господь и Бог бывает таким неизменным, как Он есть, чтобы я верил в него как в присутствующего и достойного любви и поклонения: меж всем, над всем и вне всего вышеназванного; а соразмерно с такой верой я должен всё сильнее и смиреннее любить Его и поклоняться Ему и во всём, что я делаю и желаю, и на всех местах, и во всякое время, и при всякой твари.

Далее, поскольку я понимаю, что всё моё оправдание основывается на Божьем милосердии, и на заслуге Иисуса Христа, который ради меня стал человеком и был распят, и на моём пребывании от начала и до конца в верном соблюдении Его слов, и в послушном следовании благодати, участником которой я надеюсь стать через Святого Духа, — то не привязываю себя к промежуточным причинам или к вспомогательным средствам своего блаженства. Ради этого (если эти вспомогательные средства даются мне Божьим промыслом и потому позволительны) я хочу не только охотно принять их, но и всячески стараться обретать и применять их: не столько потому, что эти вспомогательные средства прекрасны, сколько потому, что их определяет и позволяет великая любовь ко мне моего Бога. Если же Он или не даёт их, или снова отнимает у меня те, что дал, и хочет, чтобы я лишился их, — то я должен не только не печалиться об этом и не впадать из-за этого приключения ни в малейший грех или слабость, но ещё и крепиться в надежде

обрести завершение своей веры даже без этих столь изящных способствующих и помогающих средств. Основание этого в том, что я хочу, чтобы моя надежда утверждалась не на чём-нибудь непостоянном и способном оскудеть [а на Земле всё такое], но на непрременной и никогда не оскудевающей Божьей благодати и милосердии и на заслуге воплотившегося Слова в общении Святой Девы и всех совершенных и праведных душ в небе, которые через своё неразлучное блаженное соединение с Богом стали такими же неизменными. Из этой моей надежды исходит на меня весьма благое удовольствие, если иногда [впрочем, без моей вины и когда я не могу этого изменить] мне не достанет или частого причастия Святых Тайн, или собеседования и переписки с Вами, или ощущения и вкушения сладости в молитве, или чего иного, что раз уж употребляет Господь как средство меня облагодетельствовать, то Он способен даровать мне всё благое и без подобных вспомогательных средств.

Если же должен я потерять себя и в себе самом; если я хочу обрести цель в Боге и не должен жить для самого себя; если хочу целостно жить для Господа Бога, — то я должен всегда попирать ногами свою похоть, своё суждение и свою волю и, напротив, всегда принимать волю Бога и моих начальников, данных мне вместо Него, и долг моего звания, через который мне порядочным образом открывается, как именно хочет Бог, чтобы я ходил внешне. В этом случае я также стараюсь, чтобы ни одна из созданных вещей не была мне ни любезна, ни досадна, и чтобы я ни искал из похоти, ни избегал из лениости никакого дела или страдания. [Здесь уже разумеется, что я говорю только о том, что находится вне моего долга, ибо я ненавижу пороки так, как должен, и делаю охотно всё, к чему меня обязывает моё звание]. Таким образом, я всегда готов позволить вести меня и управлять мною (без сколь-нибудь заметного сопротивления моей свободной воли) Богу, долгу моего звания и моим начальникам. Я хочу иметь одну только любовь — к Богу, к тому, что ведёт меня к Нему, и к тому, что Он велит мне любить. Добродетели в целом я люблю сами по себе; что же касается воплощения той или иной в дело, в этом я полностью покорен тому, что Бог требует от меня час за часом порядком и откровением Своей Воли в моём состоянии и звании. Также я желаю иметь и лишь одну ненависть — ко всякому греху без исключения и к себе самому (если я буду виновником всех своих грехов своей повреждённой плотью и кровью, похотью своих чувств, привычкой грешить собственномнением и собственнлюбием). Во всём же остальном я не должен ни желать, ни избегать никакой вещи, никакого дела, никакого страдания, дабы, освободившись через это и живя свободным умом, смог бы я (весьма легко и без смущения в своём внутреннем мире, через послушание, которое должен оказывать чину своего звания и своим начальникам [через которых сообщается мне, чего требует от меня Бог]) быть водим и всегда глубоко покорен достойному любви промыслу верного моего Творца.

В заключении надо ещё объявить, что всезнатнейшая причина вкушаемого мною покоя души [при Божьей Благодати] — глубокое и основательное вникновение в Иисуса Христа, моего Господа, о Котором я постоянно пекусь, жизнь, страдание, пребожественное учение Которого, находящиеся в Святом Евангелии — живой источник мира для моей души. Более всего касается моего сердца написанное неким Учителем: *Следы двух ступней оставил Христос, первая из которых — не делай зла,*

но терпи; а вторая — твори добро, а не ожидай добра. Таково краткое содержание жития моего Господа Иисуса: делать добро столь многим, сколь это возможно, не ожидая великой благодарности; и никогда не причинять никому зла, но быть довольным и терпеть всякое зло ради Бога, который выше всякого добра. Я часто рассуждаю и о словах другого Учителя, который пишет так: Воля Божия не состоит в том, чтобы душа впадала в печаль и беспокойство. Если же случается ей иметь такое страдание ума, то лишь из-за недостатка добродетели; ибо совершенная душа радуется в тех же приключениях, о которых сетует несовершенная. И, воистину, это так. Ибо, раз уж разумная тварь совершенна лишь тогда, когда любит Бога великой любовью и превращённой и соединённой волей, а несовершенная, когда прилепляется к себе самовлюблённостью, — то тот, кто сетует, что ему что-то неприятно, любит лишь себя самого и потому несовершенен. И напротив: кто думает во всех приключениях, что на то Воля Божия, и всё всегда превращает в неё, тот никогда не сможет опечалиться, но [и среди смятения, досады и болезней чувств] всегда наслаждается высочайшей мирной тишиной и покоем ума.

Конец